

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2025 • Т. 16 № 1

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина
МГИМО (Россия, Москва)

ШЕФ-РЕДАКТОР

Максим Александрович Сучков
МГИМО (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Софья Константиновна Бабкина
МГИМО (Россия, Москва)

Председатель

Андрей Анатольевич Байков
МГИМО (Россия, Москва)

Татьяна Александровна Алексеева
МГИМО (Россия, Москва)

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий
Институт востоковедения РАН (Россия, Москва)

Алексей Демосфенович Богатуров
Россия, Москва

Айше Дитрих
Ближневосточный технический университет
(Турция, Анкара)

Александр Жебит
Федеральный университет (Бразилия, Рио-де-Жанейро)

Виктория Ивановна Журавлева
РГГУ (Россия, Москва)

Клаус Зегберс
Свободный университет Берлина (Германия, Берлин)

Чарльз Зиглер
Университет Луисвилла (США, Луисвилл)

Ольга Владимировна Зиневич
НГТУ (Россия, Новосибирск)

Акихиро Ивасита
Университет Хоккайдо (Япония, Саппоро)

Михаил Васильевич Ильин
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Гэй Кристофферсен
Университет Джона Хопкинса, Нанкинский Центр
(США-Китай)

Айгуль Кульназарова
Университет Тама (Япония, Токио)

Виктор Лаврентьевич Ларин
Институт истории археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток)

Валерий Георгиевич Ледаев
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Марина Михайловна Лебедева
МГИМО (Россия, Москва)

Чинтамани Махалатра
Университет имени Джавахарлала Неру (Индия)

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Максим Александрович Сучков
Софья Константиновна Бабкина
Елена Владимировна Бурдина
Дарья Павловна Адаева
Анастасия Вячеславовна Павлова
Анастасия Арсеньевна Минеева
Татьяна Яковлевна Щербак

Виктор Павлович Макаренко
ЮФУ (Россия, Ростов-на-Дону)

Василий Васильевич Михеев
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Ефим Иосифович Пивовар
РГГУ (Россия, Москва)

Евгений Васильевич Попов
МГИМО (Россия, Москва)

Ли Син
Пекинский педагогический университет
(Китай, Пекин)

Леонид Владимирович Сморгун
СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург)

Марина Вадимовна Стрежнева
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Дмитрий Викторович Стрельцов
МГИМО (Россия, Москва)

Иван Николаевич Тимофеев
РСМД (Россия, Москва)

Анн де Тинги
Сьян По (Франция, Париж)

Алишер Файзуллаев
Университет мировой экономики и дипломатии
Узбекистана (Узбекистан, Ташкент)

Ши Чжюй
Тайваньский Национальный университет,
Университет Сунь Ятсена
(Китай, Тайвань, Тайбэй)

Чжао Хуашэн
Фуданьский университет (Китай, Шанхай)

Татьяна Алексеевна Шаклеина
МГИМО (Россия, Москва)

Людмила Ивановна Шерстова
ТГУ (Россия, Томск)

Джин Уилсон
Уитон Колледж; Гарвардский университет (США)

У Юйшань
Академия Синика (Китай, Тайвань, Тайбэй)

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Дмитрий Евгеньевич Волков

Журнал основан в 2009 г. С начала издания – № 56

УЧРЕДИТЕЛИ

Издательская группа «Юрист»
МГИМО МИД России

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в международные и российские библиографические
базы данных, в том числе ESCI Web of Science Core Collection,
Google Scholar, BAK, РИНЦ и другие.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006
от 30 апреля 2021 г. и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

web-page: sravpol.ru

ISSN (print) 2221-3279

ISSN (online) 2412-4990

Тираж 100 экз. Объем 15,3 усл. п.л.

Заказ № _____

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакции,
учредителей в лице МГИМО МИД России и издательской группы «Юрист», а также организаций,
аффилированных с авторами.

© Журнал «Сравнительная политика», 2025

© О.В. Гаман-Голутвина, 2025

© Издательская группа «Юрист», 2025

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2025 • Volume 16 № 1

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Dr Oksana V. Gaman-Goluvina
MGIMO–University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Dr Maxim A. Suchkov
MGIMO–University (Russia, Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

Sofia K. Babkina
MGIMO–University (Russia, Moscow)

Chairman

Dr Andrey A. Baykov
MGIMO–University (Russia, Moscow)

Dr Tatiana A. Alekseeva
MGIMO–University (Russia, Moscow)

Dr Viacheslav Ya. Belokrenitsky
Institute for Oriental Studies, RAS (Russia, Moscow)

Dr Alexei D. Bogaturov
(Russia, Moscow)

Ayşe Dietrich
Middle East Technical University (Turkey, Ankara)

Alisher Faizullaev
University of World Economics and Diplomacy of
Uzbekistan (Uzbekistan, Tashkent)

Gaye Christoffersen
Johns Hopkins University, Nanjing Center
(USA–China, Nanjing)

Zhao Huasheng
Fudan University (PRC, Shanghai)

Dr Mikhail V. Ilyin
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

Akihiro Iwashita
University of Hokkaido (Japan, Sapporo)

Dr Aigul Kulnazarova
Tama University (Japan)

Dr Viktor L. Larin
RAS (Russia, Moscow)

Dr Marina M. Lebedeva
MGIMO–University (Russia, Moscow)

Chintamani Mahapatra
Jawaharlal Nehru University (India)

Dr Victor P. Makarenko
Southern Federal University
(Russia, Rostov-on-Don)

Dr Vasily V. Mikheev
Institute of World Economy and International
Relations RAS (Russia, Moscow)

Dr Efim I. Pivovarov
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Dr Evgeny V. Popov
MGIMO–University (Russia, Moscow)

ASSOCIATE EDITORS

Dr Maxim A. Suchkov
Sofia K. Babkina

Elena V. Burdina
Daria P. Abdeeva

Anastasia V. Pavlova
Anastasia A. Mineeva

Tatiana Ya. Shcherbak

Klaus Segbers
Free University of Berlin (Germany, Berlin)

Dr Tatiana A. Shakleina
MGIMO–University (Russia, Moscow)

Chih-yu Shih
National Taiwan and National Sun Yat-sen
University (China, Taiwan, Taipei City)

Dr Lyudmila I. Sherstova
Tomsk State University (Russia, Tomsk)

Dr Leonid V. Smogunov
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Dr Marina V. Strezhneva
Institute of World Economy and International
Relations RAS (Russia, Moscow)

Dr Dmitry V. Streltsov
MGIMO–University (Russia, Moscow)

Dr Ivan N. Timofeev
Russian International Affairs Council
(Russia, Moscow)

Anne de Tinguy
Sciences Po (France, Paris)

Jeanne L. Wilson
Wheaton College; Harvard University (USA)

Yu-Shan Wu
Institute of Political Science, Academia Sinica
(China, Taiwan, Taipei City)

Li Xing
Beijing Normal University (PRC, Beijing)

Alexander Zhebit
Federal University of Rio de Janeiro
(Brazil, Rio de Janeiro)

Dr Viktoria I. Zhuravleva
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Charles E. Ziegler
University of Louisville (USA)

Dr Olga V. Zinevich
Novosibirsk State Technical University
(Russia, Novosibirsk)

COMPUTER LAYOUT

Dmitry E. Volkov

Журнал основан в 2009 г. С начала издания – № 56

PUBLISHERS
Publishing Group "Yurist"
MGIMO–University

INDEXING

The journal is included in international and Russian bibliographic databases,
including ESCI Web of Science Core Collection, Google Scholar, Higher
Attestation Commission, RSCI and others.

web-page: sravpol.ru

ISSN (print) 2221-3279

ISSN (online) 2412-4990

Circulation 100 copies.
Order No. ____.

The opinions expressed in *Comparative Politics Journal* are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, MGIMO University, Publishing Group "Yurist", or the organizations to which the authors are affiliated.

© Comparative Politics, 2025
© O.V. Gaman-Goluvina, 2025
© Publishing Group "Yurist", 2025

МОЗАИКА СТРАНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

Мозаика страноведческих исследований:
казусно-ориентированный подход
О.В. Гаман-Голутвина
(МГИМО МИД России)

МОЗАИЧНОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Выборы – 2024 в ЮАР:
результаты и последствия для страны
Д.А. Турияница
(Институт Африки РАН)

Идеологии и умонастроения в Таджикистане
Е.М. Кожокин
(РГГУ; МГИМО МИД России)

Интеграция новых африканских членов в БРИКС:
пример научно-образовательной политики
А.А. Уфимцев
(Институт Африки РАН, НИУ ВШЭ),
С.Н. Замесина
(Институт Африки РАН)

Переменчивая устойчивость:
всеобщие выборы в Чили как институциональное
отражение демократических традиций
А.Ю. Варшавский
(МГИМО МИД России)

Арктика как новая сфера сотрудничества
России и Турции
Е.В. Киенко
(МГИМО МИД России),
А.Г. Чалык
(Центр стратегических исследований MASA, Турция)

О возрождении интереса Германии
к ядерному оружию
А.Е. Павлов
(ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН)

Образ России в дискурсе французских президентов:
Франсуа Миттеран
А.В. Веретевская, В.А. Хачатрян
(МГИМО МИД России)

КНИЖНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Как Си Цзиньпин изменил Китай
И.Г. Чубаров
(ИКСА РАН)

MOSAIC OF REGIONAL STUDIES

CONTENTS

INTRODUCTION TO THE TOPIC

Mosaic of Regional Studies:
A Case-Oriented Approach
Dr. Oksana V. Gaman-Golutvina
(MGIMO University)

MOSAIC FIELD OF RUSSIAN
AND WORLS POLITICS

Elections 2024 in South Africa:
Results and Consequences
Daria A. Turianitsa
(Institute for African Studies RAS)

Ideologies and Mindsets in Tajikistan
Dr. Evgeny M. Kozhokin
(Russian State University for the Humanities;
MGIMO University)

New African Members Integration into BRICS:
Evidence from STI and Educational Policy
Andrey A. Ufimtsev
(Institute for African Studies RAS; HSE University),
Sofia N. Zamesina
(Institute for African Studies RAS)

Shifting Stability:
Chilean General Elections as an Institutional Reflection
of Democratic Traditions
Arseny Yu. Varshavsky
(MGIMO University)

The Arctic as a New Domain of Russia –
Türkiye Collaboration
Dr. Elena V. Kienko
(MGIMO University),
Ayşe Gülşüm Çalık
(MASA Strategic Research Center, Türkiye)

On New Interest in Nuclear Deterrence Capabilities
in Germany
Alexander E. Pavlov
(IMEMO RAS)

The Image of Russia in the Discourse of French Presidents:
François Mitterand
Dr. Anna V. Veretevskaya, Valentina A. Khachatryan
(MGIMO University)

BOOK REVIEW

How Xi Jinping Changed China
Dr. Ilya G. Chubarov
(ICCA RAS)

МОЗАИКА СТРАНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: КАЗУСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Оксана Гаман-Голутвина
МГИМО МИД России

Аннотация: Статья посвящена уточнению эвристических возможностей казусно-ориентированного подхода (изучение случая, *case-study*) в сравнительной политологии. Данный подход соотносится с *идеографическим* знанием в рамках разделения гносеологии на *номотетические* (постижение закономерностей) и *идеографические* (описательные) науки (В. Виндельбанд); с *понимающим* знанием в рамках разграничения *объясняющих* и *понимающих наук* (В. Дильтей) и насыщенным (*thick*) описанием в отличие от «ненасыщенного» (*thin*) (К. Гирц).

Благодаря идентификации различных типов знания казусно-ориентированный подход обретает объемное звучание, смысл и содержание, открывает возможности углубленного развития политико-теоретических концептов на референтном для темы материале и позволяет получить богатую деталями и конкретикой фактуру. Востребованность казусного подхода во многом определена ограниченностью ресурсов, необходимых для исследования значительного числа стран, порой — языковыми или географическими ограничениями.

Специфика *case-study* определяет такое важное требование к выбору случая, как обоснованный выбор объектов изучения. Поскольку центральным объектом политической науки выступают политические институты и процессы, и, учитывая центральную роль государства как ключевого института политической архитектуры, ядром страноведческих изысканий выступают конфигурация государства и производимая им политика. Ввиду того, что понятие государства является зонтичным термином и характеризуется концептными натяжками, потенциально оно может быть применимо для политий различных времен, что формирует запрос на уточнение понятийного аппарата для рассмотрения государства в качестве категории политической науки.

Поскольку в условиях международной анархии государства как самостоятельные акторы определяют «правила игры», именно уровень государств как единиц анализа лежит в основе структурных и системных исследований международных отношений и мировой политики: суверенные государства выступают базовыми «ячейками» современного мироустройства, несмотря на возрастающую значимость негосударственных акторов. Позиция государства в иерархичной международной системе производна от его национальной мощи, которая в рамках классических подходов трактуется как производная от таких параметров, как территория, население, экономика, военный потенциал, включая его ядерный компонент.

Предлагаемый выпуск «Сравнительной политики» содержит многообразную панораму *case-studies*, характеризующих разнонаправленную по содержанию эволюцию ряда политий, включая некоторых участников БРИКС и членов ЕС.

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина — доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент РАПН, главный редактор журнала «Сравнительная политика», член Общественной палаты РФ и Общественной палаты Москвы, член-корреспондент РАН.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: сравнительная политология, case-study, казусно-ориентированный подход, государство, национальная мощь, БРИКС

Последняя четверть XX века была отмечена масштабным взлетом глобализации, результатом которой, как ожидалось многими, могло стать возрастание гомогенности политических культур, систем и мирового политического ландшафта в целом, по крайней мере, его видимого измерения. По прошествии первой четверти XXI в. можно с определенностью констатировать, что, несмотря на активную коммуникацию и определенное сближение политических стандартов и моделей политической организации различных макрорегионов и политий, гетерогенность и полифония мирового политического ландшафта сохраняется, тогда как сама глобализация вошла в полосу кризиса. Включенное в данный выпуск многообразие изучаемых стран и тематик наглядно это иллюстрирует. Политико-системное многообразие, на наш взгляд, выступает неизбывным свойством цивилизационной гетерогенности мира, что, в свою очередь, является фактором витальности мирового сообщества. Одновременно это ставит непростую эвристическую задачу нахождения адекватных методов познания этого разнообразия. В этой связи рассмотрение конкретных случаев позволю себе предварить размышлениями методического плана и характеристикой актуального контекста страноведческих исследований.

Прежде всего следует отнестись к разделению в рамках социальных наук в целом и в политической науке в частности двух больших областей научного знания. Одна охватывает теоретическое или номотетическое (законоустанавливающее) знание, другая содержит описание и интерпретацию наблюдаемой фактуры. Подобное разделение осуществил еще в конце XIX в. Вильгельм Виндельбанд, который противопоставил «науки о законах», или *номотетические науки*, в первую очередь естественные, «наукам о событиях», или *идеографическим*, в первую очередь истории. По мысли Виндельбанда, целью номотетического метода является установление общих закономерностей, изучение свойственных целому классу типических черт. Идеографический метод позволяет постичь уникальность и воспроизвести индивидуальность.

Сходные с размышлениями Виндельбанда идеи практически одновременно с ним развивал Вильгельм Дильтей, предложивший разделение наук на *объясняющие* и *понимающие*.

Разграничение идеографических и номотетических дисциплин созвучно также предложенному Клиффордом Гирцем разграничению «насыщенного» (*thick*) и «ненасыщенного» (*thin*) описания, что было определено его стремлением к воспроизводству антропологических характеристик различных сообществ. «Насыщенное описание» (*thick description* как антипод *thin description*)

предполагало максимально богатую параметрами и свойствами характеристику изучаемого объекта в отличие от «ненасыщенного описания», фокусированного преимущественно на описании фактов.

Политическая наука объемлет оба типа гносеологии при выраженном акценте на номотетическом типе знания, нацеленном на выявление закономерностей политической сферы. Вместе с тем идеографическое описание, позволяющее представить богатое деталями и конкретикой знание, также находит широкое применение в политологии. Этому типу эпистемологии соответствует казусно-ориентированный подход – изучение случая (*case-studies*) – который одновременно является и методом изучения.

Case-study является качественным исследованием малого числа объектов, характеризуется получением «насыщенного» (*thick*) знания, предполагает изучение объекта в конкретный момент или отрезок времени (Herron & Quinn, 2016) и означает детализированное рассмотрение одного случая, проливающее свет на более обширный класс сходных явлений (Гаман-Голутвина, 2015).

Преимущества казусно-ориентированного подхода заданы тем, что этот формат благодаря производству богатого деталями знания (*thick*) отдельного случая способствует развитию концептов и теории (Гаман-Голутвина, 2005). В свое время Д. Аптер отмечал достоинство казусно-ориентированного подхода: «Преимущество моноисследования – его глубина, внимание к внутренним характеристикам социальной и политической жизни одной страны и к какой-то одной проблеме... ничто так не обнажает недостатки сверхобобщенных сравнительных теорий, как добротное моноисследование, так называемое *case-study*: оно рассматривает взаимосвязи подсистем, выявляет новые связи и переменные политических процессов, которые могут остаться незамеченными при проведении исследований национального правительства или местных властей» (Аптер, 1999). Позже Дж. Герринг в своей известной работе «Изучение случая: исследовательские принципы и практики» детально характеризовал преимущества изучения конкретных случаев. По мысли Герринга, этот формат приближает нас к пониманию причинно-следственной связи на основе конкретных случаев, поскольку они направлены на сохранение структуры и детализации отдельных случаев, особенностей, которые часто теряются при анализе большого числа перекрестных случаев (Gerring, 2017).

Ч. Рэгин оспаривал традиционное понимание компаративного исследования как сопоставления двух или более объектов, поскольку на деле «многие специалисты по отдельным регионам являются полноценными компаративистами: они по факту сопоставляют объект исследования с собственными странами или с вымышленными, но убедительными теоретически идеальными типами» (Ragin, 1987). Действительно, формально рассмотрение одного случая вряд ли может считаться подлинно сравнительным. Компаративный статус обеспечен тем, что исследователь, изучающий какую-либо страну, де факто

сопоставляет ее с другой, хорошо известной ему. Классическим примером может служить опыт А. Токвиля, который, осваивая политические реалии США, сопоставлял их с французской политикой.

Подобный тип рассмотрения открывает возможности углубленного развития политико-теоретических концептов на референтном для темы материале. Данную стратегию Р. Роуз назвал «экстравертным *case-study*» (Rose, 1991), что позволяет провести тщательное изучение одного случая в контексте существующей теории с целью ее обогащения и развития посредством учета полученных данных. Хрестоматийным примером в данном отношении может считаться концептуализация А. Лейпхартом опыта консоциации в Нидерландах (Lijphart, 1975; Lijphart, 1971). Другим классическим опытом является работа Р. Патнэма о развитии гражданской культуры Италии (Putnam, 1993), что позволило автору углубить понимание социального капитала и проецировать его для изучения процессов демократизации.

Наиболее эффективной из стратегий *case-study* является рассмотрение *отклоняющегося случая*, который дает возможность либо подтвердить существующую теорию, либо отвергнуть ее.

Востребованность казусного подхода во многом определена ограниченностью ресурсов, необходимых для исследования значительного числа стран, порой — языковыми или географическими ограничениями. Так что независимо от конкретных задач конкретного исследования, значительное число резонансов определяют востребованность одноказусных исследований в современной политической науке (Гаман-Голутвина, 2020).

Специфика *case-study* определяет такое важное требование к выбору случая, как репрезентативность: предполагается, что изучаемый объект обладает сходными с генеральной совокупностью характеристиками (Gerring, 2015; Bates, 2007; Badie, Berg-Schlosser & Morlino, 2011). Однако справедливость требует признать, что данное требование редко бывает полностью реализовано. В любом случае важным требованием этого типа исследований выступает обоснованный выбор объектов изучения. Поскольку центральным объектом политической науки выступают политические институты и процессы, и учитывая центральную роль государства как ключевого института политической архитектуры, уместно предположить, что ядром страноведческих изысканий выступают конфигурация государства и производимая им политика. По сути, именно в этой логике размышляют и авторы настоящего выпуска журнала при рассмотрении конкретных случаев, по умолчанию исходя из того, что системной рамкой рассматриваемых конкретных казусов выступают национальные государства. Не случайно Г. Алмонд констатировал, что государство традиционно являлось и продолжает оставаться фокусом политологических изысканий (Almond, 1988).

Однако констатация Алмонда оставляет вопросы. Что следует понимать под термином «государство» в данном контексте? Дело в том, что понятие государства является зонтичным понятием и характеризуется выраженными

концептными натяжками (Sartori, 1970), так как потенциально может быть применимо для политий различных времен, обладающих самостоятельностью различного масштаба и способностью вступать в межполитийные отношения (Ильин, 2008; Mikaberidze, 2011).

Поэтому в современной литературе отмечается острая потребность в уточнении понятийного аппарата для рассмотрения государства в качестве категории политической науки, в том числе посредством разведения понятия *государства* как *ансамбля институтов* власти и управления и особой сферы общественных отношений, *национального государства* (и его несинонимичных изводов – государства-нации и нации-государства) как модели политико-институциональной организации гражданской, правовой и культурной общности и *национально-территориального государства* как формы организации власти и опоры суверенитета в рамках административно-территориальных границ (Семененко, Лапкин & Пантин, 2020). В частности, в литературе могущество (мощь, сила) и влияние нередко используются как синонимы, что, в свою очередь, связано с рядом недостаточно проясненных теоретико-методологических вопросов (Мельвиль, 2018: 180). В этой связи справедливым представляется суждение П. Стейнбергера: *«Идея государства заключается в том, что само государство является идеей или, скорее, невероятно сложной и всеобъемлющей структурой (совокупностью) идей»* (Steinberger, 2015). Это определяет ограниченность проведения компаративных исследований рамками одной международной политической системы.

Кроме того, в рамках одной и той же международной политической системы не все государства являются сопоставимыми с точки зрения степени *типа акторности* (Wendt, 1987). В свое время Л. Клод предостерегал исследователей от чрезмерного обобщения политий и академической предвзятости на данном уровне анализа, называя «мифом» представление о том, что *«все государства являются похожими горошинами в одном стебле»* (Claude, 1988). Эмпирически это может проявляться, например, в существовании непризнанных и частично признанных государств, которые не входят в систему ООН. Тайвань, Сомалиленд, Приднестровская Молдавская Республика и Косово одновременно могут как считаться государствами обладающими определенной степенью государственной состоятельности, так и не быть ими вовсе, так как они не имеют международно-политического признания со стороны других признанных суверенных государств. Это позволяет Б.А. Барабашу констатировать, что проведение компаративного анализа суверенных государств имеет как минимум три ограничения: временной контекст, степень акторности, масштаб неравновесности (Барабаш, 2025).

Еще одно значимое измерение темы – это *типология* государств. Концепт государства обширен и покрывает значительный класс явлений в широком диапазоне, отличных по многим критериям. *По статусу, по степени и объему признания* – полноценные члены ООН, частично признанные и непризнанные государства. *По уровню развития*, измеряемому посредством ВВП на душу

населения; по обладанию традиционными факторами конкурентоспособности – территория, население, ресурсы. По эффективности реализации атрибутивных функций – состоятельные и *failed states*, между которыми – совокупность промежуточных форм.

Интерпретация критериев успешности и устойчивости современных государств активно дискутируется сегодня исследователями, и одним из результатов этих дискуссий может стать преодоление давно установившегося фокуса на режимных критериях в оценке современных государств. Параметрами оценки при сравнении разных государств мира в тенденции могут оказаться не столько их режимные характеристики, сколько их стабильность и эффективность (Мельвиль, 2024).

В условиях международной анархии, понимаемой как отсутствие единой верховной власти в лице центрального правительства на глобальном уровне, государства как единственные самостоятельные и независимые акторы в полном смысле этого слова определяют «правила игры» и преобразовывают их на всех уровнях политического пространства (Клепацкий, 2009). В этой связи неудивительно, что уровень государств как единиц анализа лежит в основе структурных и системных исследований международных отношений и мировой политики, ориентированных на всестороннее понимание положения (места), статуса, роли, функций и других фундаментальных характеристик отдельных государств в рамках конкретного сложившегося мирового порядка (Барабаш, 2025). Не случайно говорящее название – *«Возвращение государства»* (Evans, Rueschemeyer & Skocpol, 1985) – знаковой работы авторитетных авторов, опубликованной еще в тот период, когда глобализация считалась общепризнанным мейнстримом.

Позиция Т. Скочпол и соавторов разделяется и большинством отечественных авторов. Так, ее сформулировал, и также в тот период, когда доминирование глобализационного тренда не подвергалось сомнению, в частности, А.А. Кокошин (Кокошин, 2005), полемизируя с широко распространенным в 1990-е гг. представлением о размывании границ государства, об уходе государств на вторые роли в мировой политике и передаче их функций другим игрокам. Это представление было не беспочвенным, поскольку на протяжении последних десятилетий негосударственные акторы, прежде всего транснациональные корпорации, используя новейшие достижения современного технологического развития, стремились расширить (и масштабно расширили) свои возможности и влияние за счет сокращения возможностей национальных государств. «Вместе с тем потенциал влияния ТНК не достиг того уровня, который бы позволял им оттеснить на второй план нации-государства как главных субъектов мирополитической системы. Более того, в последние 10–15 лет в мировой политике явно возрастает роль нации-государства по сравнению с негосударственными акторами» (Кокошин & Кокошина, 2024).

Коротко говоря, суверенные государства «остаются базовыми “ячейками”» сегодняшнего мирового устройства, хотя при этом все более значимыми для глобального и регионального развития становятся негосударственные акторы. Важно учитывать, что, во-первых, сами государства (как и их суверенность) всегда сущностно разнородны по своим внутренним характеристикам и по потенциалу мощи и влияния во взаимоотношениях между ними и в международных делах в целом. Во-вторых, государства и их свойства, как и характер их могущества и влияния, историчны. Соответственно не только сами государства имеют различный «эволюционный возраст», но и их могущество и влияние определяются сложными процессами наследования, воспроизводства и видоизменения ряда характеристик и компонентов (Мельвиль, 2018).

Ввиду вышесказанного, позиция государства в иерархичной международной системе производна от его национальной мощи. А.Ю. Мельвиль отмечает, что общая структура могущества и влияния современных государств многослойна, а ее динамика обусловлена сочетанием традиционных и новых факторов и компонентов. Как могущество, так и влияние государства основаны на наличии определенных ресурсов и возможностей материального и нематериального свойства (Мельвиль, 2018). Трудно оспорить очевидную мысль о том, что могущество и влияние должны в первую очередь определяться в категориях потенциалов или возможностей (Mokken & Stokman, 1976), однако вопрос относительно иерархии факторов мощи остается открытым, и дискуссии по этому поводу продолжают.

В рамках классических подходов к пониманию факторов национальной мощи последняя трактуется как производная от таких параметров, как территория, население, экономика, военный потенциал, включая его ядерный компонент (German, 1960). В развитие этого подхода модель Р. Клайна предполагает синергию слагаемых мощи, включающих население, территорию, состояние экономики, военный потенциал, стратегию и национальную волю (Cline, 1977). При этом современная политическая реальность является более сложной и многоаспектной, чем период биполярного противостояния. Хотя значимость материальных факторов сохраняется, военная мощь более не является единственным критерием получения высокого статуса в международной иерархии (Барабаш, 2025), но ее значение отнюдь не падает, и ее не стоит недооценивать.

Осмысление реалий XXI в. подвигло исследователей к расширению перечня значимых параметров мощи национальных государств. А.Ю. Мельвиль и соавторы предложили обобщенную концептуализацию традиционных и новых факторов могущества и влияния: во-первых, ресурсно-экономическое (население, территория, запасы углеводородов, ВВП, экспорт товаров и услуг, НИОКР и др.); во-вторых, военное (военные расходы, численность армии, наличие ядерного оружия и способов его доставки и др.); в-третьих, институциональное (роль в ООН, МВФ и других международных организациях); в-четвертых, «мягкая сила» (качество высшего образования и научных

исследований, привлекательность национальных университетов для зарубежных студентов и др.) (Мельвиль, 2018). А.Ю. Мельвиль особо выделяет роль и значение политической воли и стратегии как своего рода «внересурсного» компонента, который в определенных ситуациях может компенсировать ресурсные (в широком смысле слова) ограничители и даже выходить на первый план в усилиях «восходящих» государств и групп государств, стремящихся к изменению своего положения и статуса в условиях меняющегося мирового порядка (Мельвиль, 2018).

В то же время происходит трансформация и самих государств. А.-М. Слоттер обратила внимание на феномен «трансгосударственности», суть которого заключается в создании «межправительственных сетей» между различными государствами. Иными словами, министерства и ведомства одного государства начинают интенсивно взаимодействовать с соответствующими структурами другого государства, формируя устойчивые связи (Slaughter, 2004). А.-М. Слоттер продемонстрировала данный феномен на примере Евросоюза. Однако феномен «трансгосударственности», по всей видимости, выходит за рамки ЕС (Лебедева, 2024).

Предлагаемый выпуск «Сравнительной политики» включает *case-studies*, характеризующие разнонаправленную по содержанию эволюцию ряда политий, включая некоторых участников БРИКС и членов ЕС.

Панорама действительно многообразна. Прежде всего, уместно затронуть китайский сюжет, который представлен в нынешнем номере журнала «отраженным светом» рецензии. Представленная в статье И.Г. Чубарова книга И.Ю. Зуенко «Китай в эпоху Си Цзиньпина» убедительно свидетельствует о том, что современная информационная политика КНР не случайно разделяет современную историю КНР на «до Си» и «новую эпоху» под его руководством. Для понимания феномена современного Китая данное издание ценно фокусировкой на фигуре нынешнего руководителя Китая.

Необходимо подчеркнуть: хотя Си Цзиньпин возглавил Китай в тот период, когда страна уже обрела статус одного из лидеров современного мира, правление Си Цзиньпина действительно значительно выделяется даже на фоне стремительно восходящей динамики КНР последних сорока лет. Конечно, впечатляющие достижения КНР последнего полувека были бы невозможны без масштабного стратегического видения будущего страны ее лидерами. Однако, несмотря на стратегическое целеполагание и напряженные усилия по развитию экономики, риторика китайского руководства длительное время была весьма умеренной в формулировках — построение «социализма с китайской спецификой», создание «сяокан» — общества средней зажиточности, устройство «гармоничного общества». Стилистика постановки задач заметно изменилась именно после избрания в ноябре 2012 г. Си Цзиньпина генеральным секретарем КПК: впервые после образования КНР была сформулирована «китайская мечта о великом возрождении китайской нации» — программа обретения Китаем лидерских позиций глобально-

го масштаба, конституирования в качестве нового центра многополярного мира. Уже в первом после избрания лидером партии публичном выступлении Си Цзиньпин сформулировал этапы достижения этой цели: к 100-летию образования Компартии в 2021 г. предполагалось окончательно покончить с нищетой и обеспечить средний достаток. А к 100-летию образования КНР в 2049 г. Китай по основным параметрам должен войти в круг великих держав мира. Наблюдатели обратили внимание на то, что уже в первом программном выступлении после избрания генсеком КПК Си Цзиньпин продемонстрировал стратегическую глубину своего видения *текущего периода* пятитысячелетней истории Поднебесной – на 170 лет назад, от начала первой Опиумной войны (1840), и на 37 лет вперед, до столетия образования КНР (2049), т.е. текущий период мыслится им в масштабе 200 лет. Свое правление Си начал с постановки перед китайской нацией долговременной задачи, измеряемой масштабом столетия.

Чуть позже Си Цзиньпин конкретизировал концепцию «китайской мечты», назвав три главных условия ее осуществления: движение по пути социализма с китайской спецификой; возвышение китайского духа и его ядра – патриотизма; объединение сил нации, включающей 56 национальностей 1,3-миллиардного населения. А уже осенью 2013 г. Си Цзиньпин представил концепцию мегапроекта «Один пояс, один путь», включающего создание Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI в., – транзитно-транспортной системы, призванной связать Китай со странами Евразийского континента и Африки (Гаман-Голутвина, 2016).

Возвращаясь к книге И.Ю. Зуенко, следует отметить, что рассмотрение личности лидера КНР представлено через его достижения и достижения страны, причем в различных областях жизни – от демографии и городской архитектуры до футбола и кинематографа. Проведенный в книге анализ убеждает в том, что многие из изменений, связываемых с именем председателя КНР, имеют глубокие исторические корни, и подводит к выводу о том, что политический курс Си Цзиньпина не имел альтернативы в случае ориентации на удержание статуса мирового лидера. Историческая роль Си Цзиньпина состоит в том, что он смог реализовать этот курс.

В развитие темы эволюции стран БРИКС логичным представляется сравнительное рассмотрение молодыми учеными из Института Африки РАН А.А. Уфимцевым и С.Н. Замесиной научно-образовательной политики новых членов БРИКС Египта и Эфиопии, которые рассматривают этот вектор как инструмент комплексного развития своих стран. Перспективы БРИКС в немалой мере определяются тем, как новые члены БРИКС интегрируются в существующие модели взаимодействия (Модернизация и демократизация в странах БРИКС, 2015). В формате бинарного *case-studies* рассмотрено развитие науки и образования в двух новых членах БРИКС – в Египте и Эфиопии, в том числе на материале анализа стратегических документов этих двух стран. Очевидно, что и вызовы, и возможности Египта и Эфиопии различны в силу значительного разрыва в уровне экономического развития, уровня развития науки

и технологий, что создает риски для интенсификации сотрудничества внутри БРИКС в целом. Существенны и иные затруднения. Так, несмотря на существование большого числа форматов взаимодействия и совместных инициатив, объем научной кооперации между учеными из стран БРИКС по-прежнему остается ограниченным. Среди китайских авторов с пятью и более зарубежными аффилиациями число ученых с одновременной аффилиацией в Китае и ЮАР значительно уступает числу публикаций с китайско-ирландской или китайско-ливийской аффилиацией, несмотря на сравнительно меньшие масштабы последних стран. Это может быть связано с различными причинами, среди которых – сохраняющееся лидерство университетов США и стран Европы, высокая распространенность английского языка в этих странах и его доступность для исследователей, высокий уровень жизни в развитых странах и т.д.

Авторы правомерно отмечают: сложен не только сам процесс научно-образовательного развития в упомянутых странах по причине слабых исходных позиций, но даже изучение этого измерения сталкивается с немалыми трудностями. Основным партнером по публикациям для многих стран БРИКС остаются Соединенные Штаты, что отражает не только инерцию научной среды, но и предпочтения самих исследователей, которые, согласно референтному опросу, среди стран БРИКС только Китай рассматривают в качестве подходящего для научной коллаборации партнера. Сложности налаживания сотрудничества связаны также с различной специализацией стран БРИКС, что несколько затрудняет научную кооперацию. Кроме того, осложняет дело разрыв между членами БРИКС в возможностях финансирования научно-технологического сектора. В то время как доля расходов на НИОКР в ВВП Китая и ОАЭ увеличивается довольно быстро, у остальных участников заметна тенденция к ее сокращению, что влияет на качество развития научной сферы. Наконец, не прояснена в полной мере взаимосвязь академического сотрудничества с «эффектом БРИКС»: в этот клуб входят многие страны-лидеры мировой науки, и трудно оценить, в какой степени академическое сотрудничество между ними может быть объяснено фактом членства в этом объединении. Тем не менее, хотя декомпозиция «эффекта БРИКС» является затруднительной, молодые авторы стремятся выявить механизмы, которые могли бы потенциально стимулировать развитие академических коллабораций внутри БРИКС.

В том числе с этой целью к 2025 году в рамках БРИКС сформированы форматы взаимодействия, соответствующие целям и принципам Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций. Однако эффективность этих форматов по многим индикаторам, например, по числу научных коллабораций, является ограниченной, и задача объединения на перспективу – улучшение этих показателей. Присоединение новых членов к БРИКС может менять форматы сотрудничества по мере того, как новые страны вступают в научно-образовательное партнерство с государствами-основателями БРИКС.

Еще одна молодая сотрудница Института Африки РАН Д.А. Туряница обращается к опыту другого члена БРИКС – Южной Африки – к результатам состоявшихся в 2024 г. парламентских выборов. Их итоги сенсационны: впервые за 30 лет существования демократической Южной Африки правящая партия – Африканский национальный конгресс – утратила парламентское большинство. Этот исход выборов Д. Туряница правомерно характеризует как поворотный момент, после которого АНК может утратить статус политического лидера страны. Поэтому автор сосредоточена на изучении причин утраты АНК поддержки со стороны немалого числа избирателей, детально рассматривая основные этапы подготовки к голосованию и предвыборные кампании различных политических партий – как новичков, так и тех, кто много лет участвует в электоральной конкуренции. Логично внимание не только традиционно важным для выборов вопросам (финансирование партий и стратегии мобилизации избирателей), но и специфическим обстоятельствам. К категории последних относится появление партии экс-президента ЮАР Джейкоба Зумы. Проведенный анализ позволяет автору идентифицировать источники снижения показателей АНК на выборах, включая экономические проблемы; коррупцию и неэффективное управление правительством на местах; изменение демографического состава населения, включая рост не связанного с временами апартеида молодого населения. Важнейшим сюжетом размышлений является изучение первых шагов нового официального руководства страны и формирования им внутренней и внешней политики. Первостепенное значение имеет вопрос о том, как произошедшие изменения во внутренней политике повлияют на внешнеполитический курс ЮАР в качестве участника БРИКС и одного из основных государств-представителей Глобального Юга.

Коль скоро речь идет о Глобальном Юге и Глобальном Востоке, уместен предложенный Е.М. Кожокиным взгляд на процессы, происходящие в Таджикистане, что позволяет глубже понять происходящие и грядущие в постсоветских государствах Центральной Азии перемены. Эти страны стоят перед необходимостью обновления. Однако здесь обстоятельства принципиально отличны от тех, что существуют в упомянутых выше новых членах БРИКС. Если Эфиопия и Египет в XXI в. устремились к преодолению нищеты и технологической отсталости, стартуя с весьма уязвимых позиций, то в постсоветской Центральной Азии после обретения независимости в результате распада СССР имели место выраженные тенденции деиндустриализации экономики и шире – системной архаизации социальных отношений (Динамика инноваций, 2011), что было обусловлено в том числе массовым оттоком квалифицированных кадров из республики в связи с гражданской войной начала 1990-х гг. и масштабным усилением национализма. Обретение независимости этой страной, как и большинством других постсоветских стран, сопровождалось поисками оснований новой идентичности (Политический класс в современном обществе, 2012), что определяло актуализацию идеологических оснований национального строительства. Обращение Е.М. Кожокина к опыту Таджикистана не случайно, ибо эту страну с Россией связывают особенно

тесные узы. Обоснованную тревогу вызывает повышенная уязвимость страны с точки зрения возможностей внешнего воздействия на нее. Особую опасность для республики представляют структуры радикального исламизма, осуществляющие де факто идеологическую и психологическую войну против государства. Поэтому в центре внимания автора статьи – неоднородность умонастроений граждан Таджикистана. Архаизация сознания немалой части общества, низкий уровень образования сельской молодежи обуславливают уязвимость молодежного сегмента (и не только его) по отношению к радикальным идеям. Повышение качества школьного и вузовского образования, распространение знания русского языка – важные предпосылки устойчивости по отношению к исламизму в Таджикистане и равно отвечают долгосрочным интересам и Таджикистана, и России, которые являются союзниками в борьбе против распространения идей радикального ислама. Однако эта потенциальная возможность отнюдь не гарантирует автоматического воплощения совпадения интересов – политическому классу двух стран предстоит большая работа по созданию новых ценностных ориентиров.

Продолжая рассмотрение политических процессов в стане мирового большинства, А.Ю. Варшавский обращается к чилийскому опыту партийной политики, расценивая коалиционность как институциональное воплощение демократических принципов. Чилийский кейс представляет интерес и как прецедент успешного поставторитарного развития, и как важный элемент общего латиноамериканского контекста, отмеченного вторым по счету в XXI в. «левым поворотом» на континенте (при заметных отличиях этих двух волн). Анализ ключевых факторов, оказавших влияние на становление современного политического дизайна Чилийской Республики, показывает, что современное состояние политической сферы этой страны несет на себе отражение травмирующего опыта военной диктатуры, преодоление которой потребовало колоссальных усилий общества, а действующая политическая система формировалась с целью недопущения эксцессов авторитаризма. Одним из механизмов «противоядия» ему в настоящее время выглядит партийная коалиционность: в стране с сильной президентской властью партийная система включает две широкие партийные коалиции – левоориентированную и правоцентристскую, составляющие устойчивую основу поддержания демократических институтов страны. Анализ формально-правовых полномочий президента показал, что наделенный широкими правами глава исполнительной власти является центральной фигурой. При этом конституционный дизайн побуждает его взаимодействовать с парламентскими коалициями в условиях отсутствия парламентского большинства. Партийной коалиционности способствует также конфигурация электоральной системы, в рамках которой малые партии в условия электоральной конкуренции вынуждены взаимодействовать с более крупными коалициями. В системном плане устойчивость чилийских партий обусловлена в том числе получившими развитие на протяжении трех последних десятилетий навыками широкого политического участия и сформировавшимися за этот период демократическими

институтами, позволяющими интегрировать запросы населения в политический процесс. Коалиционная система продолжает обеспечивать стабильность политической системы, поддержание которой будет зависеть от способности политических акторов решать острые социально-экономические проблемы Чили.

Представляемый выпуск «Сравнительной политики» включает также рассмотрение европейских реалий на материалах французского и немецкого кейсов. Случай Франции представлен результатами дискурс-анализа А.В. Веретевской и В.А. Хачатрян образа российского государства, отраженного в публичных выступлениях Франсуа Миттерана, президента Франции в 1981-1995 гг. В третьей декаде XXI в. Россия столкнулась с неконструктивной позицией французского руководства – президент Франции Э. Макрон занял выраженно антироссийскую позицию в рамках российско-украинского конфликта. Рассмотренный в журнале казус показателен, поскольку демонстрирует: даже в относительно спокойные и «вегетарианские» времена европейским грандам не была нужна сильная России – предпочтительным и востребованным ее качеством в восприятии европейских политиков являлась слабость. Так, вопреки историческим фактам Миттеран утверждал, что сильная Россия представляла потенциальную угрозу для Франции. Между тем общеизвестно, что Россия приходила во Францию вовсе не по своей инициативе: в марте 1814 г. русские войска во главе с императором Александром I триумфально вступили в Париж в ходе отражения наполеоновского вторжения в Россию. Взятие столицы Франции стало завершающим сражением антинаполеоновской кампании 1814 г. В восприятии Ф. Миттерана идеальная Россия – слабая в военно-политическом плане страна, являющаяся частью европейского политического пространства, однако не обладающая правом выбора своей роли и тем более не имеющая права голоса в европейской политике (при том, что европейская часть РФ занимает 42% территории Европы). Кейс Миттерана показывает: даже в наиболее спокойные и кооперативные периоды европейской истории, отмеченные существованием благоприятных условий для двустороннего взаимодействия, когда Россия позиционировалась (в том числе французским руководством) в качестве союзника, осознание Россией права на собственные национальные интересы интерпретировалось французскими политиками как угроза Франции, как «имперские амбиции». Иначе говоря, Россия в восприятии Миттерана – если и союзник, то отнюдь не равноправный; при этом конфигурация российской политической системы значения не имеет. Ход исследования приводит авторов к малооптимистическому выводу о том, что к равноправному сотрудничеству с Россией, вне зависимости от ее политического режима, Франция, вероятно, никогда не была готова.

Комментируя это суждение, нахожу уместным вспомнить мысль И.А. Ильина, который еще в 1948 г. писал: «Вот уже полтора столетия Западная Европа боится России. Никакое служение России общеевропейскому делу (семилетняя

война, борьба с Наполеоном, спасение Пруссии в 1805–1815 гг., спасение Австрии в 1849 г., спасение Франции в 1875 г., миролюбие Александра III, Гаагские конференции, жертвенная борьба с Германией 1914–1917 гг.) – не весит перед лицом этого страха; никакое благородство и бескорыстие русских государей не рассеивало этого европейского злопыхательства <...> это основное отношение Европы к России: Россия – это загадочная, полуварварская “пустота”; ее надо “евангелизировать” или обратить в католичество, “колонизировать” (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западно-европейских целей и интриг; а впрочем – ее необходимо всячески ослаблять» (Ильин, 1992: 60).

Еще более рельефно вышеупомянутые установки европейских политиков на ослабление России артикулированы в современной Германии, что нашло отражение в статье А.Е. Павлова, анализирующего эволюцию дискуссий в этой стране по вопросу отношения к ядерному оружию. Несомненно, эти дебаты следует рассматривать в контексте объявленной 27 февраля 2022 г. тогдашним федеральным канцлером ФРГ О. Шольцем «смены эпох» (*Zeitenwende*), что предполагало увеличение военных расходов в объеме не менее 2 процентов ВВП, перевооружение бундесвера и решение его военно-технических и организационно-административных проблем, создание в ФРГ самой сильной европейской неядерной армии, а по сути – невероятную еще недавно ставку Германии на военную силу в международных отношениях.

Исходно страна имеет сложную историю отношения к ядерному оружию; государственность современной ФРГ предполагает отказ от производства, владения и распоряжения оружием массового уничтожения, включая ЯО. В ретроспективе украинского кризиса с 2014 г. отмечались два всплеска активизации общественных дебатов по теме: в 2016–2017 гг., когда в период первого президентства Д. Трамп заметно ужесточил позицию по отношению к европейским союзникам, и после начала СВО. Уже в 2022 г. ряд немецких экспертов по безопасности призывали перейти от обсуждения ядерного фактора в привычном контексте разоружения и контроля над вооружениями к его рассмотрению в прикладном военном отношении. Как отмечает автор, новизна текущего момента состоит в том, что ядерная тема перестала быть табуированной на высоком политическом уровне, войдя в публичную повестку.

Нынешний этап дискуссий характеризуется возрастанием статуса их участников, как в рамках политического класса, так и за его пределами, и расширением политического спектра сторонников развития автономного от США ядерного потенциала. Особо выделяется позиция партии «Союз 90 / Зеленые», которая вопреки традиционным пацифистским установкам стала главным сторонником ремилитаризации Германии и активной военной поддержки Украины.

Анализ содержания дискуссий об отношении страны к собственному ядерному оружию приводит автора к выводу о том, что в настоящее время наиболее реалистичным вариантом для Германии предстает сотрудничество

бундесвера с Францией и Великобританией. Однако это вряд ли будет означать ядерное вооружение Германии и не сможет заменить совместные ядерные миссии НАТО под эгидой США.

Упоминание ядерного потенциала Франции побуждает упомянуть отличия французской позиции от немецкой. Политики Германии с первых дней СВО использовали украинский кризис в качестве объяснения кризисных явлений в экономике ФРГ и одновременно – как инструмент изменения международной и внутренней политики Германии, прежде всего в плане отхода от прежних умеренных внешнеполитических установок. Правительство Шольца апеллировало к мнимой российской угрозе для системной реформы бундесвера (включая масштабное переоснащение вооруженных сил), устранения экономической зависимости от поставок российских энергоносителей и перехода к «зеленой» экономике. Во Франции драматическая эскалация украинского кризиса в 2022 г. и позже не привела к масштабным изменениям внутренней и внешней политики. Франция как постоянный член Совбеза ООН и «ядерная» держава не видела для себя необходимости укреплять свой международный статус по примеру ФРГ посредством трансформации внешнеполитических установок (Соколов, 2024).

В одном из предыдущих выпусков «Сравнительной политики» П.П. Тимофеев и М.В. Хорольская, сопоставляя подходы Германии и Франции, также констатировали, что стратегии двух стран, обусловленные историческими предпосылками и разницей в военно-технических потенциалах, различны. Французское видение предполагает достижение амбициозной цели – превратить ЕС в полюс силы, связанный с НАТО, но обладающий «стратегической автономией» и собственными гарантиями безопасности в виде французского «ядерного зонтика» при поддержке – по причине ограниченности собственных материальных ресурсов – европейских союзников, в особенности Германии. Последняя же ратует за совмещение двух приоритетов – укрепления национальной и европейской безопасности и избежания утяжеления финансового бремени. С этой точки зрения оптимальной ФРГ считает опору на существующие гарантии США в рамках НАТО (Тимофеев & Хорольская, 2024: 149–150).

Не завершать настоящий обзор на пессимистической ноте помогает посвященная рассмотрению кейса российско-турецкого сотрудничества в Арктике совместная статья российского и турецкого авторов – Е.В. Киенко и А.Г. Чалык. Эта коллаборация демонстрирует, что даже членство в НАТО может не быть препятствием для сотрудничества при наличии обоюдной заинтересованности и политической воли с обеих сторон. Ориентированная на проведение активной внешней политики Турция рассматривает этот регион как новую точку проецирования своих интересов, включающих получение статуса наблюдателя в Арктическом Совете, повышение научно-технических компетенций в проведении полярных исследований и др. Однако как неарктическое государство она не располагает объемом прав,

сопоставимых с теми, что имеют арктические прибрежные государства. Россия как обладающее подобным статусом арктическое прибрежное государство, причем обладающее самой большой береговой линией в Арктическом регионе и долгой историей участия в нем, является определяющим актором в развитии правового режима морских районов Арктики. Исследование показывает, что потенциальные возможности сотрудничества между Россией и Турцией в Арктике существуют в таких областях, как научные исследования, коммерческое судостроение, энергетические проекты. В будущем двустороннее сотрудничество может расшириться до развития инфраструктуры Северного морского пути и участия Турции в проектах по эксплуатации полезных ископаемых и их разведке.

Сегодня, в контексте высокой международной турбулентности и интенсивной конфликтности, такие перспективы могут быть восприняты как *wishful thinking*. Однако известная пословица гласит: «глаза боятся, а руки делают». Именно конструктивная деятельность – вопреки обстоятельствам и препятствиям – позволяет преодолевать преграды. Изложенные в формате *case-studies* вышеупомянутые сюжеты настоящего выпуска «Сравнительной политики» дают основание вновь предложить: *contra spem spero*. Дорогу осилит идущий...

Список литературы:

1. Аптер Д.И. (1999) *Сравнительная политология. Политическая наука: новые направления*. М.: Издательство «Вече»: 378–379.
2. Барабаш Б.А. (2025) *Трансформация роли малых государств в мировой политике в начале XXI века*. Диссертация... канд. полит. наук. М.: Издательство «МГИМО».
3. Гаман-Голутвина О.В. (2005) Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли. *ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза* 1(2): 38–49.
4. *Динамика инноваций* (2011) Под ред. В.И. Супруна. Новосибирск.
5. Гаман-Голутвина О.В. (2015) Методы и виды сравнительных исследований. *Сравнительная политология*. М.: Издательство «Аспект Пресс»: 70–110.
6. Гаман-Голутвина О.В. (2016) Феномен БРИКС как попытка ответа на вызовы глобальной конкуренции. В кн.: *Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс.
7. Гаман-Голутвина О.В. (2020) Виды, уровни и дизайны компаративных исследований. *Политическая компаративистика*. М.: Издательство «Аспект Пресс»: 105–127.
8. *Государство в политической науке и социальной реальности XXI века* (2020) Под ред. И.С. Семененко, В.В. Лапкина, В.И. Пантина. ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир». 6–7.
9. Ильин И.А. (1992, ориг. 1948) Против России. В кн. «Наши задачи». *Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. Париж-Москва*. В 2-х тт. М.
10. Ильин М.В. (2008) Возможна ли универсальная типология государств? *Политическая наука* 4: 8–41.
11. Клепацкий Л.Н. (2009) Роль государства в международных отношениях в условиях глобализации. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения* (14): 133–144.
12. Кокошин А.А. (2005) *Реальный суверенитет в современной мирополитической системе*. М.: Европа: 140.

13. Кокошин А.А., Кокошина З.А. (2024) *О контурах формирующейся новой центросиловой структуры системы мировой политики*. М.: Издательство «URSS».
14. Лебедева М.М. (2024) В поисках нового мирового порядка: интересы акторов мировой политики. *Политическая наука* (2): 108.
15. Мельвиль А.Ю. (2004) Новые вызовы для политической науки. *Политическая наука* (2): 16–36.
16. Мельвиль А.Ю. (2018) Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты. *Политическая наука* (1): 173–200.
17. *Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ (2015)*. М.: Аспект Пресс.
18. *Политический класс в современном обществе (2012)*. Библиотека РАПН. М: Росспэн.
19. Соколов А.П. (2024) Проблемы антикризисного реагирования франко-германского тандема после 2022 года. *Сравнительная политика* (2): 76–91.
20. Тимофеев П.П., Хорольская М.В. (2024). Дилеммы европейской безопасности: сравнение подходов Германии и Франции к соотношению роли ЕС и НАТО после 2022 года. *Сравнительная политика* (4) :132–154.
21. Almond G. (1988) The Return to the State. *American Political Science Review* 83: 853–901.
22. Badie B., Berg-Schlosser D. & Morlino L. (2011) *International Encyclopedia of Political Science*. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington D.C.: Sage. Vol. 2.
23. Bates R. (2007) From Case Studies to Social Science: A Strategy for Political Research. *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford University Press.
24. Claude L.L. (1988) *States and the Global System: Politics, Law and Organization*. New York: St. Martin Press.
25. Cline R.S. (1977) *World power assessment 1977: a calculus of strategic drift*. Boulder: Westview press: 206.
26. Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. (1985) *Bringing the state back in*. Cambridge: Cambridge University Press: 390.
27. German C.F. (1960) A tentative evaluation of world power. *Journal of conflict resolution*. L: Thousand Oaks, CA 4 (1): 138–144.
28. Gerring J. (2017) *Case Study Research: Principles and Practices*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2 ed.
29. Herron M. C., Quinn K.M. (2016) A careful look at modern case selection methods. *Sociological Methods & Research* 45(3): 458–92.
30. Landman T. (2008) *Issues and Methods in Comparative Politics. An Introduction*. Routledge, 3 ed.
31. Lijphart A. (1971) Comparative Politics and the Comparative Method. *American Political Science Review* 65: 691–693.
32. Lijphart A. (1975) *The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands*. Berkeley: University of California Press, 2 ed.
33. Mikaberidze A. (2011) *Conflict and Conquest in the Islamic World: A Historical Encyclopedia*. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO.
34. Mokken R.J., Stokman F.N. Power and influence as political phenomenon. *Power and political theory: Some European perspectives* (B. Brian (ed.)). L.: Wiley: 40.
35. Putnam R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press.
36. Ragin C. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.
37. Rose R. (1991) Comparing Forms of Comparative Analysis. *Political Studies* 39: 454.
38. Sartori G. (1970) Concept Misformation in Comparative Politics. *The American Political Science Review* 64(4): 1033–1053.
39. Slaughter, A. (2004). *The Real New World Order*. Princeton. NJ: Princeton University Press 7(3): 368.

40. Steinberger P.J. (2015) The State as a Universe of Discourse. *The Concept of the State in International Relations* (edited by Schuett R. and Stirk P.M.R). Edinburgh: Edinburgh University Press: 48–80.
41. Wendt A. (1987) The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization* 41(3): 335–370.

Comparative Politics. Volume 16. No. 1. January–March / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-1-16-1

MOSAIC OF REGIONAL STUDIES: A CASE-ORIENTED APPROACH

Dr. Oksana Viktorovna GAMAN-GOLUTVINA – Head, Department of Comparative Politics, MGIMO University; President, Russian Association of Political Science; Editor-in-Chief, “Comparative Politics Russia” Journal; Member, Civic Chamber of the Russian Federation and Moscow; Corresponding Member, Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Abstract: The article is devoted to clarifying the heuristic possibilities of the case-based approach (case study) in comparative political science. This approach correlates with ideographic knowledge within the framework of the division of epistemology into nomothetic (comprehension of patterns) and ideographic (descriptive) sciences (W. Windelband); with understanding knowledge within the framework of the distinction between explanatory and understanding sciences (V. Dilthey) and a rich (thick) description in contrast to the “unsaturated” (thin) (K. Geertz).

By identifying different types of knowledge, the case-oriented approach acquires a three-dimensional sound, meaning and content, opens up opportunities for in-depth development of political and theoretical concepts based on the reference material for the topic and allows you to obtain a rich texture in details and specifics. The relevance of the casual approach is largely determined by the limited resources needed to explore a significant number of countries, sometimes due to linguistic or geographical restrictions.

The specifics of the case study determine such an important requirement for the choice of a case as an informed choice of study objects. Since political institutions and processes are the central object of political science, and given the central role of the state as a key institution of political architecture, the configuration of the state and the policies it produces are the core of regional studies. Due to the fact that the concept of the state is an umbrella term and is characterized by conceptual tensions, it can potentially be applicable to polities of different times, which forms a request for clarification of the conceptual framework for considering the state as a category of political science.

Since States as independent actors determine the “rules of the game” in the context of international anarchy, it is the level of states as units of analysis that underlies structural and systemic studies of international relations and world politics: sovereign states act as the basic “cells” of the modern world order, despite the increasing importance of non-state actors. The position of a State in a hierarchical international system is derived from its national power, which, according to classical approaches, is interpreted as a derivative of parameters such as territory, population, economy, and military potential, including its nuclear component.

The proposed issue of Comparative Politics contains a diverse panorama of case studies characterizing the multidirectional evolution of a number of policies, including some BRICS members and EU members.

Keywords: comparative political science, case-study, case-oriented approach, state, national power, BRICS

References:

1. Almond G. (1988) The Return to the State. *American Political Science Review* 83: 853–901.
2. Apter D.I. (1999) *Comparative political science. Political science: new directions [Sravnitel'naya politologiya. Politicheskaya nauka: novye napravleniya]*. Moscow: Veche Publishing House: 378–379. (In Russian).
3. Badie B., Berg-Schlosser D. & Morlino L. (2011) *International Encyclopedia of Political Science*. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington D.C.: Sage. Vol. 2.
4. Barabash B.A. (2025) *Transformation of the role of small states in world politics at the beginning of the 21st century. Dissertation... Cand. of Political Sciences [Transformatsiya roli malykh gosudarstv v mirovoy politike v nachale XXI veka. Dissertatsiya... kand. polit. nauk]*. Moscow: MGIMO Publishing House. (In Russian).
5. Bates R. (2007) From Case Studies to Social Science: A Strategy for Political Research. *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford University Press.
6. Claude L.L. (1988) *States and the Global System: Politics, Law and Organization*. New York: St. Martin Press.
7. Cline R.S. (1977) *World power assessment 1977: a calculus of strategic drift*. Boulder: West-view press: 206.
8. *Dynamics of innovation [Dinamika innovatsiy]* (2011) V.I. Suprun (ed.). Novosibirsk. (In Russian).
9. Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. (1985) *Bringing the state back in*. Cambridge: Cambridge University Press: 390.
10. Gaman-Golutvina O.V. (2005) Development of the category "political culture" in socio-political thought [Razvitie kategorii «politicheskaya kul'tura» v obshchestvenno-politicheskoy mysli]. *POLITEX. Political expertise [POLITEKS. Politicheskaya ekspertiza]* 1(2): 38–49. (In Russian).
11. Gaman-Golutvina O.V. (2015) *Methods and types of comparative research. Comparative political science [Metody i vidy sravnitel'nykh issledovaniy. Sravnitel'naya politologiya]*. Moscow: Aspect Press Publishing House: 70–110. (In Russian).
12. Gaman-Golutvina O.V. (2016) The BRICS Phenomenon as an Attempt to Respond to the Challenges of Global Competition [Fenomen BRIKS kak popytka otveta na vyzovy global'noy konkurentsii]. In: *Political Science Facing the Challenges of Global and Regional Development [Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya]*. O.V. Gaman-Golutvina (ed.). Moscow: Aspect Press. (In Russian).
13. Gaman-Golutvina O.V. (2020) *Types, Levels, and Designs of Comparative Research. Political Comparative Studies [Vidy, urovni i dizayny komparativnykh issledovaniy. Politicheskaya komparativistika]*. Moscow: Aspect Press Publishing House: 105–127. (In Russian).
14. German C.F. (1960) A tentative evaluation of world power. *Journal of conflict resolution*. L: Thousand Oaks, CA 4 (1): 138–144.
15. Gerring J. (2017) *Case Study Research: Principles and Practices*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2 ed.
16. Herron M.C., Quinn K.M. (2016) A careful look at modern case selection methods. *Sociological Methods & Research* 45(3): 458–92.

17. Ilyin I.A. (1992, orig. 1948) Against Russia [Protiv Rossii]. In: *"Our Tasks". Historical Fate and Future of Russia. Articles 1948-1954. Paris-Moscow* [«Nashi zadachi». Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii. Stat'i 1948-1954 gg. Parizh-Moskva]. In 2 volumes. Moscow. (In Russian).
18. Ilyin M.V. (2008) Is a Universal Typology of States Possible? [Vozmozhna li universal'naya tipologiya gosudarstv?]. *Political Science* [Politicheskaya nauka] 4: 8–41. (In Russian).
19. Klepatsky L.N. (2009) The Role of the State in International Relations in the Context of Globalization [Rol' gosudarstva v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v usloviyakh globalizatsii]. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations* [Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya] (14): 133–144. (In Russian).
20. Kokoshin A.A. (2005) *Real Sovereignty in the Modern World Political System* [Real'nyi suverenitet v sovremennoy miropoliticheskoy sistem]. Moscow: Evropa: 140. (In Russian).
21. Kokoshin A.A., Kokoshina Z.A. (2024) *On the Contours of the Forming New Centro-Power Structure of the World Political System* [O konturakh formiruyushchetsya novoy tsentrosilovoy strukturny sistemy mirovoy politiki]. Moscow: URSS Publishing House. (In Russian).
22. Landman T. (2008) *Issues and Methods in Comparative Politics. An Introduction*. Routledge, 3 ed.
23. Lebedeva M.M. (2024) In Search of a New World Order: Interests of World Politics Actors [V poiskakh novogo mirovogo poryadka: interesy aktorov mirovoy politiki]. *Political Science* [Politicheskaya nauka] (2): 108. (In Russian).
24. Lijphart A. (1971) Comparative Politics and the Comparative Method. *American Political Science Review* 65: 691–693.
25. Lijphart A. (1975) *The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands*. Berkeley: University of California Press, 2 ed.
26. Melville A.Yu. (2004) New Challenges for Political Science [Novye vyzovy dlya politicheskoy nauki]. *Political Science* [Politicheskaya nauka] (2): 16–36. (In Russian).
27. Melville A.Yu. (2018) The Power and Influence of Modern States in the Context of a Changing World Order: Some Theoretical and Methodological Aspects [Mogushchestvo i vliyaniye sovremennykh gosudarstv v usloviyakh menyayushchegosya mirovogo poryadka: nekotorye teoretiko-metodologicheskie aspekty]. *Political Science* [Politicheskaya nauka] (1): 173–200. (In Russian).
28. Mikaberidze A. (2011) *Conflict and Conquest in the Islamic World: A Historical Encyclopedia*. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO.
29. *Modernization and Democratization in the BRICS Countries: A Comparative Analysis* [Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS: sravnitel'nyy analiz] (2015). Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
30. Mokken R.J., Stokman F.N. Power and influence as political phenomenon. *Power and political theory: Some European perspectives* (B. Brian (ed.)). L.: Wiley: 40.
31. *Political Class in Modern Society* [Politicheskii klass v sovremennom obshchestve] (2012). Library of the Russian Academy of Political Sciences. Moscow: Rosspen. (In Russian).
32. Putnam R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press.
33. Ragin C. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.
34. Rose R. (1991) Comparing Forms of Comparative Analysis. *Political Studies* 39: 454.
35. Sartori G. (1970) Concept Misformation in Comparative Politics. *The American Political Science Review* 64(4): 1033–1053.
36. Slaughter, A. (2004). *The Real New World Order*. Princeton. NJ: Princeton University Press 7(3): 368.

37. Sokolov A.P. (2024) The Challenges of Crisis Response of the Franco-German Tandem after 2022 [Problemy antikrizisnogo reagirovaniya franko-germanskogo tandema posle 2022 goda]. *Comparative Politics Russia [Sravnitel'naya politika]*(2): 76–91. (In Russian).
38. Steinberger P.J. (2015) The State as a Universe of Discourse. *The Concept of the State in International Relations* (edited by Schuett R. and Stirk P.M.R). Edinburgh: Edinburgh University Press: 48–80.
39. *The State in Political Science and Social Reality of the 21st Century [Gosudarstvo v politicheskoy nauke i sotsial'noy real'nosti XXI veka]* (2020) I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin (eds.). IMEMO RAS. Moscow: Ves Mir Publishing House. 6–7. (In Russian).
40. Timofeev P.P., Khorol'skaya M.V. (2024) European Security Dilemmas: A Comparison of Germany and France's Approaches to the Relationship of the EU and NATO Roles in Europe after 2022. [Dilemmy evropeyskoy bezopasnosti: sravnenie podkhodov Germanii i Frantsii k sootnosheniyu roli ES i NATO posle 2022 goda]. *Comparative Politics Russia [Sravnitel'naya politika]*(4): 132–154. (In Russian).
41. Wendt A. (1987) The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization* 41(3): 335–370.

ВЫБОРЫ – 2024 В ЮАР: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СТРАНЫ

Дарья ТУРЯНИЦА
Институт Африки РАН

Аннотация: В статье представлен анализ подготовки и результатов парламентских выборов, состоявшихся в Южно-Африканской Республике 29 мая 2024 г. Впервые за 30 лет существования демократической Южной Африки правящая партия – Африканский национальный конгресс – не смогла завоевать большинство голосов избирателей. Это голосование стало поворотным моментом, давшим основания полагать, что период лидерства АНК может в скором времени подойти к концу. В то же время исследование показало, что сокращение числа сторонников – проблема не только АНК, но и других политических игроков. Цель настоящей работы заключается в выявлении причин, по которым АНК потерял поддержку части избирателей. Автор детально рассматривает основные этапы подготовки к голосованию и анализирует предвыборные кампании различных политических партий: АНК; оппозиционных партий, таких как Демократический альянс; а также новых политических движений, которые участвовали в выборах впервые. Особое внимание уделяется вопросам финансирования партий, организации политических акций, а также стратегиям мобилизации избирателей. Рассматриваются и другие факторы, которые могли повлиять на исход голосования, например, внезапное появление партии экс-президента ЮАР Джейкоба Зумы (2009–2018). В результате автор статьи выделяет несколько причин, по которым партия АНК лишилась голосов части избирателей. Во-первых, экономические проблемы – высокий уровень безработицы среди молодежи. Во-вторых, коррупция и неэффективное управление правительством на местах. В-третьих, изменение демографического состава населения, включая рост молодого населения, не связанного с временами апартеида. В статье выдвигаются предположения о том, как новая реальность повлияет на формирование внутренней и внешней политики государства. Кроме того, рассматриваются первые действия нового официального руководства страны – «Правительства национального единства». Один из ключевых вопросов, поднятых в статье, заключается в том, как произошедшие изменения во внутренней политике повлияют на внешнеполитический курс ЮАР – члена группы стран БРИКС и одного из основных государств-представителей Глобального Юга – в связи с назначением нового правительства и нового министра международных отношений

Дарья Андреевна Туряница – младший научный сотрудник, Центр изучения африканской стратегии БРИКС, Институт Африки РАН.
ORCID 0000-0003-1019-7823. E-mail: darya.turyanitsa@gmail.com
123001, Москва, ул. Спиридоновка, д.30/1.

Поступила в редакцию: 18.11.2024

Принята к публикации: 14.12.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность: Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках научного проекта № FMZE-2024-0003 «БРИКС и Африка: перспективы расширения и потенциал развития российско-африканского стратегического сотрудничества».

и сотрудничества. Автор приходит к заключению, что выборы 2024 г. стали переломным моментом в насыщенной политической жизни ЮАР, последствия которых стали негласным сигналом для стран Юга Африки в том числе.

Ключевые слова: Южная Африка, Африканский национальный конгресс, Демократический альянс, выборы 2024, Правительство национального единства, внешняя политика, Глобальный Юг, БРИКС

В Южно-Африканской Республике 29 мая 2024 г. состоялись всеобщие (парламентские) выборы, седьмые по счету после отмены системы расовой сегрегации – апартеида. В 1994 г. были проведены первые демократические выборы, на которых Африканский национальный конгресс получил мандат доверия от избирателей, а его глава – Нельсон Мандела – стал президентом Южно-Африканской Республики. Будучи старейшим освободительным движением на континенте, Африканский национальный конгресс на протяжении многих десятилетий выступает поборником прав черного¹ большинства, олицетворяя собой ведущую организацию – борца с апартеидом.

Следует уточнить, что хотя институционализированный расизм официально просуществовал до 1994 г., его последствия не искоренены до сих пор. После устранения режима апартеида в рамках программы «позитивной дискриминации» в ЮАР продолжает сохраняться деление граждан страны на расовые категории. Согласно южноафриканской терминологии, они именуются черными африканцами, цветными, белыми и индийцами.

В ходе предвыборной кампании 2024 г. ожидалось, что главными участниками выборов станут три партии: «Африканский национальный конгресс» (АНК) – правящая партия на протяжении всех 30 лет независимости; «Демократический альянс» (ДА) – (ранее) оппозиционная к АНК либерально-демократическая партия; «Борцы за экономическую свободу» (*Economic Freedom Fighters – EFF – ЭФФ*) – леворадикальная партия, идеологически выступающая против обеих партий (и АНК, и ДА). На выборах 2019 г. все три политические организации сохранили свои ведущие позиции: АНК – 57%, ДА – 20% и ЭФФ – 10%. Предполагалось, что эта же пропорция сохранится и по итогам выборов 2024 г., однако избиратели решили по-другому. Прошедшие выборы преподнесли неожиданный сюрприз: одним из лидеров «гонки» стала партия «Копье нации» (*uMkhonto we Sizwe Party – МК – МКП*), основанная экс-президентом ЮАР Джейкобом Зумой (2009–2018). Она стала третьей после АНК и ДА по количеству набранных голосов². Подробнее партии и полученные ими результаты будут рассмотрены ниже.

¹ Под термином «черные» имеется в виду объединенное названия трех категорий: черные африканцы, цветные и индийцы.

² IEC South Africa (n.d.) Available at: <https://clck.ru/3FDwfz> (accessed 13 December 2024).

По данным Независимой избирательной комиссии, количество зарегистрированных избирателей в 2024 г. составило 27,7 млн человек, из которых в голосовании приняли участие только 16 млн (или 58% избирателей)³. Этот показатель свидетельствует о возобновлении интереса к выборам. В период *COVID-19* явка была рекордно низкой за 30 лет независимости – 46%⁴. Важно отметить, что в последние годы в силу разных причин активность избирателей постепенно снижалась (Paret & Runciman, 2023). Если в 1999 г. в голосовании участвовало почти 89% зарегистрированных избирателей⁵, то в 2019 г. – уже 66%⁶.

Изначально более 350 партий заявили о своем участии в предвыборной «гонке» на провинциальном и национальном уровнях, представив политические программы и будущих кандидатов⁷. После проверки Независимой избирательной комиссии право участия в выборах получили только 52 партии⁸, из которых 18 в конечном итоге оказались в Национальной ассамблее – нижней палате парламента страны⁹. По сравнению с предыдущими годами число партий, желающих выступить на выборах, возросло. Так, в 2014 г. участие в них приняли 29 партий, а в 2019 г. – 48. Все это демонстрирует поляризацию взглядов электората и, наиболее вероятно, его отчуждение от основных участников политического процесса – АНК, ДА и ЭФФ.

Анализ основных партий и их результатов

Африканский национальный конгресс

Африканский национальный конгресс до 1994 г. представлял собой национально-освободительное движение. Став партией, АНК на всех последующих выборах выступал как триединый альянс, включающий в себя крупнейший профсоюз страны – Конгресс южноафриканских профсоюзов (КОСАТУ) – и Южно-Африканскую коммунистическую партию (ЮАКП). Таким образом, основу его электоральной поддержки на протяжении нескольких избирательных циклов составляли члены профсоюзных организаций – рабочий класс и средний класс разных расовых групп страны, объединяющих городское и сельское население. Важно отметить, что для многих южноафриканских политических партий (не только в ЮАР) АНК является примером того, как должны выглядеть структура партии и ее руководящий политический аппарат.

³ Haddad M. (2024) South Africa elections final results: What happens next? *Aljazeera*, 2 June. Available at: <http://surl.li/zrvqja> (accessed 13 December 2024).

⁴ Речь идет о муниципальных выборах. См.: *Parliamentary Monitoring Group* (2022) 2021 Local Government Elections IEC Report; IEC Commissioner Vacancy: OCJ Report. 20 May. Available at: <https://pmg.org.za/committee-meeting/35001/> (accessed 13 December 2024).

⁵ *IEC South Africa* (n.d.) National Elections 1999. Available at: <http://surl.li/txzmkw> (accessed 13 December 2024).

⁶ *IEC South Africa* (n.d.) Available at: <https://clck.ru/3FDwfz> (accessed 13 December 2024).

⁷ Dentlinger L. (2024) 2024 elections: With over 350 parties registered with IEC, voters are spoilt for choice. *EWN*, 18 January. Available at: <http://surl.li/cmnxmk> (accessed 13 December 2024).

⁸ *IEC South Africa* (n.d.) National Compensatory – List of Parties – Alphabetic Order. Available at: <http://surl.li/uiwrrr> (accessed 13 December 2024).

⁹ *SABC* (2024) Eighteen political parties will be represented in parliament. Available at: <http://surl.li/neomaw> (accessed 13 December 2024).

Стоит несколько вернуться назад и пояснить политическую картину, сформировавшуюся в преддверии выборов 2019 и 2024 гг. На очередном съезде АНК в декабре 2017 г. произошли кардинальные изменения в руководстве организации. Главой партии участники съезда избрали Сирила (Матамелу) Рамапосу, занимавшего пост заместителя президента страны (на тот момент Дж. Зумы). Это отражало трансформацию внутреннего курса АНК. С. Рамапоса с небольшим перевесом одержал победу над Нкосазаной Дламини-Зумой, экс-супругой президента, с которым ее ассоциировали. Относительно малый разрыв в голосах между кандидатами (51,9% против 48,1%) продемонстрировал, что, несмотря на недовольство политическими решениями Дж. Зумы, многие делегаты АНК продолжали поддерживать его курс¹⁰. Здесь следует сделать оговорку, что в соответствии с негласной традицией АНК смена лидера правящей партии автоматически влечет за собой скорую отставку президента государства, независимо от времени пребывания на посту. По этой причине пока ни один президент ЮАР не находился у власти два полных срока.

В феврале 2018 г. Дж. Зума под давлением серьезных коррупционных обвинений был вынужден уйти в отставку. С. Рамапоса как новоизбранный глава АНК и действующий заместитель президента страны был избран Национальной ассамблеей президентом ЮАР до истечения срока полномочий Дж. Зумы. Благодаря широкой политической поддержке, С. Рамапоса приступил к руководству страной под воодушевляющими лозунгами о «Новом рассвете» (*New Dawn*), борьбе с коррупцией и безработицей среди молодежи¹¹. Особую популярность в партии и обществе получил тезис об «обновлении партии», во многом связанный с правилом добровольного «ухода в отставку» (*step-aside rule*) (ANC, 2018). Это правило применялось, если кто-то из членов АНК был обвинен в случаях коррупции. В медиакампании С. Рамапосы, которая началась накануне съезда партии (или, как его называют, Национальной конференции АНК) в декабре 2017 г., будущая деятельность главы государства противопоставлялась «скандальному» президентству Дж. Зумы¹². Приход к власти С. Рамапосы был поддержан и представителями т.н. капиталистической элиты и иностранных инвесторов, так как сам будущий президент до назначения на пост заместителя президента в 2014 г. добился больших

¹⁰ Essa A. (2017) Cyril Ramaphosa wins ANC leadership vote. *Aljazeera*, 18 December. Available at: <http://surl.li/szxyaw> (accessed 13 December 2024).

¹¹ *South African Government* (2018) President Cyril Ramaphosa: 2018 State of the Nation Address. Available at: <http://surl.li/vsdoeq> (accessed 13 December 2024).

¹² Это особенно ярко проявилось в ставшей крылатой фразе президента ЮАР С. Рамапосы на форуме в Давосе в 2019 г., где он назвал годы президента Дж. Зумы «девятью потерянными годами», что вызвало противоречивую реакцию со стороны южноафриканского общества. См. подробнее: *Ramaphosa's 'nine lost years' speech impresses Old Mutual CEO at Davos (2019)* *Polity*, 24 January. Available at: <http://surl.li/gscdvq> (accessed 3 December 2024).

успехов в разных сферах бизнеса¹³. Например, в прошлом С. Рамапоса являлся владельцем франшизы сети быстрого питания «Макдональдс» в ЮАР¹⁴.

Чтобы стабилизировать политическую обстановку в период смены власти и способствовать решению проблемы коррупции, в январе 2018 г. (формально еще во время президентства Дж. Зумы) была создана специальная комиссия под названием «Юридическая комиссия по расследованию обвинений в захвате государства, коррупции и мошенничества в общественном секторе, включая органы государства». Свои первые слушания Комиссия провела только в августе 2018 г., уже после назначения С. Рамапосы президентом страны. Члены комиссии занимались расследованием «захвата государства» (*state capture*), который имел место во время президентства Дж. Зумы. Поскольку комиссию возглавлял заместитель председателя Верховного суда ЮАР Раймонд Зондо, ее стали чаще называть по его фамилии – Комиссия Зондо (*Zondo commission*), – или Комиссией по «захвату государства» (*State capture commission*)¹⁵. В данном контексте «захват государства» в ЮАР подразумевает незаконные действия лиц близких к президенту страны.

Работа Комиссии продолжалась два года. За этот период было опрошено более 430 свидетелей, показания которых тщательно задокументированы. Итоговый доклад был обнародован через два года в шести частях на 76 тысячах печатных страниц. Доказательной базой «захвата государства» стали выявленные Комиссией многочисленные факты того, что государственные и частные компании, а также органы власти и правительственные руководители высокого уровня, включая самого президента Дж. Зуму, занимались личным обогащением за счет государственных корпораций страны или же содействовали такой деятельности. Так, синонимом коррупции в ЮАР стали братья Гупта из семьи индийского происхождения. Считается, что именно они оказывали серьезное влияние на кадровые перестановки министров и на другие решения непосредственно президента Дж. Зумы¹⁶. Между тем во время работы Комиссии вскрылись детали, компрометирующие не только экс-президента, но и действующего главу государства. В частности, речь идет о финансировании президентской кампании АНК 2017 г. (Шубин, 2022).

Несмотря на смену правительства и назначения новых министров после февраля 2018 г., а также выборы мая 2019 г. (и начатое расследование в рамках Комиссии Зондо), обещанные кардинальные изменения происходили не так быстро, как предполагало новое правительство. На фоне всеобщей

¹³ *The Presidency* (n.d.) Cyril Ramaphosa (1952 –). Available at: <https://www.thepresidency.gov.za/cyril-ramaphosa-1952> (accessed 13 December 2024).

¹⁴ Bryson D. (2011) Top businessman takes over McDonald's SA. *Mail and Guardian*, 17 March. Available at: <http://surl.li/rwxpxq> (accessed 13 December 2024).

¹⁵ Commission of Inquiry into Allegations of State Capture (n.d.) Available at: <https://www.statecapture.org.za/> (accessed 11 December 2024).

¹⁶ *News24* (2022) EXPLAINER | Who are the Guptas? The family at the heart of Zondo's report into state capture, 8 June. Available at: <https://tinyurl.com/snnvd66e> (accessed 10 December 2024).

«эйфории» в связи с отставкой президента Дж. Зумы, Африканский национальный конгресс сумел сохранить положение правящей партии на выборах в 2019 г. АНК набрал 57% голосов и возглавил национальное правительство в восьми провинциях из девяти (см. Таблицу). Следует отметить, что достигнутый успех случился в доковидный период. С 2020 по 2022 гг. ЮАР пережила сильнейшие «волны» *COVID-19*, которые затронули все слои общества. Социально-экономические показатели страны не смогли до конца восстановиться после таких потрясений. Тяжелейшим ударом для правительства также стали беспорядки, произошедшие в июне 2021 г. в провинции Квазулу-Наталь и Хаутенг, во время которых погибло более 300 человек. Финансовые потери составили более 3,4 млрд долл. США. Считается, что затяжной карантин, безработица и общее недовольство населения ЮАР внутренними проблемами стали «питательной средой» для распространения протестных настроений. Инициаторами «неудавшегося мятежа», как это назвал действующий президент страны, были личности, связанные с окружением Дж. Зумы¹⁷.

Другим событием, серьезно повлиявшим на имидж и статус президента, стали обвинения против С. Рамапосы в июне 2022 г., связанные с фермой «Пала-Пала». Еще в феврале 2020 г. с фермы «Пала-Пала», принадлежащей С. Рамапосе, было украдено несколько тысяч долларов. Заявитель в своем документе обвинил владельца в ряде правонарушений, включая похищение людей, взяточничество, отмывание денег и сокрытие преступления. Разразившийся скандал стал публичным за полгода до очередного съезда АНК, что, вероятно, не является совпадением. Главу государства вынуждали добровольно «уйти в отставку» (*step-aside*) до выяснения всех обстоятельств дела. Несмотря на напряженную обстановку в связи с обвинениями в адрес президента и его возможной отставкой, С. Рамапоса переизбрался на новый срок. Очередной съезд АНК начался в декабре 2022 г. (и продолжил свою работу в январе 2023 г.), где с большим отрывом действующий глава партии опередил Звели Мкизе, экс-министра здравоохранения ЮАР (Шубин, 2023).

Многие из перечисленных выше фактов в конечном итоге повлияли на доверие избирателей и снижение поддержки АНК в 2024 г.

Итоговые результаты выборов 2024 г. частично подтвердили прогнозы аналитических центров¹⁸. АНК не сумел набрать большинство голосов, получив их исторически низкий процент – 40,18 впервые за 30 лет. Партия потеряла 17% голосов по сравнению с выборами 2019 г. (сейчас у нее 159 депутатских мандатов из 400, ранее – 230 из 400)¹⁹. Это серьезное снижение, которое будет сложно компенсировать на муниципальных выборах в 2026 г.

¹⁷ Шубин В.Г., Сидоров В.А., Туряница Д.А. (2021) Беспорядки в ЮАР: причины и следствия. Актуальный комментарий. *Институт Африки РАН*, 3 августа. Available at: <https://www.inafran.ru/node/2515> (accessed 3 December 2024).

¹⁸ См. например: Hofmeyr, 2024; Survey of South African Voter Opinion, 2024; Acharya B. (2024) Support for South Africa's ANC near 40% weeks before election, Ipsos poll shows. *Reuters*, 26 April. Available at: <http://surl.li/bgxglo> (accessed 10 December 2024).

¹⁹ *IEC South Africa* (n.d.) Available at: <https://clck.ru/3FDwfz> (accessed 13 December 2024).

и на всеобщих выборах в 2029 г. Тем не менее АНК пока остается крупнейшей партией страны, и альтернативы ей нет.

После объявления результатов стало известно, что даже внутренние аналитические опросы АНК не прогнозировали столь низкого результата. Генеральный секретарь партии Фикиле Мбалула, руководитель аппарата партии и третий человек в иерархии АНК, признавался, что, согласно их собственным соцопросам, они не ожидали получить более 50% голосов, но предполагали набрать около 43% для создания коалиции с одной из небольших партий²⁰. Подготовка АНК и других партий к «Плану Б» на самом деле началась заранее. В августе 2023 г. при Университете Западного Кейпа был проведен «Национальный диалог» по вопросу коалиционного правительства. В нем приняли участие основные политические партии ЮАР. Тема создания будущей коалиции по результатам выборов была основной²¹.

АНК не сумел получить большинство голосов в четырех из девяти провинций: Северный Кейп, Хаутенг, Квазулу-Наталь и Западный Кейп. Полученные результаты явились серьезным ударом для партии и ее сторонников. Как подчеркнул в своем выступлении по случаю оглашения результатов выборов президент, «наши люди изъявили свою волю» (*Our people have spoken*), таким образом дав понять, что потери АНК были ощутимы²². Среди тех, кто был не согласен с результатами и пытался их оспорить, стала партия Дж. Зумы МКП, однако эти попытки не увенчались успехом²³.

Результаты АНК на последних электоральных циклах – тревожная тенденция для ведущей партии страны. Во время президентства Табо Мбеки (1999–2008) в 2004 г. АНК достиг наивысшего уровня поддержки, получив почти 70% голосов. Каждые следующие выборы АНК терял около 3–5% голосов на парламентских выборах: 69%, 65%, 62%, 57% (см. Таблицу). На муниципальных выборах уровень поддержки партии был, как правило, ниже, чем на парламентских (см. Таблицу).

Таблица. Результаты АНК на парламентских и муниципальных выборах с 2004 по 2024 гг., % голосов²⁴
Table. Results of the African National Congress in parliamentary and municipal elections from 2004 to 2024, % of votes

Год	Выборы	
	Парламентские	Муниципальные
2004	69	

²⁰ IOL (2024) LIVE BLOG | Election Results 2024: Ramaphosa says election outcome proves our 'democracy is strong'. Available at: <http://surl.li/aothrh> (accessed 13 December 2024).

²¹ UWC (2023) Coalition Government Dialogue at UWC gives Rise to Hope. Available at: <http://surl.li/kvrmfr> (accessed 3 December 2024).

²² Ramaphosa C. (2024) The 2024 election has revealed our democracy is strong, robust and it endures. *News24*, 2 June. Available at: <http://surl.li/lcheci> (accessed 3 December 2024).

²³ Sithole S. (2024) MK Party insist on boycotting parly until objections are met; also wants rerun of election. *IOL*, 7 June. Available at: <http://surl.li/pxjvis> (accessed 10 December 2024).

²⁴ Источник: составлено автором по данным *IEC South Africa* (n.d.) Available at: <https://clck.ru/3FDwfz> (accessed 3 December 2024).

Год	Выборы	
	Парламентские	Муниципальные
2006		64
2009	65	
2011		61
2014	62	
2016		53
2019	57	
2021		45
2024	40	

Возникает закономерный вопрос, почему АНК потерял значительное количество голосов? Это обусловлено рядом факторов:

- во-первых, одна из самых больших проблем – перебои с электроэнергией, поставляемой государственной корпорацией *Eskom*. На протяжении последних десяти лет страна находилась в постоянном энергетическом «голоде». Только за последний год (2023 г.) Южная Африка пережила более 332 дней с отключениями электричества. Проблемы с оборудованием и открытый саботаж / коррупция внутри госкомпании *Eskom* детально раскрыты в расследовании Комиссии Зондо²⁶. Постоянные «веерные» отключения (*load shedding*) негативно влияли не только на население страны, но и на развитие ее экономики в целом и привлечение инвестиций в частности (Booyesen, van der Berg & van der Walt, 2023). Несмотря на это, понадобилось полтора года на устранение неполадок с передачей энергии и учреждением особого «министра по вопросам электричества» в Офисе президента²⁷;
- во-вторых, проблема безработицы, особенно среди молодежи. Представители этой группы составляли электоральную базу для многих партий, особенно в густонаселенных провинциях страны: Хаутенг и Квазулу-Наталь, где происходила основная борьба за голоса²⁸. Несмотря на недостаточно высокий уровень участия в выборах, к молодым избирателям было приковано внимание всех партий;
- в-третьих, неудовлетворенность населения тем, как и в каком виде предоставляются «государственные услуги» (в ЮАР их называют *service delivery*). Речь идет не только об упомянутых переboях в поставках электроэнергии, но и о проблемах с подачей водоснабжения (*water shedding*), о критическом

²⁵ Rondganger L. (2023) The year we were plunged into darkness: A record 332 days of load shedding in 2023 and counting. *IOL*, 11 December. Available at: <https://goo.su/ADqnz> (accessed 10 December 2024).

²⁶ Mkhwanazi S. (2022) Eskom was looted of R14.7 billion, says Zondo report. *IOL*, 29 April. Available at: <https://goo.su/KdzV2> (accessed 10 December 2024).

²⁷ В июле 2024 г. праздновалось 100 дней бесперебойной подачи электроэнергии, впервые с 2019 г. См.: *South African Government* (2024) Minister Kgosisentsho Ramokgopa on 100th consecutive day of no load-shedding. Available at: <https://goo.su/999sAlh> (accessed 10 December 2024); Smit S. (2023) Sona: Ramaphosa announces state of disaster, new electricity minister to tackle energy crisis. *Mail and Guardian*, 9 February. Available at: <https://goo.su/4lQjup> (accessed 10 December 2024).

²⁸ Cele S. (2024) Where South Africa's Crunch Election Will Be Won and Lost. *Bloomberg*, 28 May. Available at: <https://goo.su/GFODsv> (accessed 10 December 2024).

состоянии некоторых дорог и инфраструктуры. Сохраняется неудовлетворенность работой полиции в борьбе с криминалом. Стоит, однако, напомнить, что ранее (до АНК) ни одно правительство ЮАР не предоставляло таких государственных услуг на законных основаниях южноафриканцам, которые не были белыми (Everatt, 2024);

– в-четвертых, коррупция и коррупционные скандалы, связанные с партией АНК. Например, в апреле 2024 г., буквально за месяц до выборов, было объявлено о том, что спикер парламента обвиняется в 12 случаях получения взяток в период ее деятельности на предыдущей должности министра обороны и по делам ветеранов²⁹. Были и другие представители АНК, которые попадали в скандалы, связанные с коррупцией: генеральный секретарь АНК (в отставке) и экс-глава одной из провинций ЮАР; годами ранее – бывший мэр г. Дурбан и многие другие³⁰. Некоторые из представителей АНК упоминались в итоговом многотомном отчете Комиссии Зондо о «захвате государства»³¹. Несмотря на вскрывшиеся факты, многие из них все же были включены в итоговые списки для участия в выборах 2024 г., а не привлечены к строгой партийной ответственности³². Столь серьезные обвинения в адрес высоких должностных лиц АНК и отсутствие карательных мер по отношению к ним серьезно подпортили репутацию партии в преддверии голосования (Patel, Sadie & de Klerk, 2024).

После объявления даты проведения выборов в феврале 2024 г. началась политическая «гонка». АНК значительно активизировал свою деятельность по раздаче предвыборных обещаний. Работа проводилась по нескольким направлениям, но главной из них оставалась проблема с подачей электроэнергии. Постоянные «веерные» отключения прекратились, последние наблюдались в конце марта 2024 г.

Важным пунктом предвыборной программы стало то, что правительство объявило о запуске аналога «южноафриканского ОМС», или Национальной системы медицинского страхования (*National Health Insurance*)³³. Ее цель – предоставить выходцам из разных слоев общества возможность получить доступную медицинскую помощь. Данный проект рассматривался правительством на протяжении нескольких лет и не был подписан президентом, поскольку разные заинтересованные стороны высказывались против

²⁹ Mamothame H. (2024) Mapisa-Nqakula in court on R4,5m corruption charges – NPA. *Politicsweb*, 7 April. Available at: <https://tinyurl.com/mvex4z96> (accessed 10 December 2024).

³⁰ South Africa's governing ANC party expels former top official (2023) *Reuters*, 12 June. Available at: <https://tinyurl.com/hh2rse5v> (accessed 10 December 2024); Walubengo P. (2018) Hawks swoop in on eThekwin's Mayor Gumedede over alleged corruption. *Briefly*, 17 December. Available at: <https://tinyurl.com/29ssv5y3> (accessed 10 December 2024).

³¹ *Daily Investor* (2023) Politicians implicated in state capture – where they are now. 17 July. Available at: <https://tinyurl.com/bdhc6ms7> (accessed 10 December 2024).

³² Mzangwe L. (2024) Headache for ANC over 97 members implicated in state capture. *Mail and Guardian*, 8 February. Available at: <https://tinyurl.com/44a6n8bc> (accessed 11 December 2024).

³³ *The Presidency* (2024) President Cyril Ramaphosa: Signing of National Health Insurance Bill. Available at: <https://tinyurl.com/fynj9hd3> (accessed 11 December 2024).

вступления закона в силу. Наиболее активно этому противились частные медицинские компании, которые не хотели терять клиентов из-за перераспределения и сокращения бюджета³⁴. Несмотря на противодействие, за две недели до выборов Закон был подписан и обнародован президентом.

Учитывая общую внутривнутриполитическую обстановку и расстановку сил, АНК усилил свою предвыборную кампанию, особенно в тех крупных провинциях, где позиции партии ослабли – Квазулу-Наталь и Хаутенг. К политической кампании присоединились ветераны антиапартеидного движения, ключевые представители партии, ранее не участвовавшие в предвыборной агитации. Среди них – экс-президенты ЮАР Табо Мбеки (1999–2008) и Кхалема Мотланте (2008–2009); заместитель президента (в отставке) Пумзиле Мланго-Нгука (2005–2008); заместитель президента (в отставке) Дэвид Мабуза; заместитель президента и спикер Национальной ассамблеи (в отставке) Балека Мбете (2008–2009, 2014–2019); министр Нкосазана Дламини-Зума (сейчас в отставке) и бывшие премьеры провинций Токио Секвале и Мэтьюз Поса³⁵.

До последнего было не ясно, примет ли участие в кампании экс-президент ЮАР Т. Мбеки, чей авторитет имеет неоспоримый вес в АНК. Дело в том, что в течение многих лет после вынужденной отставки с поста главы государства он находился «в тени» и публично не высказывался об АНК. Это изменилось с приходом к власти С. Рамапосы. Во многих своих выступлениях он критиковал АНК – в первую очередь за медлительность действий правительства в решении проблем безработицы, предостерегая от наступления «арабской весны»³⁶. Как утверждается, одним из условий его участия в политической кампании было проведение «Национального диалога», который бы стал платформой для снижения внутренней социальной напряженности в стране³⁷.

Помимо активной внутренней подготовки отдельного рассмотрения заслуживает позиция ЮАР на внешнеполитической арене. Здесь важно подчеркнуть инициативность государства по вопросу Палестины – обращение ЮАР с иском против Израиля в Международный суд ООН. Возможно, на волне одобрения такой принципиальной позиции в борьбе с «апартеидом» со стороны Израиля, АНК предполагал получить дополнительные политические «очки», в особенности среди большой общины мусульман Западного Кейпа, и отвоевать часть позиций у Демократического альянса (Booyesen, 2024).

³⁴ Dlodla S. (2024) Big business pushes back against NHI in government's Health Compact. *IOL*, 15 August. Available at: <https://tinyurl.com/4b883uzz> (accessed 11 December 2024).

³⁵ Khoza A. and Capa S. (2024) How the ANC wooed its former leaders to join elections campaign. *News24*, 28 May. Available at: <https://clck.ru/3FDvcJ> (accessed 11 December 2024).

³⁶ Masungwini N. (2022) Mbeki lambasts ANC leadership and warns of Arab Spring. *News24*, 22 July. Available at: <https://clck.ru/3FDvdY> (accessed 3 December 2024).

³⁷ Nonyukela B. (2024) LISTEN | Thabo Mbeki calls for serious national dialogue on engineered state sabotage. *Timeslive*, 1 May. Available at: <https://tinyurl.com/3zexsdak> (accessed 11 December 2024).

Вместе с тем в приоритете у избирателей были внутренние проблемы страны, поэтому успехи на международной арене не оказали существенного влияния на результаты итогового голосования в этой провинции³⁸.

Демократический альянс

Второе место на выборах 2024 г. занял Демократический альянс, давний соперник АНК. Партия представляет по большей части интересы белого населения (и капитала) страны. После ухода с поста лидера ДА Ммуси Маимане (черного африканца) в октябре 2019 г. Демократический альянс возглавляет Джон Стинхейзен (белый). На выборах 2019 г. партия потеряла часть голосов, что, возможно, предопределило смену ее лидера. Задолго до 2019 г. ДА лишился многих черных политиков, которые по разным причинам покинули партию. Наиболее популярные из них, такие как Ммуси Маимане, Патрисия де Лилль, Херман Машаба основали свои собственные партии.

По сравнению с выборами 2019 г. ДА несколько улучшил свое положение, набрав 21,8% голосов (ранее – 20,7%), однако кардинальных изменений в процентном соотношении с выборами 2014 г. не случилось: 2009 г. – 16%, 2014 г. – 22%, 2019 г. – 20,7%, 2024 г. – 21,8%.³⁹ Вероятно, ДА исчерпал свой лимит поддержки избирателей. Как представляется, черный электорат отталкивает то, что большинство руководящего состава партии – белые, во многом поддерживающие интересы представляемого ими меньшинства.

Как и предполагалось, ДА сохранил под своим контролем провинцию Западный Кейп (со столицей Кейптаун), находящийся под его управлением с 2009 г.⁴⁰ Такое длительное влияние отражается на настроениях жителей региона. В общественном пространстве Западного Кейпа проявляются сепаратистские настроения, под которыми подразумевается отделение провинции Западный Кейп от остальной, «африканской», части ЮАР⁴¹. Не скрывая прозападных взглядов, лидер (ранее оппозиционного) Демократического альянса открыто поддерживает Украину и Израиль⁴². Кроме того, несмотря на активную кампанию под лозунгами «Чистого аудита» (на фоне коррупционных скандалов АНК) и «Спасти Южную Африку» («от АНК»), ДА был уличен в «антидемократической» рекламе, в одном из видео которой демонстрировалось сожжение современного флага страны. Такое пренебрежение вызвало волну негодования среди избирателей⁴³.

³⁸ Rawoot I. (2024) 'Jolt to reality': Gaza war shakes up South Africa's election campaign. *Aljazeera*, 28 February. Available at: <https://clck.ru/3FDvg3> (accessed 11 December 2024).

³⁹ *IEC South Africa* (n.d.) Available at: <https://clck.ru/3FDwfwz> (accessed 11 December 2024).

⁴⁰ Makinana A. (2024) DA holds Cape despite ANC Palestine push. *Timeslive*, 2 June. Available at: <https://tinyurl.com/2vvhw9hb> (accessed 10 December 2024).

⁴¹ Heller K. (2024) Cape Independence: the politics of separate development. *The African*, 1 February. Available at: <https://tinyurl.com/5awt5uwp> (accessed 11 December 2024); CapeXit [Движение]. Available at: <https://capexit.org/our-vision/> (accessed 10 December 2024).

⁴² Mahlatsi M. (2022) Steenhuisen visit to Ukraine a show of DA's anti-war hypocrisy. *SowetanLIVE*, 11 May. Available at: <https://tinyurl.com/mrxyyhby> (accessed 10 December 2024).

⁴³ Mashale K. (2024) DA's burning of SA flag a disgrace – political leaders. *SowetanLIVE*, 6 May. Available at: <https://tinyurl.com/nhktzd9v> (accessed 10 December 2024).

Вместе с тем, несмотря на уверенные позиции в провинции Западный Кейп, одного из основных экономических центров ЮАР, на «пятки» ДА наступают новые политические партии, апеллирующие к проблемам черного и цветного населения. Такие политические образования – Патриотический альянс (ПА) и Конгресс цветных Кейпа (КЦК) – неплохо проявили себя на выборах текущего года⁴⁴. Во многом это связано с тем, что большое число жителей Западного Кейпа из бедных (в основном черных и цветных) районов провинции остаются недовольны ДА⁴⁵.

В этой связи интересен тот факт, что в августе 2024 г., уже после выборов, Демократический альянс опубликовал данные о своем финансировании. ДА стала организацией, получившей наибольшую финансовую помощь в размере более 56 млн рандов (более 3 млн долл. США) в качестве частной и иностранной поддержки⁴⁶.

Умконто ве сизве

На третьем месте неожиданно для многих расположилась новая партия – Умконто ве сизве (яз. зулу «Копье нации», далее – МКП), возглавляемая экс-президентом страны Джейкобом Зумой (2009–2018)⁴⁷. Название и логотип новой партии основаны на символах вооруженного крыла АНК (в годы национально-освободительного движения) – «Умконто ве сизве» («Копье нации»). Публичное заявление об участии партии в выборах 2024 г. было заведомо приурочено к 16 декабря 2023 г. – годовщине создания «Умконто ве сизве» – вооруженного крыла АНК⁴⁸. Удивительным стало то, что, объявив о своем участии в декабре 2023 г. (за полгода до выборов), новая партия заняла третье место и набрала весомое количество голосов – 14,5% (58 мест из 400). Партия стала ведущей в Квазулу-Натале (45,9%), потеснив «старых» участников выборов – как АНК, так и ДА⁴⁹.

Возникшую ситуацию можно объяснить несколькими факторами. Прежде всего, Дж. Зума, будучи представителем крупнейшего народа страны – зулу, несмотря на свой возраст (82 года) и отставку, остается очень влиятельным политиком. Особенно в «родной» для экс-президента провинции Квазулу-Наталь, где АНК не смог добиться доминирующих позиций⁵⁰.

⁴⁴ Sebola K. (2024) NEWS ANALYSIS: Will small parties in Western Cape eat into DA support? *BusinessDay*, 24 May. Available at: <https://tinyurl.com/bdcsjstm> (accessed 10 December 2024).

⁴⁵ Orderson C. (2024) Cape Town's poor 'neglected' in South Africa's only opposition-run province. *Aljazeera*, 28 May. Available at: <https://tinyurl.com/bwzpb5px> (accessed 10 December 2024).

⁴⁶ Ntanzu H. (2024) 14 political parties declared funding, says the Electoral Commission of South Africa. *IOL*, 5 September. Available at: <http://surl.li/vmcias> (accessed 13 December 2024).

⁴⁷ SABC (2024) MK's early success attributed to voters' frustration with ANC. Available at: <https://clck.ru/3FDwKs> (accessed 11 December 2024).

⁴⁸ Reuters (2023) Zuma says he will not vote for ANC in South Africa's election, 16 December. Available at: <https://clck.ru/3FDwTC> (accessed 11 December 2024).

⁴⁹ IEC South Africa (n.d.) Available at: <https://clck.ru/3FDwfwz> (accessed 13 December 2024).

⁵⁰ Msimang S. (2024) Why Jacob Zuma Still Looms Large in South African Politics. 22 May, *Foreign policy*. Available at: <https://clck.ru/3FDwX7> (accessed 10 December 2024).

Об уровне влияния бывшего главы государства можно судить по реакции АНК на сообщение о его отказе участвовать в агитационной кампании под флагом этой политической организации. Партийный аппарат АНК не стал предпринимать решительных мер (исключение из партии) по отношению к Дж. Зуме, памятуя о последствиях беспорядков, вызванных его арестом, в июле 2021 г. Исполнительный комитет партии действовал посредством давления через судебные тяжбы, во многом сознательно откладывая этот вопрос на поствыборный период. В конечном счете по одному из судебных решений Дж. Зума смог сохранить название и логотип партии, несмотря на то, что они были заимствованы у АНК. Кроме того, экс-президент сумел отстоять право быть главой МКП, но не возможность быть избранным в парламент, поскольку ранее имел судимость за неповиновение суду в рамках расследования Комиссии Зондо.

Во-вторых, победе МКП в Квазулу-Натале поспособствовала недостаточная эффективность партийных кадров АНК. Речь идет о предоставлении «государственных услуг» (электричество, водообеспечение, ремонт дорог, инфраструктура), высоком уровне безработицы, проблемах в устранении последствий природных катастроф, захлестнувших провинцию. Медленное решение жизненных вопросов оттолкнуло большую часть избирателей, несмотря на «тяжелую артиллерию» в лице ветеранов АНК.

В-третьих, обвинения в коррупции, внутренние противоречия, фрагментация, проявившаяся в том, что от АНК откололись МКП, а ранее «Борцы за экономическую свободу» (ЭФФ) и *COPE*⁵¹, – все это способствовало ослаблению позиций АНК в провинции и в стране. Стоит отметить, что если сложить показатели двух партий – АНК (40,1%) и МКП (14,5%), то АНК получил бы проценты, на которые изначально претендовал – чуть более 50%.

В-четвертых, многие радикально настроенные и неудовлетворенные жизнью слои населения апеллировали к тезису о том, что «за 30 лет свободы» руководства страной АНК для них ничего не поменялось. Наиболее широко подобные настроения были распространены в среде бедных черных южноафриканцев, что, скорее всего, стало причиной их голосования за партию Дж. Зумы⁵².

Борцы за экономическую свободу

Борцы за экономическую свободу (ЭФФ) – леворадикальная (популистская) партия, возглавляемая харизматичным лидером Джулиусом Малемой. В прошлом – руководитель Молодежной лиги АНК, одной из основных структур партии. В 2012 г. был исключен из АНК за критику Дж. Зумы, в то время занимавшего пост президента.

⁵¹ После отставки президента Т. Мбеки в 2008 г. была сформирована партия *COPE*, состоявшая из активных сторонников экс-президента.

⁵² Booyesen S. (2024) The two faces of Jacob Zuma – former South African president campaigns to unseat the ANC he once led. Who supports him and why? *The Conversation*, 26 January. Available at: <https://clck.ru/3FDwYG> (accessed 11 December 2024).

Внешне члены партии ЭФФ привлекают внимание своими красными рабочими комбинезонами и красными беретами, что является отсылкой к их основному электорату – черному рабочему классу. Партия по составу и своим прошлым достижениям была третьей крупнейшей в стране. На выборах 2024 г. потеряла часть голосов и заняла только четвертое место с 9,5%⁵³. Такие результаты выборов способствовали некоторому смягчению весьма радикальной риторики организации. Нерешенные проблемы малоимущих слоев и рабочего класса привели к тому, что некоторые избиратели из бедных районов (неформальных поселений – тауншипов) перестали поддерживать основные партии – АНК, ДА и ЭФФ. Часть из них стала голосовать за МКП, другая же часть способствовала появлению большого числа малочисленных полумаргинальных партий среди разных групп населения.

Патриотический альянс

Сюрпризом стало количество избирателей, поддержавших относительно новую партию – Патриотический альянс (ПА). Организация, возглавляемая бывшим заключенным, бизнесменом–политиком Гейтоном МакКензи (цветной), смогла завоевать девять мест, или 2%, на национальном уровне, а также уверенно занять третье место в провинции Западный Кейп⁵⁴.

Патриотический альянс был создан в 2013 г., но не имел большого успеха до муниципальных выборов 2021 г. Появление и рост этой партии служат индикатором «разделенных» настроений внутри страны и отдельно в Западном Кейпе. В провинции проживают разные группы населения – цветные, черные африканцы, белые, из которых первые составляют чуть меньше 50%⁵⁵. Кроме того, неожиданный успех партии ПА на всеобщих парламентских выборах и третье место на региональном уровне⁵⁶ являются свидетельством меняющихся приоритетов внутри южноафриканского общества, которые недовольны основными партиями – ДА и АНК⁵⁷.

Ключевую роль в поддержке Патриотического альянса сыграли цветные, представляющие самое крупное меньшинство страны. Согласно статистическим данным за 2022 г., цветные составляют более 8% населения ЮАР и находятся на втором месте по численности после черных африканцев⁵⁸. Эта группа представляет собой сложную категорию: и не черные, и не белые. Они впитали в себя прошлое предков, привезенных во время колониального управления Голландской Ост-Индской компании с трех континентов, поэтому их называют «смешанным населением» Южной Африки (Туряница, 2020).

⁵³ IEC South Africa (n.d.) Available at: <https://clck.ru/3FDwFz> (accessed 13 December 2024).

⁵⁴ IEC South Africa (n.d.) Available at: <https://clck.ru/3FDwFz> (accessed 13 December 2024).

⁵⁵ Statistics South Africa (n.d.) Census 2022. Available at: <https://clck.ru/3FDwDK> (accessed 11 December 2024).

⁵⁶ IEC South Africa (n.d.) Available at: <https://clck.ru/3FDwFz> (accessed 13 December 2024).

⁵⁷ Orderson C. (2024) Cape Town's poor 'neglected' in South Africa's only opposition-run province. *Aljazeera*, 28 May. Available at: <https://clck.ru/3FDweh> (accessed 10 December 2024).

⁵⁸ Statistics South Africa (n.d.) Statistical release P0302. Mid-year population estimates 2022. Available at: <https://clck.ru/3FDwFG> (accessed 11 December 2024).

Правительство национального единства

После объявления Независимой избирательной комиссией окончательных результатов выборов в начале июня 2024 г. лидеры партий осознали, что в поствыборный период начинается сложная работа. АНК, не получив больше 50% голосов избирателей, не мог самостоятельно сформировать правительство. Возникла необходимость договариваться о создании коалиции с одной или несколькими политическими партиями.

Слово «коалиция» и в выступлениях, и в среде АНК, как правило, избегалось. Возможно, оно ассоциировалось с неэффективной работой коалиционных муниципалитетов, избранных в 2021 г. (Makole, Ntshangase & Adewumi, 2022). К тому же ранее предпринятая инициатива ДА о создании коалиции с другими анти-АНКовскими партиями под названием «Многopартийная хартия» (Турияница, 2024) потерпела неудачу сразу же после объявления итогов голосования. В реальности каждая партия действовала исключительно исходя из своих интересов.

Тема создания коалиционного правительства вызвала разногласия внутри самого АНК: некоторые руководители и видные члены партии считали, что следует пойти на компромисс с Демократическим альянсом, оперируя целесообразностью такого подхода для стабилизации экономического положения страны⁵⁹. Другие же отвергали «сделку с дьяволом», т.е. с «белым / расистским» ДА, настаивая на необходимости поддержать т.н. левый фронт и рассмотреть возможность сотрудничества с ним⁶⁰. Переговоры о выстраивании коалиции осложнялись тем, что решение о формате ее работы и участниках необходимо было принять в сжатые сроки.

В данном контексте стоит добавить, что обе партии, ДА и АНК, объединяла еще одна общая «проблема» – партия Дж. Зумы, в существовании которой заключался риск повторения возможных беспорядков и протестов с применением насилия. Такого рода угроза существовала и до, и после голосования, особенно в провинции Квазулу-Наталь. Не зря АНК решил на два месяца отложить исключение экс-президента из партии и принял это решение только после оглашения результатов выборов, переизбрания главы государства и утверждения состава правительства⁶¹.

Одним из основных условий АНК было продолжение работы на посту президента страны С. Рамафосы, а также сохранение ключевых министерств в новом правительстве за АНК⁶². После двухнедельных напряженных переговоров

⁵⁹ Reuters (2024) South African rand rallies on hope DA and ANC can agree on cabinet posts, 28 June. Available at: <https://clck.ru/3FDwpi> (accessed 11 December 2024).

⁶⁰ Moichela K. (2024) SACP says Government of National Unity should not include DA. *IOL*, 5 June. Available at: <https://tinyurl.com/ymwkwxfj> (accessed 11 December 2024).

⁶¹ Politicsweb (2024) Jacob Zuma expelled from our party – ANC, 29 July. Available at: <https://tinyurl.com/yc79ffue> (accessed 11 December 2024).

⁶² Tandwa L. (2024) Ramaphosa is a 'no-go area': Mbalula. *TimesLive*, 2 June. Available at: <https://tinyurl.com/y3ffhd4z> (accessed 11 December 2024).

с Демократическим альянсом, как с главным претендентом на создание т.н. коалиции, а также с другими 17 политическими партиями, получившими места в парламенте, АНК смог заручиться поддержкой со стороны большинства из них. Президент, приняв поражение своей партии, объявил о создании не коалиции с одной из партий, а «Правительства национального единства» (ПНЕ) (*Government of National Unity – GNU*)⁶³.

Идея формирования Правительства национального единства для Южной Африки не нова. В 1994 г. такое правительство уже существовало в ЮАР, однако ПНЕ того времени работало при других обстоятельствах, и компромиссы в 1994 г. сильно отличались от принятых в актуальной ситуации. Следует напомнить, что ПНЕ 1994 г. распалось в течение двух лет, в основном из-за фундаментальных идеологических различий между «апартеидной» Национальной партией и АНК. Поскольку Правительство национального единства является наименее идеологически прочным объединением, из этого следует, что коалиции придется находить баланс (Ndzendze & Hlabisa, 2024). Одни аналитики и оппозиционные партии предсказывают быстрый развал ПНЕ⁶⁴. Другие утверждают, что авторитет и талант лично С. Рамапосы как умелого переговорщика еще при Н. Манделе, умеющего находить компромиссы, смогут удержать правительство «центристов» на некоторое время⁶⁵.

АНК, ДА, Патриотический альянс и Партия свободы Инката (консервативная «зулусская» партия) договорились о присоединении к Правительству национального единства, и С. Рамапоса вновь занял пост президента Южной Африки. Как и ожидалось, представители партии Дж. Зумы – МКП – бойкотировали переизбрание главы государства⁶⁶. В тот же день АНК и ДА подписали Заявление о намерениях (*Statement of Intent*) – официальный документ, содержащий основные принципы ПНЕ⁶⁷.

После присяги президента предполагалось, что вскоре будет объявлен состав нового кабинета министров, но произошло другое – в течение следующей недели еще шесть партий присоединились к ПНЕ. Таким образом, сформировался союз «большинства», состоящий из десяти партий. ПНЕ получило в совокупности 287 мест в 400-местном парламенте (72%)⁶⁸. Такое решение позволило АНК ослабить влияние Демократического альянса в переговорном процессе и частично умерить их притязания на важные министерские посты

⁶³ *The Presidency* (2024) Statement By President Cyril Ramaphosa On The Appointment Of Members Of The National Executive. Available at: <https://tinyurl.com/bddrxwvm> (accessed 11 December 2024).

⁶⁴ Mkhulisi M. (2024) Progressive Caucus predicts GNU collapse. *Daily Sun*, 18 July. Available at: <https://clck.ru/3F-DwyB> (accessed 3 December 2024).

⁶⁵ Gottschalk K. (2024) Cyril Ramaphosa's leadership style didn't impress voters – but seeking consensus may be what South Africa's unity government needs. *The Conversation*, 11 June. Available at: <https://clck.ru/3FDwyn> (accessed 3 December 2024).

⁶⁶ Maqhina M. (2024) MK Party boycotts Ramaphosa's 'farcical' inauguration. *IOL*, 19 June. Available at: <https://tinyurl.com/22vfmzfb> (accessed 11 December 2024).

⁶⁷ Mbalula F. and Zille H. (2024) Government of National Unity. The GNU's founding statement of intent. *Politicsweb*, 17 June. Available at: <https://tinyurl.com/38ek36z3> (accessed 3 December 2024).

⁶⁸ *SA news* (2024) Meet SA's new cabinet, 30 June. Available at: <https://tinyurl.com/eahsjs> (accessed 10 December 2024).

(Шубин, 2024). В свою очередь партия Борцов за экономическую свободу, имеющая 39 мест, заявила, что не будет частью нового правительства, в состав которого входит ДА – партия, поддерживаемая белым меньшинством⁶⁹.

Что касается «новой» официальной оппозиции, то МКП также отказалась от должностей в Правительстве национального единства, назвав АНК «предателем» (интересов черного большинства). Имея 58 мест в Национальной ассамблее, она создала альянс оппозиционных партий в парламенте под названием «Прогрессивное совещание» (*Progressive Caucus*), в которое входят левоцентристские партии – Умконто ве сизве, ЭФФ и др. Этот альянс стал оппозицией к Правительству национального единства⁷⁰.

Более чем через месяц после выборов президент С. Рамапоса объявил состав Третьего кабинета, или Седьмой администрации, куда вошли министры не только АНК, но и других партий ПНЕ. АНК сохранил за собой наибольшую долю министерских постов: С. Рамапоса назначил представителей партии на 20 должностей из 32⁷¹. Только шесть министров были представлены Демократическим альянсом, который когда-то являлся главной оппозиционной силой и самым яростным критиком АНК⁷². Оставшиеся министерские портфели президент распределил между небольшими присоединившимися партиями. Для удовлетворения всех условий и договоренностей в рамках ПНЕ ему все же пришлось раздробить некоторые министерства, тем самым увеличив численный состав кабинета. В частности, министерство сельского хозяйства, реформы землепользования и развития сельских районов пришлось разделить таким образом, что лидер Демократического альянса Дж. Стинхейзен был назначен министром сельского хозяйства, а министром реформы землепользования и развития сельских районов стал политический противник ДА в ПНЕ.

Приняв одно из самых важных решений, С. Рамапоса переназначил Пола Машатиле на должность своего заместителя. Кроме того, глава государства назначил Паркса Тау, одного из участников «переговорной группы АНК» по созданию «коалиции», на должность министра торговли и промышленности. Для АНК это важный пост, его добивался ДА, и он был «яблоком раздора» между двумя партиями⁷³. За АНК также остались ключевые министерства: финансов; минеральных ресурсов и нефти; международных отношений и сотрудничества, возглавляемое молодым министром в правительстве Рамапосы Рональдом Ламолой.

⁶⁹ *Sunday World* (2024) They can go ahead without us – EFF's Floyd rejects ANC's GNU, 7 June. Available at: <https://tinyurl.com/bp7ttkxp> (accessed 10 December 2024).

⁷⁰ *Politicsweb* (2024) The charter of the Progressive Caucus, 18 July. Available at: <https://tinyurl.com/yc6w3z56> (accessed 10 December 2024).

⁷¹ *SA news* (2024) Meet SA's new cabinet 30 June. Available at: <https://tinyurl.com/eahsjs> (accessed 10 December 2024).

⁷² *Sunday World* (2024) DA thanks Ramaphosa for six ministerial posts, but wants more, 27 June. Available at: <https://tinyurl.com/mry8bfwy> (accessed 10 December 2024).

⁷³ Sguazzin A. and Thukwana N. (2024) South Africa Cabinet Talks Stall After ANC Pulls Trade Offer. *Bloomberg*. 27 June. Available at: <https://clck.ru/3FDxVE> (accessed 10 December 2024).

Внешняя политика и Правительство национального единства

После сложных переговоров между представителями партий, входящих в ПНЕ, было подписано официальное Заявление о намерениях, которое стало основным устанавливающим документом для нового правительства. В пункте 11.9 говорится о том, что правительство ПНЕ придерживается «внешней политики, основанной на правах человека, конституционализме, защите национальных интересов, солидарности, мирном разрешении конфликтов, достижении Африканской повестки 2063, поддержании сотрудничества в рамках Юг–Юг, Север–Юг и Африки, развитии многосторонности и создании справедливого и равноправного мира»⁷⁴. Достаточно общие формулировки документа дают возможность правительству ПНЕ «лабиринтировать» при осуществлении выбора своего внешнеполитического курса.

На формирование актуальной повестки международных отношений оказывает влияние то, какое наследие досталось новому министру от прежнего главы внешнеполитического ведомства, у руля которого с 2019 по 2024 гг. стояла заслуженный политик и дипломат Наледи Пандор. Несмотря на свой авторитет и признание в ЮАР, на Западе принципиальный стиль дипломатии Н. Пандор называли «недипломатичным» и «единоличным»⁷⁵. Благодаря своему богатому опыту, накопленному во время жизни в эмиграции, экс-министр умела выстраивать отношения с западными дипломатами, а также уверенно противодействовать «двойным стандартам» Запада и другим глобальным вызовам.

Южную Африку всегда отличала независимая внешняя политика. Голос Африки зазвучал значительно громче во время *COVID-19*. С. Рамапоса, будучи председателем Африканского союза (2020–2021), в самый разгар коронакризиса выразил негодование по отношению ко многим странам Запада касательно проводимой ими «дискриминационной» политики и применения практик «апартеида» по отношению к странам Африки в поставках вакцин против *COVID-19*⁷⁶. Данную ситуацию отлично помнят в ЮАР. Об этом заявил и новый министр международных отношений и сотрудничества Р. Ламола во время первого неофициального визита в Британию в июле 2024 г.⁷⁷

В результате сдвигов, произошедших после коронакризиса, и усложнения геополитической ситуации в мире на фоне обострения украинского конфликта в феврале 2022 г. внешняя политика ЮАР также претерпела некоторые изменения. События на Украине и действия России вызвали резкую реакцию

⁷⁴ Mbalula F. and Zille H. (2024) Government of National Unity. The GNU's founding statement of intent. *Politicsweb*, 17 June. Available at: <https://tinyurl.com/38ek36z3> (accessed 3 December 2024).

⁷⁵ *The Economist* (2024) South Africa's foreign minister wants better relations with the West, 8 August. Available at: <https://clck.ru/3FDxYT> (accessed 10 December 2024).

⁷⁶ *SA News* (2021) End vaccine apartheid, urges President Ramaphosa, 7 December. Available at: <https://clck.ru/3F-Dxe8> (accessed 29 September 2024).

⁷⁷ *Newslive SA* (2024) The future of South Africa's foreign policy. Available at: <https://clck.ru/3FDxeq> (accessed 18 September 2024).

в первые дни конфликта, но в конечном итоге ЮАР заняла позицию «неприсоединения»⁷⁸. 2 марта 2022 г. она воздержалась от голосования по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, в которой осуждалась Специальная военная операция⁷⁹.

Позиция «неприсоединения» закономерна ввиду тесных экономических связей ЮАР со странами как Запада, так и Востока. Согласно информации Южноафриканской налоговой службы, основными торговыми партнерами государства в 2022 г. являлись Китай (первое место) и США (второе), за ними следовали Германия, Япония, Британия⁸⁰. Снижение уровня ВВП в результате коронавирусных ограничений и другие экономические проблемы во многом влияют на формирование внешней политики государства, руководствующегося в первую очередь своими национальными интересами. В этой связи правительство ЮАР стремится к балансу в отношениях с Китаем и США / западными странами.

Стоит отметить, что после февраля 2022 г. в средствах массовой информации ЮАР звучала жесткая критика в адрес АНК, связанная с нейтральной позицией государства по украинскому кризису (Sadie, 2023; Radebe, 2023). Большинство СМИ в ЮАР имеют антигосударственную направленность. Проводником прозападной политической линии стала партия Демократический альянс, которая открыто выступала в поддержку Украины (и Израиля)⁸¹.

В связи с принципиальной позицией «неприсоединения» по украинскому конфликту на ЮАР оказывалось колоссальное давление. Это проявилось в определенных политических акциях со стороны государств, осуждающих официальную линию Южной Африки. В сложном положении оказалось руководство Южной Африки в 2023 г. в связи с председательством в БРИКС. В соответствии с регламентом объединения государство-председатель обязано провести итоговую встречу и обеспечить безопасность лидеров стран БРИКС на своей территории, что вызвало ряд сложностей. В марте 2022 г. МУС выдал ордер на арест президента Российской Федерации. ЮАР, как член МУС, должна была исполнить свои обязательства в рамках Устава организации.

В декабре 2022 г. российское коммерческое грузовое судно *Lady R*, попавшее под американские санкции, пришвартовалось в порту ЮАР. Это вызвало спекуляции на тему того, что же перевозило судно⁸². За несколько месяцев до проведения саммита, в мае 2023 г., посол США в ЮАР выступил с провокационным заявлением, обвинив ЮАР в поставках оружия России

⁷⁸ SMWX (2024) Naledi Pandor on 'GNU', Palestine-Israel, ICJ, Thabo Mbeki, Jacob Zuma & MK, Cyril Ramaphosa. Available at: <https://clck.ru/3FDxfU> (accessed 29 September 2024).

⁷⁹ UN News (2022) General Assembly resolution demands end to Russian offensive in Ukraine, 2 March. Available at: <https://clck.ru/3FDxgA> (accessed 10 December 2024).

⁸⁰ South African Revenue Service (n.d.) Available at: <https://tinyurl.com/bdcvu7hv> (accessed 10 December 2024).

⁸¹ Bhengu C. (2022) Cape Town mayor pledges solidarity with Ukraine. *BusinessDay*, 3 March. Available at: <https://tinyurl.com/vt42zjax> (accessed 10 December 2024).

⁸² Charles M. (2022) Inaccurate, irresponsible and inexcusable: US ambassador writes to Modise over Russia ship row. *News24*, 24 December. Available at: <https://clck.ru/3FDyUa> (accessed 10 December 2024).

на корабле *Lady R* для использования его на Украине. После проведения специальной президентской комиссии претензии в сторону ЮАР в этом вопросе были сняты. Необоснованные обвинения нанесли чувствительный ущерб экономике и положению Южной Африки в мире, о чем заявлял президент страны⁸³.

Несмотря на политический накал, ЮАР ранее провела трехсторонние военно-морские учения рядом со своей береговой линией в феврале 2023 г. В учениях были задействованы контингенты из России и Китая. Стоит заметить, что такие военные учения ЮАР чаще проводит с США и другими западными государствами, чем с Россией и Китаем, хотя информация в СМИ была преподнесена в ином свете⁸⁴. На фоне позиции Южной Африки по украинскому кризису и ее «дружеских» отношений с Россией руководство Формулы-1 в июне того же года приостановило переговоры относительно проведения гонок в ЮАР, не предъявив убедительных причин. Последний раз Южная Африка проводила гонки такого уровня в 1993 г.⁸⁵

Сообщения о том, что южноафриканская сторона пригласила президента Российской Федерации участвовать в саммите БРИКС очно (противоречит решению МУС), спровоцировали очередной виток давления на государство. Это нашло отражение в том, что С. Рамапоса, как представитель Глобального Юга, Африканского континента и ЮАР, не посетил очередной саммит «Группы семи» в мае 2023 г. (равно как в июне 2024 г.), в которых президент участвовал с 2018 г.⁸⁶

Не желая мириться с такой ситуацией, руководство ЮАР предприняло попытки изменить отношение к своей стране. Правящие элиты Южной Африки рассматривают вверенное им государство как суверенный субъект международных отношений. Доказательством этого стала «Африканская мирная инициатива» (*African Peace Initiative*). В июне 2023 г. главы шести стран Африки по инициативе президента ЮАР приложили усилия для того, чтобы наладить диалог между участниками конфликта и прекратить боевые действия на Украине. На Западе, равно как и в СМИ ЮАР, эта инициатива была воспринята критически⁸⁷.

⁸³ Maromo J. (2023) No evidence of military weapons loaded onto Lady R vessel – Ramaphosa. *IOL*, 3 September. Available at: <https://tinyurl.com/23cbfsav> (accessed 10 December 2024).

⁸⁴ Maromo J. (2023) SA-China-Russia military exercise: Thandi Modise hits back at critics, says there was 'no hype' when US Army came. *IOL*, 23 January. Available at: <https://tinyurl.com/prpajvm> (accessed 10 December 2024).

⁸⁵ Osman M.N. (2023) F1 Cancels South Africa 2024 Grand Prix Due to Country's Ties with Russia: Reports. *Sputnik News Africa*, 6 June. Available at: <https://clck.ru/3FDyph> (accessed 11 December 2024).

⁸⁶ SABC (2023) Ramaphosa will not attend G7 Summit in Japan. 18 April. Available at: <https://tinyurl.com/4sshnp8h> (accessed 10 December 2024).

⁸⁷ См. например: Wolff S. (2023) Ukraine war: failed African peace mission underscores need for more powerful political and military pressure on Putin. *The Conversation*, June 22. Available at: <https://clck.ru/3FE2NH> (accessed 10 December 2024); Reva D. and Singh P. (2023) African peace mission: one step forward, one step back? *ISS Today*, 23 June. Available at: <https://clck.ru/3FE2Tv> (accessed 10 December 2024).

Как отмечала в своем интервью экс-министр Н. Пандор, уже находясь в отставке, перед саммитом БРИКС и вторым Саммитом Россия – Африка имели место вояжи американских конгрессменов⁸⁸. Многие высокопоставленные чиновники Соединенных Штатов посещали Южную Африку, чтобы заставить ее занять более жесткую позицию по отношению к России. ЮАР, как и многие государства Африки, не поддержала антироссийские санкции и не прекратила двусторонние контакты.

Следует пояснить, что Южная Африка присоединилась к группе БРИКС в 2011 г., что стало ключевой внешнеполитической целью администрации Дж. Зумы. За время его президентства с Россией было налажено стратегическое взаимодействие, и оно особенно укрепилось после второго визита Путина в ЮАР в марте 2013 г. (Arkhangelskaya & Shubin, 2013)

В 2023 г. уже в третий раз Южная Африка достойно выполнила обязанности председателя БРИКС и успешно провела саммит в г. Йоханнесбурге. В конечном счете ЮАР утратила статус единственной африканской страны в объединении, но осталась «воротами» в регион Юга Африки и гарантом эффективной дипломатии, что подтвердил африканский саммит (Воронина & Зеленова, 2023). Кроме того, именно на площадке в г. Йоханнесбурге было объявлено об историческом расширении группы⁸⁹. Таким образом, во внешней политике ЮАР продемонстрировала умение налаживать связи. Ей удалось принять саммит БРИКС и отстоять свою позицию по Украине, а также не создавать конфликта с Западом. Экономическим отношениям с ЕС тоже был придан дополнительный импульс благодаря заключению долгосрочных проектов в области «зеленой» энергетики.

ЮАР вновь обратила на себя внимание 29 декабря 2023 г., когда приняла решение подать иск в Международный суд ООН в Гааге против Израиля в связи с возможным нарушением Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Один из тезисов, с которым выступали представители ЮАР, – политика «апартеида» со стороны Израиля в отношении палестинцев⁹⁰. Южноафриканская сторона добивалась постановления суда о том, что Израиль нарушает обязательства по конвенции о геноциде и должен прекратить все боевые действия в секторе Газа. Состав южноафриканской делегации, представлявшей страну в Международном суде ООН по делу против Израиля, был весьма высокого профессионального уровня⁹¹. Это говорит о серьезности подготовки государства к такой задаче и ее авторитете как региональной державы.

⁸⁸ SMWX (2024) Naledi Pandor on 'GNU', Palestine-Israel, ICJ, Thabo Mbeki, Jacob Zuma & MK, Cyril Ramaphosa. Available at: <https://clck.ru/3FDxfU> (accessed 29 September 2024).

⁸⁹ Lissovolik Ya. (2023) The 2023 "Expansion Summit": BRICS+ History in the Making. *Russian International Affairs Council*, September 15. Available at: <https://clck.ru/3FEA7i> (accessed 11 December 2024).

⁹⁰ *Aljazeera* (2024) 'Israel's apartheid must end,' South Africa says at ICJ hearing, 20 February. Available at: <https://tinyurl.com/3uaver2n> (accessed 5 December 2024).

⁹¹ Kgosana R. (2024) The 'A-team' lawyers representing South Africa at the world court against Israel. *TimesLIVE*, 5 January. Available at: <https://tinyurl.com/yref6bwh> (accessed 5 December 2024).

⁹² Matthys D. (2024) Namibia backs South Africa's case against Israel. *The Namibian*, 11 January. Available at: <https://clck.ru/3FEAjA> (accessed 29 September 2024).

Многие государства, как, например, Намибия, официально поддерживали иск ЮАР против Израиля⁹². Министр международных отношений и сотрудничества Н. Пандор сообщила, что, находясь в Гааге, она встречалась с главами МУС. Она отметила, что, по ее мнению, прокурор не смог ответить ей на вопрос о том, «почему он выдал ордер на арест президента России и не сделал этого же в отношении премьер-министра Израиля»⁹³. Тем не менее политики ЮАР понимали, что из-за своей довольно жесткой позиции по Палестине и иска в МУС, вероятно, к ним будут применены ответные меры. Эта «кампания возмездия» развернулась в первую очередь лично против Н. Пандор и ее семьи, о чем она говорила уже после отставки. Министр подчеркнула, что иск в МУС – коллективное решение правительства ЮАР, где одну из ведущих ролей сыграл сам президент. Значимую юридическую поддержку при подготовке этого иска оказал Р. Ламола, в то время возглавлявший министерство юстиции и исправительных учреждений⁹⁴. Тогда он был самым молодым министром в кабинете С. Рамапосы.

До выборов 2024 г. обсуждались серьезные изменения в составе правительства, и вопрос о назначении нового главы внешнеполитического ведомства оставался открытым. Среди тех, кто решил покинуть свой пост после майских выборов, стала Н. Пандор⁹⁵. После объявления состава новой седьмой администрации ПНЕ министерство международных отношений и сотрудничества осталось в ведении АНК. С тем чтобы должности получили представители всех партий в ПНЕ, президент произвел увеличение и дробление некоторых министерств. Сохранение за АНК двух постов заместителей министра – Алвина Ботеса (опытного дипломата, работавшего вместе с Н. Пандор с 2019 г.) и Танди Морака – означает продолжение прежнего курса и подтверждает приверженность АНК тем принципам, которые были заложены ранее. Вместе с тем в составе правительства более значимую роль теперь играют Демократический альянс и другие партии, чьи международные интересы могут существенно отличаться, особенно по глобальным вопросам⁹⁶. Кроме того, внешняя политика государства формируется не только упомянутым министерством, но и другими участниками процесса: Офисом (администрацией) президента, парламентским Комитетом по международным отношениям и сотрудничеству, подкомитетом по международным отношениям высшего руководства АНК, а также международными отделами в других министерствах. Теперь, вероятно, это согласование потребует больше времени, так как в ПНЕ участвуют десять партий⁹⁷.

⁹³ Maughan K. (2024) Pandor asks ICC prosecutor why a warrant for Putin and not Netanyahu, but he 'couldn't answer'. *News24*, 1 February. Available at: <https://click.ru/3FEAxo> (accessed 5 December 2024).

⁹⁴ SMWX (2024) Naledi Pandor on 'GNU', Palestine-Israel, ICJ, Thabo Mbeki, Jacob Zuma & MK, Cyril Ramaphosa. Available at: <https://click.ru/3FDxfU> (accessed 29 September 2024).

⁹⁵ Mkhwanazi S. (2024) NDZ, Mapisa-Nqakula and Gordhan among 30 senior ANC leaders not returning to Parliament. *IOL*, 8 March. Available at: <https://tinyurl.com/ycy4kexy> (accessed 5 December 2024).

⁹⁶ Fourie R. (2024) Is foreign policy coherence in safe hands as GNU takes root? *IOL*, 7 July. Available at: <https://tinyurl.com/4ukhxmkd> (accessed 13 December 2024).

⁹⁷ Singh P. (2024) How will SA's new coalition government steer foreign policy? *ISS Today*, 2 July. Available at: <https://tinyurl.com/mryrez96> (accessed 9 December 2024).

Назначение Р. Ламолы министром международных отношений и сотрудничества не случайно. Его инициатива и активная позиция при составлении и ведении иска против Израиля в МУС подтверждают это. Заслуживают внимания некоторые детали из биографии министра. Роналд (Оззи) Ламола освоил специальность в области юриспруденции в Университете Венда. Позже продолжил обучение в Университете Южной Африки и Университете Претории, получив две магистерских степени в разных областях права. В 2009–2011 гг. работал на руководящих должностях в родной провинции Мпумаланга под управлением Д. Мабузы, в будущем заместителя президента (2018–2023) С. Рамапосы⁹⁸. Политическая карьера Р. Ламолы началась в АНК в тринадцатилетнем возрасте. Потом он поднялся до заместителя главы Молодежной лиги АНК. Там работал до исключения руководителя Лиги Дж. Малемы из партии в 2012 г., которое привело к расколу в Молодежной лиге⁹⁹. В 2012 г. поддержал кандидатуру К. Мотланте (а не Дж. Зумы) на пост главы партии. Вероятно, по этой причине Р. Ламола не был избран в парламент в 2014 г., находясь на 175 месте в списках партии (Van Heerden, 2024).

Все изменилось в 2017 г., когда будущий министр поддержал Д. Мабузу и тем самым С. Рамапосу в борьбе за лидерство в партии. Его расчет оправдался, и в партийных списках 2017 г. он стал одним из самых молодых и перспективных представителей АНК, поднявшись на шестое место¹⁰⁰. Партийный рост предоставил ему возможность быть избранным на пост в кабинет С. Рамапосы. В 2019 г. 35-летний Р. Ламола был назначен министром юстиции и исправительных учреждений. Упорядочив работу министерства и успешно проработав на этой должности с 2018 по 2024 гг., он предпринял попытку избраться на пост заместителя президента партии на съезде в 2022 г.¹⁰¹

Интересный случай, произошедший по время съезда партии в 2022 г., демонстрирует далеко идущие амбиции министра. Во время работы съезда глава партии С. Рамапоса дважды просил одного из кандидатов сняться с голосования для того, чтобы не создавать раскол в АНК. Ни Роналд Ламола, ни его соперник, Оскар Мабуяне, премьер провинции Восточный Кейп, не отказались от участия в выборах, беспокоясь больше о своих собственных интересах, чем о стратегических целях организации. По итогу, ни один из кандидатов не получил место в руководстве партии. Следует добавить, что некоторые рассматривают Р. Ламолу как будущего преемника С. Рамапосы (Van Heerden, 2024).

⁹⁸ *South African Government* (n.d.) Ronald Lamola. Available at: <https://clck.ru/3FEBSX> (accessed 11 December 2024).

⁹⁹ Prince C., Masondo S. and Mahlangu D. (2012) Malema verdict divides ANCYL. *SowetanLIVE*, 6 February. Available at: <https://tinyurl.com/2mk76y5v> (accessed 9 December 2024).

¹⁰⁰ Вероятно, на успех Р. Ламолы повлияло и то, что он, как и С. Рамапоса, относится к народу венда, одному из самых малочисленных в ЮАР.

¹⁰¹ Tandwa L. (2022) Lamola launches his campaign to become ANC deputy president in Mabuza's stronghold. *Mail and Guardian*, 6 June. Available at: <https://tinyurl.com/yvff6ded> (accessed 9 December 2024).

Исследователи и аналитики задавались вопросом, как изменится внешняя политика ЮАР после создания ПНЕ. Большинство склоняется к тому, что политический курс страны будет рациональным и прагматичным¹⁰². Он будет основываться на принципе «неприсоединения» и защите национальных интересов. В приоритете – решение экономических проблем и рост ВВП. Правительство уделяет особое внимание привлечению иностранных инвестиций и уменьшению уровня безработицы за счет развития новых предприятий¹⁰³.

В одном из первых публичных выступлений на базе аналитического центра *SAIIA*, специализирующегося на международных отношениях, министр международных отношений и сотрудничества подтвердил, что «позиция неприсоединения и принцип универсализма останутся неприкосновенными» для ЮАР¹⁰⁴. За 100 дней Правительства национального единства были подтверждены обязательства перед иностранными инвесторами. Так, в начале сентября президент совершил официальный визит в КНР в рамках саммита *FOCAC*¹⁰⁵. В состав делегации вошло более десяти министров, включая представителей партии ДА. Завершив успешные переговоры в Китае, министр международных отношений и сотрудничества начал подготовку к следующей зарубежной поездке. Позднее, в середине сентября 2024 г., С. Рамапоса принял участие в 79-сессии Генеральной Ассамблеи ООН и был приглашен президентом США в Вашингтон¹⁰⁶. Одним из важных пунктов программы была встреча с американскими бизнесменами. Президент заверил участников, что новое Правительство национального единства было благополучно сформировано¹⁰⁷. Кроме того, было организовано мероприятие с Илоном Маском, американским миллиардером южноафриканского происхождения¹⁰⁸. В конце сентября 2024 г. после поездки Сирила Рамапосы в США его заместитель Пол Машатиле также совершил официальные визиты в Ирландию и Британию¹⁰⁹.

В 2025 г. ЮАР примет «эстафету» председательства в «Группе двадцати» от стран Глобального Юга – Индонезии, Индии и Бразилии. Это знаменательное событие для нового министра и для ЮАР, поскольку это будет первая страна в Африке, принявшая встречу на таком уровне. Саммит *G20* в ЮАР

¹⁰² Parker M. (2024) Lamola is no Pandor in steering foreign policy. *IOL*, 6 August. Available at: <https://tinyurl.com/bdsfvast> (accessed 9 December 2024).

¹⁰³ *DIRCO* (2024) Opening of Parliament Address by President Cyril Ramaphosa at the Cape Town City Hall, Western Cape. Available at: <https://tinyurl.com/338278pk> (accessed 9 December 2024);

¹⁰⁴ *SABC* (2024) DIRCO Minister Ronald Lamola addresses symposium on SA's national interests, global advancements. Available at: <https://clck.ru/3FECbV> (accessed 30 September 2024).

¹⁰⁵ *SA News* (2024) President Ramaphosa to lead SA delegation to China for State Visit, 1 September. Available at: <https://clck.ru/3FECdW> (accessed 9 December 2024).

¹⁰⁶ *SA News* (2024) President Ramaphosa in New York for UN General Assembly, 22 September. Available at: <https://tinyurl.com/bdd2us5d> (accessed 9 December 2024).

¹⁰⁷ *SA News* (2024) President Ramaphosa urges US business to invest in SA's growing economy, 24 September. Available at: <https://tinyurl.com/3ykrwmn4> (accessed 9 December 2024).

¹⁰⁸ Ngcobo K. (2024) Musk says he had 'great meeting' with Ramaphosa. *BusinessDay*, 24 September. Available at: <https://tinyurl.com/528venvm> (accessed 9 December 2024).

¹⁰⁹ Mashatile undertakes working visits to Ireland and the UK. *SA News*, 27 September. Available at: <https://tinyurl.com/dzajrt7h> (accessed 9 December 2024).

будет иметь долгосрочное позитивное влияние на континент. Стоит надеяться, что новый министр и его команда смогут обеспечить все необходимое, чтобы повестка Глобального Юга была не размыта, а консолидирована¹¹⁰.

Какие последствия несут итоги выборов-2024 и формирование нового Правительства национального единства для России? Принимая во внимание накопленный опыт выстраивания отношений с ЮАР, можно сделать несколько предположений:

- АНК остался во главе ПНЕ, однако его влияние на принятие решений сильно уменьшилось (АНК потерял 71 место в парламенте). По этой причине вопросы, связанные с внутренней или внешней политикой теперь, вероятно, будут решаться коллегиально, при учете мнений всех десяти партий ПНЕ, включая те, которые продвигают противоположную повестку (например, Демократический альянс). Таким образом, несмотря на то, что АНК рассматривает Россию как «большого друга», другая часть правительства будет апеллировать к выстраиванию плодотворных отношений, основой которых должны являться взаимовыгодное экономическое сотрудничество и рост, а не только давние исторические связи.
- Учитывая прочные многолетние политические связи между Россией и ЮАР и недостаточно тесные экономические, государствам предстоит сосредоточиться на развитии экономической составляющей. Активные политические контакты могут помочь преодолеть этот дисбаланс, диверсифицировать рынки и стать катализатором развития экономических отношений.
- Согласно опросам общественного мнения, южноафриканцы демонстрируют запрос на расширение связей со странами не-Запада. Это перекликается с задачами ПНЕ, где упоминается развитие отношений в разного рода многосторонних проектах, которые играют большую роль в дипломатии ЮАР (как, например, БРИКС). Это заметно совершенствует и двусторонние гуманитарные связи с ЮАР в формате других мероприятий БРИКС.
- В заключение, Россия, возможно, могла бы обратить внимание на выстраивание неформальных политических отношений не только с АНК, но и другими партиями ПНЕ (и за его пределами) на перспективу.

Заключение

Подводя итог, стоит сказать, что в настоящее время Правительство национального единства во главе с АНК играет ключевую роль в определении политического курса ЮАР. Однако стоит учесть, что состав ПНЕ включает представителей различных, а порой антагонистичных друг другу политических сил, что может привести к разногласиям и трудностям в принятии решений по целому ряду проектов.

¹¹⁰ Ebrahim S. (n.d.) South Africa to prioritise the needs of the Global South. *IOL*, 15 September. Available at: <https://tinyurl.com/2ryb99zu> (accessed 29 September 2024).

Несмотря на эти вызовы, достигнутый прогресс в достижении политического компромисса свидетельствует о возможности стабилизации политической ситуации в стране. Тем не менее пока сложно предсказать, насколько успешно ПНЕ сможет справиться с решением сложных экономических и социальных проблем, которые возникли еще до выборов 2024 г.

Важно также отметить, что результаты выборов 2024 г. могут повлиять на дальнейшее формирование политических альянсов и коалиций, что в свою очередь может привести к дополнительным изменениям в политическом курсе ЮАР в преддверии следующего электорального цикла – муниципальных выборов 2026 г. Таким образом, ближайший год станет определяющим для будущего развития страны и ее экономического благосостояния.

Список литературы:

1. Воронина Н.А., Зеленова Д.А. (2023) Председательство ЮАР в БРИКС: от взаимовыгодного партнерства к построению нового миропорядка. *Азия и Африка сегодня* (11): 23–31. DOI: 10.31857/S032150750028609-1.
2. Туряница Д.А. (2020) Патрисия де Лилль: победы и просчеты в карьере «цветного» политика ЮАР. *Азия и Африка сегодня* (8): 69–74. DOI: 10.31857/S032150750010454-1.
3. Туряница Д.А. (2024) Южная Африка – 2024: политические партии в преддверии выборов. *Азия и Африка сегодня* (2): 23–31. DOI: 10.31857/S032150750030073-2.
4. Шубин В.Г. (2022) Южная Африка: трудные времена. *Азия и Африка сегодня* (12): 31–38. DOI: 10.31857/S032150750023559-6.
5. Шубин В.Г. (2023) Дождались? (К итогам 55-й Национальной конференции АНК). *Азия и Африка сегодня* (4): 25–29. DOI: 10.31857/S032150750025336-1.
6. Шубин В.Г. (2024) Южная Африка: новая эра? *Азия и Африка сегодня* (8): 5–11. DOI: 10.31857/S0321507524080017.
7. ANC (2017) *54th National conference Report and Solutions*. Available at: https://cisp.cachefly.net/assets/articles/attachments/73640_54th_national_conference_report.pdf (accessed 11 December 2024).
8. Arkhangelskaya A., Shubin V. (2013) *Russia–South Africa Relations: Beyond Revival*. Policy Briefing 75. SAILA. Available at: <https://saiia.org.za/research/russia-south-africa-relations-beyond-revival/> (accessed 5 December 2024).
9. Booysen M., van der Berg S., van der Walt P. (2023) Some real but mostly unconsidered costs hiding in the dark corners of load shedding. *South African Journal of Science* 119(9/10). DOI: 10.17159/sajs.2023/16596.
10. Booysen S. (ed.) (2024) *Analysis of South Africa's 2024 elections and the coalitions aftermath*. Mapungubwe Institute for Strategic Reflection (MISTRA). Available at: <https://mistra.org.za/mistra-publications/mistra-analysis-of-south-africas-2024-elections-and-the-coalitions-aftermath/> (accessed 5 December 2024).
11. Everatt D. (2024) The Long Decline of South Africa's ANC. *Journal of Democracy* 35(4): 135–148. DOI: 10.1353/jod.2024.a937739.
12. Hofmeyr J. (2024) *Findings from the Afrobarometer South Africa pre-election telephone survey*. Afrobarometer, IJR. Available at: <https://www.afrobarometer.org/articles/findings-from-the-afrobarometer-south-africa-pre-election-telephone-survey/> (accessed 11 December 2024).
13. Makole K.R., Ntshangase B.A., Adewumi S.A. (2022) Coalition Governance: Uncharted Waters in South African Political Landscape. *Business Ethics and Leadership* 6(4): 23–37. DOI: 10.21272/bel.6(4).23-37.2022.

14. Ndzendze B., Hlabisa N. (2024) *South Africa's new coalition government: implications for social, economic and foreign policy*. Africa Policy Research Institute. Available at: <https://doi.org/10.59184/sa.045> (accessed 11 December 2024).
15. Paret M., Runciman C. (2023) Voting Decisions and Racialized Fluidity in South Africa's Metropolitan Municipalities. *African Affairs* 122(487): 269–298. DOI: 10.1093/afraf/adad010.
16. Patel L., Sadie Y., de Klerk J. (2024) *Factors determining voter choice in South Africa's 2024 national general elections in 2024*. Research Brief. Johannesburg: Centre for Social Development in Africa (CSDA), University of Johannesburg. Available at: https://www.uj.ac.za/wp-content/uploads/2024/05/csda_-_voterchoiceresearchbrief_-_research-brief_-_a4_-_may-2024_-_2.pdf (accessed 11 December 2024).
17. Radebe M. (2022) New features of media imperialism: The South African online media and the coverage of the Ukrainian war. *Journal for Communication Studies in Africa* 41(2): 75–89. DOI: 10.36615/jcsa.v41i2.1407.
18. Sadie Y. (2023) The South African Government's Stance on the Russia-Ukraine War as Reflected in the South African Newspaper Media. *Athens Journal of Mass Media and Communications* 9(4): 249–264. DOI: 10.30958/ajmmc.9-4-2.
19. Survey of South African Voter Opinion (2023) The Brenthurst Foundation/SABI. Available at: <https://www.thebrenthurstfoundation.org/surveys/survey-of-south-african-voter-opinion/> (accessed 11 December 2024).
20. Van Heerden O. (2024) *Is the Party Over?* Johannesburg: Jacana Media.

Comparative Politics. Volume 16. No. 1. January–March / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-1-16-2

ELECTIONS 2024 IN SOUTH AFRICA: RESULTS AND CONSEQUENCES

Daria A. TURIANITSA – Junior Research Fellow, Research Centre for African strategy in BRICS, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
ORCID 0000-0003-1019-7823. E-mail: darya.turyanitsa@gmail.com
30/1, Spiridonovka str., Moscow, Russia, 123001.

Received November 18, 2024

Accepted December 14, 2024

Acknowledgments: The study was prepared with the financial support of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of scientific project no. FMZE-2024-0003 'BRICS and Africa: Expansion Prospects and Potential for Russian-African Strategic Cooperation'. development of Russian-African strategic co-operation'.

Abstract: The article analyses the preparation and results of the parliamentary elections held in South Africa on May 29, 2024. The ruling party, namely the African National Congress, failed to win the majority of votes, for the first time in 30 years that democratic South Africa exists. This outcome marks a significant turning point in the country's political landscape, indicating that the ANC's leadership may be facing challenges in the future. However, the study shows that the change in the number of supporters is a problem not only for the ANC, but also for other political players in the country. The paper aims to identify the reasons why the ANC lost the support of voters. The author carefully examines the main stages of the vote preparation. She analyses the election campaigns of various parties, including the ANC and opposition party like the Democratic Alliance, as well

as new political movements that took part in the elections for the first time. Special attention is given to party financing, organizing political events, and strategies for voter mobilization. Other factors that may have influenced the voting outcome are taken into account, including the sudden emergence of the party led by former South African president (2009–2018) Jacob Zuma. As a result, the article identifies several factors that contributed to the voting outcome, that are economic challenges, including high unemployment rate among young people, corruption and ineffective local government, the changing demographics, including the growing number of young people unrelated to the apartheid era. The paper speculates how this new political landscape may shape the country's domestic and foreign policies. Additionally, the article explores the initial actions taken by the newly formed government, namely the "Government of National Unity." One of the primary concerns raised in the paper is how changes in domestic policies will impact South Africa's foreign policy as a member of BRICS and one of the leading countries of the Global South after the appointment of the new government and the new Minister of International Relations and Cooperation. The author concludes that the 2024 elections were a turning point in South Africa's political history, with consequences of which became an unspoken signal for countries in Southern Africa.

Keywords: South Africa, African National Congress, Democratic Alliance, Elections 2024; Government of National Unity, foreign policy, Global South, BRICS

References:

1. ANC (2017) *54th National conference Report and Solutions*. Available at: https://cisp.cachefly.net/assets/articles/attachments/73640_54th_national_conference_report.pdf (accessed 11 December 2024).
2. Arkhangel'skaya A., Shubin V. (2013) *Russia–South Africa Relations: Beyond Revival*. Policy Briefing 75. SAIIA. Available at: <https://saiia.org.za/research/russia-south-africa-relations-beyond-revival/> (accessed 5 December 2024).
3. Booysen M., van der Berg S., van der Walt P. (2023) Some real but mostly unconsidered costs hiding in the dark corners of load shedding. *South African Journal of Science* 119(9/10). DOI: 10.17159/sajs.2023/16596.
4. Booysen S. (ed.) (2024) *Analysis of South Africa's 2024 elections and the coalitions aftermath*. Mapungubwe Institute for Strategic Reflection (MISTRA). Available at: <https://mistra.org.za/mistra-publications/mistra-analysis-of-south-africas-2024-elections-and-the-coalitions-aftermath/> (accessed 5 December 2024).
5. Everatt D. (2024) The Long Decline of South Africa's ANC. *Journal of Democracy* 35(4): 135–148. DOI: 10.1353/jod.2024.a937739.
6. Hofmeyr J. (2024) *Findings from the Afrobarometer South Africa pre-election telephone survey*. Afrobarometer, IJR. Available at: <https://www.afrobarometer.org/articles/findings-from-the-afrobarometer-south-africa-pre-election-telephone-survey/> (accessed 11 December 2024).
7. Makole K.R., Ntshangase B.A., Adewumi S.A. (2022) Coalition Governance: Uncharted Waters in South African Political Landscape. *Business Ethics and Leadership* 6(4): 23–37. DOI: 10.21272/bel.6(4).23–37.2022.
8. Ndzendze B., Hlabisa N. (2024) *South Africa's new coalition government: implications for social, economic and foreign policy*. Africa Policy Research Institute. Available at: <https://doi.org/10.59184/sa.045> (accessed 11 December 2024).
9. Paret M., Runciman C. (2023) Voting Decisions and Racialized Fluidity in South Africa's Metropolitan Municipalities. *African Affairs* 122(487): 269–298. DOI: 10.1093/afraf/adad010.

10. Patel L., Sadie Y., de Klerk J. (2024) *Factors determining voter choice in South Africa's 2024 national general elections in 2024*. Research Brief. Johannesburg: Centre for Social Development in Africa (CSDA), University of Johannesburg. Available at: https://www.uj.ac.za/wp-content/uploads/2024/05/csda_-_voterchoiceresearchbrief_-_research-brief_-_a4_-_may-2024_-_2.pdf (accessed 11 December 2024).
11. Radebe M. (2022) New features of media imperialism: The South African online media and the coverage of the Ukrainian war. *Journal for Communication Studies in Africa* 41(2): 75–89. DOI: 10.36615/jcsa.v41i2.1407.
12. Sadie Y. (2023) The South African Government's Stance on the Russia-Ukraine War as Reflected in the South African Newspaper Media. *Athens Journal of Mass Media and Communications* 9(4): 249–264. DOI: 10.30958/ajmmc.9-4-2.
13. Shubin V. (2022) South Africa: Hard Times [Yuzhnaya Afrika: trudnyye vremena]. *Aziia i Afrika segodnia [Asia and Africa today]*(12): 31–38. DOI: DOI: 10.31857/S032150750023559-6. (In Russian).
14. Shubin V. (2023) Is the Wait Over? (To the Results of the 55th National Conference of ANC) [Dozhdalis'? (K itogam 55-y Natsional'noy konferentsii ANK)]. *Aziia i Afrika segodnia [Asia and Africa today]*(4): 25–29. DOI: 10.31857/S032150750025336-1. (In Russian).
15. Shubin V. (2024) "South Africa: New Era?" [Yuzhnaya Afrika: novaya era?]. *Aziia i Afrika segodnia [Asia and Africa today]*(8): 5–11 DOI: 10.31857/S0321507524080017. (In Russian).
16. Survey of South African Voter Opinion (2023) The Brenthurst Foundation/SABI. Available at: <https://www.thebrenthurstfoundation.org/surveys/survey-of-south-african-voter-opinion/> (accessed 11 December 2024).
17. Turianitsa D. (2020) Patricia de Lille – victories and miscalculations in the career of a 'coloured' politician of South Africa" [Patrisiya de Lill': pobedy i proshchety v kar'yere «tsvetnogo» politika YUAR]. *Aziia i Afrika segodnia [Asia and Africa today]* (8): 69–74 DOI: 10.31857/S032150750010454-1. (In Russian).
18. Turianitsa D. (2022) South Africa – 2024: political parties' activities ahead of elections [Yuzhnaya Afrika – 2024: politicheskiye partii v preddverii vyborov]. *Aziia i Afrika segodnia [Asia and Africa today]*(12): 31–38. DOI: 10.31857/S032150750030073-2. (In Russian).
19. Van Heerden O. (2024) *Is the Party Over?* Johannesburg: Jacana Media.
20. Voronina N., Zelenova D. (2023) SA BRICS chairship: from merging partnership to a New World order [Predsedatel'stvo YUAR v BRIKS: ot vzaimovygodnogo partnerstva k postroyeniyu novogo miroporyadka]. *Aziia i Afrika segodnia [Asia and Africa today]* (11): 23–31. DOI: 10.31857/S032150750028609-1. (In Russian).

ИДЕОЛОГИИ И УМОНАСТРОЕНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Евгений КОЖОКИН
РГГУ, МГИМО МИД России

Аннотация: Борьба против России, развязанная Западом, ведется по всему миру. Осуществляются также попытки аннигилировать отношения сотрудничества, сложившиеся у Российской Федерации со странами евроазиатского региона. В этой связи актуальным становится изучение идеологических установок и умонастроений в странах Центральной Азии, в частности в Таджикистане, который с Россией связывают особенно тесные узы. В то же время наблюдается повышенная уязвимость Таджикистана для внешнего воздействия. Особую опасность для республики представляют структуры ИГИЛ*, которые фактически ведут идеологическую и психологическую войну против светского государства. Из всех государств Центральной Азии в Таджикистане самый высокий процент молодых людей оказывается восприимчивым к радикальным идеям. В центре внимания автора статьи – неоднородность умонастроений граждан. Выделяются четыре типа мировоззренческих установок. Анализируется идущая неустанно борьба за умы граждан этой республики. Понимание специфики настроений населения Таджикистана является не только научным, но и политическим императивом. Это связано с тем, что национальным интересам России отвечает стабильность и процветание этой центральноазиатской страны.

Ключевые слова: идеология, Таджикистан, таджики, ислам, ментальность, гражданская война

* – «Исламское государство», «Хизб ут-Тахрир», «Хайят Тахрир аль-Шам», «Аль-Каида», «Братья-мусульмане», Партия исламского возрождения Таджикистана признаны террористическими и запрещены в Российской Федерации.

Евгений Михайлович Кожокин – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Российский государственный гуманитарный университет; профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, главный научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-1419-6695. E-mail: kozhokin@yandex.ru

125047, Москва, Миусская площадь, д. 6; 119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 16.07.2024

Принята к публикации: 25.04.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Интеллектуальные конструкты идеологического характера в XXI веке все более отличаются от их аналогов XX века. Эти изменения связаны как с технологическим прогрессом, так и с достижениями в области изучения социальной психологии и, соответственно, разработкой новых технологий воздействия на массовое и элитарное сознание. Время больших текстов осталось в прошлом.

Тем не менее существует и преемственность между идеологическими конструктами прошлого века и нынешнего. И сегодня актуально выделение следующих характеристик идеологии: это ориентация на побуждение к действию и мобилизация в целом, формирование базовых представлений о власти и обществе, внешняя логичность (Manheim, 2015; Thompson, 2023; Mullins, 1972). Сохраняется также ключевая функция государственной идеологии – легитимация государственной власти и институтов государства в целом как одной из высших ценностей человеческого общежития.

Объектом рассмотрения в данной статье выступают сложные идеологические процессы в Таджикистане. Внимание к этому постсоветскому государству определено целым рядом причин, важнейшей из которых является соседство с Афганистаном, в котором радикальные исламистские течения и движения традиционно находили почву и поддержку. Кроме того, проблема наркотрафика также обуславливает перманентность попыток заинтересованных сил обеспечить их проникновение на территорию Таджикистана. Это определяет не только востребованность защиты государственности страны от инфильтрации вооруженных формирований и вовлечения граждан страны в ряды зарубежных исламистских движений, но также необходимость пресечения коренных причин деструктивных воздействий на идеологическом уровне.

Хотя в Конституции Таджикистана с 2003 г. имеется норма, которая гласит: *«Идеология ни одной партии, общественного объединения, религиозной организации, движения или группы не может быть признана как государственная»*, в Таджикистане де-факто создана и активно продвигается государственная идеология. В этом Таджикистан не отличается ни от Узбекистана, ни от Казахстана, ни от многих других государств мира. Государственные идеологии существуют в США, России, Китае, Индии... Они отличаются методами продвижения, стилистикой, историческим орнаментом. Государственная идеология США, активно и эффективно продвигаемая во всем мире, уникальна, так как будучи светской, она в то же время имеет мессианский характер.

В Таджикистане, как и в других государствах Центральной Азии, государственная идеология задается прежде всего идеями, сформулированными в выступлениях, статьях, книгах президента страны.

Существенным компонентом идеологии является обращение к национальной истории. В странах-членах Европейского союза в историографическую моду вошло разрушение «национального романа». Этим термином обозначают сложившееся историческое повествование о пути становления и

развития нации и государства в таких странах, как Франция, Германия, Италия. Возможно лучше без с другой стороны: Необходимость формирования общеевропейского, точнее общесовского сознания, а также стремительное укрепление нового регионализма стимулировали отказ от привычного движения «от Хлодвиг до наших дней» (если взять в качестве примера и модели французскую историографию). На постсоветском пространстве конституируют именно то, что в западноевропейской историографии стали называть «национальным романом». Эти по сути новые национальные варианты истории служат концептуальной основой при написании школьных и вузовских учебников. Внедрение идеологических конструктов через систему образования осуществляется повсеместно. В этой ситуации исключительно важно как для самих народов бывших советских республик, так и для нас, их соседей, чтобы научная составляющая не уничтожалась идеологической индоктринацией.

Создание нации и сохранение ее идентичности – процессы, поддерживаемые, стимулируемые и контролируемые государством, порой тактично, но нередко и достаточно топорно. Конструирование «национальных романов» в новых государствах стало повсеместной практикой.

Государственная идеология в странах Центральной Азии строится отнюдь не по одной модели. Это связано не только с особенностями актуального политического процесса, но и со спецификой истории каждого из народов, обитающих в этом регионе. Персоязычные народы, к которым относятся и таджики, – очень древние обитатели этих широт. Ключевыми моментами официального видения истории выступают арийское происхождение таджиков, зороастризм, роль Исмоила Сомони как создателя первого таджикского государства, ислам в интерпретации ханафитского мазхаба. Фигура Исмоила Сомони, вне всякого сомнения, в настоящее время служит символом единства таджикской нации. В ходе опроса о личностях, изображение которых должно присутствовать на национальных банкнотах, 65% респондентов высказались за И. Сомони¹. Национальная традиция представляет период царствования Исмоила Сомони как благословенное время мирного сосуществования его подданных разных вероисповеданий: мусульман и зороастрийцев, христиан и иудеев, а также как время военного могущества и окончательного утверждения мусульманства среди таджиков. В 2003 г. республика широко отметила при поддержке ЮНЕСКО трехтысячелетнюю годовщину появления зороастризма. К юбилею был опубликован труд, в котором первая глава под названием *«Таджикистан – родина Заратустры, первого пророка справедливости»* написана Э. Рахмоном.

Специфика каждодневной борьбы за умы и души в Таджикистане связана в значительной степени с наследием гражданской войны 1992–1997 гг., а также в определенной степени с присущим таджикам ощущением исторической несправедливости по отношению к ним на протяжении многих веков.

¹ Pachkov V. (2020) L'islam au Tadjikistan. *Choisir*, 28 October. Available at: <https://www.choisir.ch/politique-economie/politique-internationale/item/3936-l-asie-centrale-et-la-religion> (accessed 20 February 2024).

Гражданская война была обусловлена не только регионально-клановым противостоянием, но и идеологическим размежеванием. Влияние эгалитаристской марксистско-ленинской идеологии, казалось бы, не могло не оставить свой след в сознании всех граждан Таджикистана. Однако в постсоветский период выяснилось, что ценностные ориентации СССР в большей степени укоренились в сознании жителей Худжанта (Ленинабада) и Куляба, чем Гарма. И, что еще важнее, ориентация на эту идеологию осуществлялась для многих только в условиях постоянного контроля со стороны партийных и правоохранительных органов, тогда как при их деградации советские идеологические постулаты были быстро отброшены, а надежды на социальную справедливость стали связывать с утверждением норм шариата. Кроме того, даже в советский период атеистическое мировоззрение в Таджикистане, несмотря на системное партийно-государственное воздействие на умы местного населения, оказалось поверхностным.

Ислам и в советское время занимал устойчивое место в жизни таджиков и узбеков. Конечно, среди интеллигенции и парторботников были и убежденные атеисты. Но в большинстве своем жители республики – таджики и узбеки – остались мусульманами. Ни простые люди, ни номенклатурные работники, ни интеллигенция в подавляющем большинстве не читали Коран, но продолжали верить в Аллаха, почитать его пророка Мухаммеда и соблюдать тайно или явно обряды, прежде всего связанные с рождением ребенка и уходом из жизни.

Оказывали определенное воздействие и подпольные религиозные школы. По утверждению столь информированного человека, как председатель Верховного совета Таджикистана в 1991–1992 гг. Сафарали Кенджаев, Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ)* стала формироваться за 15 лет до начала трагических событий рубежа 1980–90 гг. прошлого века в виде подпольных кружков по изучению ислама (Кенджаев, 1996).

В конце же 1980-х – начале 1990-х гг. в Таджикистане после снятия цензурных ограничений начали массово печатать книги религиозного содержания. Издавались переводы Корана на таджикский язык, хадисы, толкования к Корану, биографии Мухаммада, учебная литература с упрощенным изложением основных догм ислама. Эта литература стала доступна не только интеллигенции в Душанбе, но и по всей стране, включая горные кишлаки. Тогда же в 1988 г. молодой философ Мирбобо Миррахимов в статье, привлечшей к себе большое внимание в среде таджикской интеллигенции, предложил отказаться от кириллицы и вернуться к арабской графике. К счастью, этого не произошло, так как данный шаг послужил бы отрыву Таджикистана от русскоязычного интеллектуального и информационного пространства, к отказу от огромного пласта написанной на кириллице таджикской научной, образовательной и художественной литературы.

Во время гражданской войны Куляб и Худжент (Ленинабад), ставшие центрами сопротивления господству ПИВТ*, выступали не против ислама, а против подчинения всей политической и повседневной жизни нормам шариата.

Сторонники Народного фронта выступали за сохранение светского государства, их идеологи отстаивали приоритет Конституции и законов, защищали принцип выборности исполнительной и законодательной власти в лице президента и Верховного совета. В ответ на обвинения в атеизме Эмомали Рахмонов утверждал, что *«несмотря на противоречия и зигзаги духовного развития, наш народ всегда оставался и остается в мире исламской цивилизации»* (Рахмонов, 1997: 9).

Сегодня идеологическое противостояние, яростно проявившееся на рубеже 1980–1990 гг., продолжается, хотя, конечно, в трансформированном виде. Главное – идеологические различия сохраняются как определенная данность существования нации.

Подавляющее большинство граждан Таджикистана сегодня – это верующие люди, мусульмане. Ислам исповедует порядка 99% населения. В республике действуют более трех с половиной тысяч мечетей и 19 официально разрешенных медресе. И ислам усиливает свои позиции в стране.

Идеологическая дифференциация среди граждан Таджикистана основана на их различии в отношении к государству и к соблюдению норм шариата. И с этой точки зрения можно выделить четыре группы граждан.

К первой следует отнести сторонников нынешней власти в республике. Их более или менее устраивает текущее положение дел, они опасаются перемен, так как перемены могут лишить их имеющегося достатка. Государственная идеология, как содержащая в себе оправдание и обоснование сложившегося *status quo*, их вполне устраивает, они разделяют ее основные положения и постулаты. Ислам для них важен, но они его воспринимают прежде всего в его ритуальных проявлениях. Впрочем, в этой категории граждан имеются и глубоко верующие люди. Ханафитский мазхаб, пожалуй, как никакой другой дает обоснование необходимости и неизбежности действующей системы власти.

К этой же группе относится и часть мулл и имамов. Со всей определенностью об этом написал сотрудник Центра стратегических исследований при Президенте Таджикистана Абдулло Рахнамо. По его мнению, во всех странах Центральной Азии имеется институт официального духовенства, который *«является органической частью политических режимов, одним из важнейших механизмов и инструментов реализации государственной политики в области религии»* (Социальная специфика развития..., 2009: 187). Государство стремится к сохранению в республике доминирования традиционного для данного региона ханафитского мазхаба. Еще в марте 2009 года ханафия получила в Таджикистане статус официального религиозного направления; был принят соответствующий закон. Министр культуры Таджикистана Мирзошоҳрух Асрори в связи с этим решением парламента заявил, что закон был необходим в связи с появлением в обществе *«религиозного радикализма, нигилизма и некоторых чуждых для народа течений в исламе»*. Был проведен год Имоми Азама – основоположника ханафитской ветви суннитского течения ислама.

Руководство Таджикистана постоянно находится в поиске оптимальных методов направления умонастроений населения в нужное русло, стремясь при этом не допустить радикализации сознания, прежде всего у возрастающей по численности молодежи. В целях распространения «правильного ислама» в средних общеобразовательных школах Таджикистана в 2009–2010 гг. был введен предмет «Познание ислама» и подготовлен учебник по этому предмету. Но позже этот предмет из программы общеобразовательных школ был изъят в пользу увеличения объема преподавания истории таджикского народа, в рамках которой изучается и история ислама. Учебная литература и даже пропагандистские материалы в Таджикистане в значительной степени базируются на фундаментальном труде академика Б. Гафурова «Таджики», а также в определенной степени на трудах дореволюционных и советских/российских востоковедов: В. Бартольда, М. Андреева, И. Брагинского.

Ко второй группе граждан относятся сторонники твердого следования нормам шариата. Нынешний режим они воспринимают как антиисламский, его сторонники враждебно относятся к Западу, а Россию и Китай они обвиняют в поддержке режима Эмомали Рахмона и его семьи. К этой же группе следует отнести граждан типа лидера запрещенной в Таджикистане Партии исламского возрождения* Мухеддина Кабири. Не разделяя радикальных установок, он и его соратники сотрудничают с джихадистами по тактическим соображениям.

Третья группа отличается определенной разнородностью, но характеризуется двумя свойствами, позволяющими вычленить эту группу – неприятием радикального ислама и пассивно отрицательным отношением к порядкам, установившимся в Таджикистане. Часть этих людей испытывают симпатию к Западу и при первой возможности готовы покинуть страну в пользу Европы или США. Они полагают, что именно страны Запады помогают избавиться республике от застарелых болезней – коррупции, nepотизма, местничества. Однако при этом недооценивается формирование у молодежи Таджикистана под влиянием Запада потребительской психологии, на фундаменте которой возникает преклонение перед Западом и готовность следовать его политическим рекомендациям. Что же касается таджикской идентичности, то она превращается в этнографическую форму, не влияющую на поступки индивидуума.

Таджикское западничество вовсе не обязательно сопровождается антироссийскими настроениями.

К третьей группе часто относятся выходцы из семей, переехавших из Бухары и Самарканда и образующих сообщество горожан в нескольких поколениях. Именно в этой группе лучше всего знают русский язык и в целом ратуют за развитие отношений с Российской Федерацией, так как считают, что углубление сотрудничества с Россией идет на пользу Таджикистану. Среди лиц старшего поколения этой группы многие ностальгируют по СССР. Их предки очень многое сделали для становления и развития Таджикской ССР. И теперь им больно наблюдать, как уничтожается наследие прошлого, фактически их

семейное наследие. Эти люди с тихим негодованием говорят об уничтожении здания Театра имени В. Маяковского (того самого здания, в котором было провозглашено создание Союзной Республики Таджикистан), о планируемом разрушении других исторических зданий в центре Душанбе.

Выходцы из Бухары и Самарканда сохраняют определенную обособленность, так как представители других кланово-региональных объединений считают их обузбеченными и даже используют в их адрес слово «мангыты», по названию узбекского племени, захватившего Бухару и давшего родовое имя последней династии бухарских эмиров. К третьей группе тяготеет и значительная часть памирцев, в том числе те из них, кто придерживается исмаилизма, особого направления в исламе, более близкого к шиизму, чем к суннизму.

Большая часть лиц третьей группы придерживаются евразийской ориентации, но представителям этой группы далеко не всегда удается передать своим детям и внукам эти идейные установки.

Тем не менее в настоящее время среди интеллигенции Таджикистана немало людей с евразийским типом мировоззрения. У них имеется понимание того, что Россия в прошлом сделала очень много для развития таджиков как нации, и это произошло главным образом в годы существования СССР. По мнению члена Президиума ЦК Компартии Таджикистана Т. Рахмонова: *«Только с установлением социалистического политического строя таджикская нация начала формироваться как самостоятельная и равноправная. Было создано ее новое национальное государство после многовековой трагедии его отсутствия... Именно в советский период произошел кардинальный революционный переворот во всех сферах таджикского общества. Шаг за шагом преодолевалась многовековая всеобщая неграмотность населения, начали восстанавливаться бывшие великие интеллектуальные возможности народа»* (Социальная специфика развития..., 2009: 87).

Четвертая категория наиболее многочисленна. В ее мировоззрении могут присутствовать элементы идей и пристрастий всех трех вышеуказанных групп. В зависимости от ситуации они могут поддерживать политические устремления представителей второй группы, могут и далее пассивно поддерживать действующий режим и его новые инкарнации.

Государственная идеология продвигается силами государственного аппарата, включая всю систему образования, подконтрольную профильному министерству. В школах республики ведется преподавание истории по книгам, которые, по сути, закладывают основы государственной идеологии. Это книги, которые подробно описывают все годы правления Эмомали Рахмона. Периоду 1992–1995 гг. посвящена книга «Эмомали Рахмонов – спаситель нации», периоду 1996–1999 – книга «Эмомали Рахмонов – основоположник мира и национального единства», более поздним годам – книги «Эмомали Рахмонов – начало этапа созидания» (2000–2003), «Эмомали Рахмонов – год, равный векам» (2004), «Эмомали Рахмонов: год культуры мира» (2005), «Эмомали Рахмонов: год арийской цивилизации» (2006).

Многие стереотипы идеологии, продвигаемой режимом президента Эмомали Рахмона (Рахмонова), усвоены населением и во многом отвечают его настроениям. Неизбежные на данный момент националистические установки присутствуют как в государственной идеологии, так и в мировоззрении разных слоев таджикского населения. Проявляются эти акценты не только в постоянном возвеличивании истории и культуры таджиков, но и в антитюркских настроениях. Дают они о себе знать и в образовательном процессе. В учебном пособии по истории таджикской журналистики встречается такой пассаж: «*Причиной падения и отставания в политической, экономической и культурных областях Средней Азии было мангытское нашествие*», и далее совсем откровенно: «*...Период правления узбеков был временем начала варварства и упадка Средней Азии*»². Член Президиума ЦК Компартии Таджикистана Т. Рахмонов, выступая в январе 2009 г. на Международной конференции, посвященной социальной специфике развития политической культуры в Центральной Азии, говорил: «*Самым неблагоприятным, застойным, исторически мрачным и длительным периодом в процессе формирования политической культуры таджиков как составного компонента общенациональной культуры является период конца X – начала XX века. В пределах этого периода таджикская нация находилась в условиях жесткой дискриминации и постоянного давления со стороны властей, последовательно сменявших друг друга*» (Социальная специфика развития..., 2009: 85–86).

Сохранение мира в стране, недопущение антиправительственных выступлений, развитие общенационального самосознания – задачи государственной идеологии. Она же противостоит догматам радикального ислама. Решение этих сложных задач требует периодического обновления содержательных интерпретаций.

Важный фактор внутренней политики в Таджикистане – соседство с Афганистаном. Протяженность гористой афгано-таджикской границы (1350 км) является «головной болью» для Душанбе. Сложность ее охраны приводит к тому, что боевики ИГИЛ* и «Джамаат Ансарулла» порой безнаказанно пересекают границу. Очевидно, что ИГИЛ* будет уделять все больше внимания пропаганде и формированию «спящих ячеек», способных осуществлять террористические атаки. Не исключено, что находящимся под прессом талибов узбекским и таджикским боевикам – выходцам из Таджикистана более импонирует именно ИГИЛ* с его глобальной идеей всемирного халифата (а не в значительной степени пуштунское движение «Талибан», в повестку дня которого Центральная Азия не входит).

Приход талибов к власти в Афганистане, с одной стороны – угроза стабильности в Таджикистане, с другой – повод отбросить внутренние противоречия для консолидации нации перед лицом этой угрозы. Опытный политик

² См. *История таджикской журналистики* (2021) Учебно-методическое пособие для студентов – направление подготовки «Журналистика». Душанбе, РТСУ. С. 49.

Эмомали Рахмон оценил значение и того, и другого. Его не смутило то, что его конфронтационный тон выступлений в отношении талибов контрастирует с выступлениями лидеров России, Китая и Узбекистана.

В настоящее время Рахмон оказался в сложной ситуации. К нему идут обращения со стороны афганских таджиков о помощи. Они нуждаются в оружии, боеприпасах, продовольствии, финансовых ресурсах, лечении раненых и больных. При этом Таджикистан не собирается идти на прямую конфронтацию с «Талибаном». У него нет ни военных, ни финансовых ресурсов для ведения масштабных боевых действий, как нет их и для системной, значимой поддержки антиталибского движения в Афганистане. К тому же Таджикистан заинтересован в развитии экономических связей с южным соседом. В Афганистан, например, идут поставки электроэнергии, накопился большой долг за нее, и талибы небольшими порциями начали этот долг возвращать. В свете указанных фактов можно предположить, что, действуя чуть более рискованно, чем соседи, таджикское руководство рассчитывает добавить себе популярности и внутри страны, и на международном уровне. И этого Э. Рахмон уже в определенной степени добился.

Выступления президента Таджикистана находят отклик и понимание не только у его последовательных сторонников – его позиция по Афганистану отвечает национальным чувствам многих таджиков из всех групп населения.

Для сегодняшнего Таджикистана характерна регионально-клановая система построения государства, об опасности которой писал и говорил выдающийся государственный деятель, неустрашимый борец за соблюдение законов и Конституции Сафарали Кенджаев (см. Кенджаев, 1996: 151–152, 158).

Коррупционированность правящего класса, давняя несменяемость первого лица, нищета массовых групп населения вызывают в республике, с одной стороны, ощущение безысходности и желание уехать из нее, с другой – чувство протеста. Альтернативу видят в соблюдении норм шариата, в создании исламской республики или халифата. В Таджикистане имеются как сторонники ИГИЛ*, так и «Хизб ут-Тахрир»*. Исламистские настроения находят отклик в молодежной среде, включая студенчество.

Есть нити, которые связывают лиц второй выделенной нами группы с гражданами республики, которые отправились в Сирийскую Арабскую Республику, Ирак и Афганистан, где они примкнули к террористическим исламистским организациям. Среди таких граждан Таджикистана есть лица как таджикской, так и узбекской национальности. Всего с 2012 года в зоны конфликтов на Ближнем Востоке выехали не менее 1500 граждан республики (без учета женщин и детей). Считается, что приблизительно 700 боевиков были убиты. Таджики в Сирии в основном входят в группировку «Хаят Тахрир аш-Шам»*. Граждане Таджикистана узбекской национальности входят в группировки «Катибат Имам аль-Бухари» и «Катибат аль-Таухид валь Джихад».

Большую известность приобрел бывший командир таджикского ОМО-На, полковник Гулмурод Халимов, проходивший спецподготовку в США и бежавший в Сирию для того, чтобы сражаться на стороне ИГИЛ*, в котором он

стал министром войны. Известно, что к нему уехали его вторая жена и четверо детей. Старший сын этого полевого командира, Бехруз Халимов, был снят с авиарейса Душанбе – Москва. Его обвинили в попытке уехать в Сирию к отцу и приговорили к 10 годам тюрьмы. В мае 2019 года он был убит в ходе бунта заключенных в тюрьме Вахдата. Сам Гулмурод, согласно информации МВД Таджикистана, был убит во время бомбежки³. Важнее всего и трагичнее всего то, что Гулмурод Халимов превратился для части таджикской молодежи в образец для подражания. Он – шахид, а шахидов в обществах подобного типа принято почитать.

Последняя (известная) неудавшаяся попытка нескольких десятков граждан Таджикистана выехать в Сирию была предпринята в январе 2018 г. Такие попытки, по-видимому, прекратились в 2019 г., когда активизировались призывы руководства ИГИЛ* к «финансовому джихаду», к отказу от поездок в зону конфликта и к более активному участию в финансировании деятельности ИГИЛ⁴.

Трудовые мигранты из Таджикистана, находящиеся в Российской Федерации и Казахстане, подвергаются пропаганде через Интернет и являются объектами вербовки со стороны исламистских группировок. В пропагандистских материалах таджиков призывают не только собирать средства на нужды ИГИЛ*, но и создавать подпольные ячейки. Страшной трагедией закончилась вербовка от лица ИГИЛ* таджиков, совершивших чудовищный теракт в «Крокус сити холле» 22 марта 2024 года.

В целом за последние несколько лет в республике были арестованы и осуждены по обвинению в терроризме более 1000 человек. 17 организаций были объявлены экстремистскими и террористическими, в том числе ИГИЛ*, «Аль-Каида»*, «Братья-мусульмане»*, Партия исламского возрождения Таджикистана*.

Обеспокоенность руководства Таджикистана приходом к власти в Афганистане талибов обусловлена в том числе фактом наличия в их среде порядка 100 уроженцев республики, которые выступали в качестве военных инструкторов и экспертов-взрывотехников.

На севере Афганистана таджикские боевики сотрудничали с организованными преступными сетями, занимающимися незаконной транспортировкой наркотиков через афгано-таджикскую границу, используя эти маршруты также для инфильтрации боевиков в Центральную Азию. В составе афганского крыла ИГИЛ* насчитывалось около 200 боевиков из Центральной Азии, возглавляемых гражданином Таджикистана Сайвалы Шафиевым, также известным как «Мауавия».

³ *Sputnik Таджикистан* (2020) Гулмурод Халимов убит – МВД Таджикистана подтвердило официально. 3 августа. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/20200803/mid-tajikistan-gulmurod-halimov-ubit-syria-1031673435.html> (accessed 20 May 2024).

⁴ Исаев Б. (2019) За пять лет в Кыргызстане в три раза выросло количество осужденных за экстремизм и терроризм. *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*, 21 октября. Available at: <https://cabar.asia/ru/za-pyat-let-v-kyrgyzstane-v-tri-raza-vyroslo-kolichestvo-osuzhdennyh-za-ekstremizm-i-terrorizm/> (accessed 20 May 2024).

Определенную роль в Таджикистане до своего запрета в 2015 году играла Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ)*. Партия имела ячейки и активистов практически во всем Таджикистане, даже в районе Куляба, оплоте в прошлом Народного фронта и родине президента страны. Мировоззренческие установки лидеров Партии исламского возрождения Таджикистана* с момента ее выхода на политическую арену претерпели существенную эволюцию. Вплоть до 2015 г. партия была встроена в систему государственной власти. Соответственно, ее представители получали посты в государственном аппарате, включая должности заместителей министров, руководителей некоторых структур, командиров воинских частей. До 2015 г. на парламентских выборах партия набирала достаточное количество голосов для того, чтобы ее представители проходили в высший законодательный орган страны. Занимавшие высокие посты члены ПИВТ в соответствии со сложившейся в Таджикистане практикой имели возможность обогащаться.

С большой уверенностью можно предположить, что запрет Партии исламского возрождения*, арест и осуждение членов ее руководства, уход ее активистов и сторонников в подполье вновь радикализировал их настроения, и произошел отход от тех идей, которые в конце своей жизни продвигал исторический лидер ПИВТ* Абдулло Нури и которые ранее излагал М. Кабири. Сам Мухиддин Кабири признавал: *«После 2015 года мы потеряли привлекательность для молодежи, которой хотелось видеть в оппозиции нечто более радикальное... Поэтому "Исламское государство" и другие радикальные группировки стали более привлекательными для части таджикской молодежи. В итоге тысячи молодых таджиков уехали на "джихад"...»*⁵.

Арабская весна, проявившаяся в том числе в массовом выходе на политическую арену исламистов, не могла не вызвать обеспокоенность в странах Центральной Азии и особенно в Таджикистане, Узбекистане, Казахстане. Схожесть социально-экономических проблем, определенная типологическая близость светских режимов в Тунисе, Египте, Сирии с режимом Эмомали Рахмона в Таджикистане или Нурсултана Назарбаева в Казахстане были очевидны. Появление и быстрое усиление Исламского государства еще больше вселяло тревогу. Тем более, что ИГИЛ* (ДАИШ на арабском) выступал под знаменами панисламизма. Известно, что после официального объявления в июне 2014 г. о создании халифата лидер джихадистов Абу Бакр аль-Багдади, объявивший себя халифом, выпустил видео, в котором всем мусульманам приказывал подчиняться ему. После провозглашения государства группировка, ранее известная как «Исламское государство Ирака и Леванта»*, отбросила географическую привязку в своем названии, а некоторые ее иностранные сторонники объявили, что не нуждаются в гражданстве, и публично разорвали или сожгли свои паспорта. Приток граждан Таджикистана

⁵ Серенко А. (2021) Россия уступила Китаю инициативу в Таджикистане и Центральной Азии. *Независимая газета*, 11 января. Available at: https://www.ng.ru/world/2021-01-11/100_2101111200.html (accessed 23 May 2024)

в ДАИШ* шел постоянно. Ехали и молодые люди из числа сторонников Партии исламского возрождения*. Руководство Таджикистана вынуждено было пойти на жесткие меры.

Правительство Таджикистана предпринимает настойчивые усилия для возвращения своих граждан из зон конфликта. В 2022 г. из Сирии и Ирака удалось вернуть более 400 граждан, в основном женщин и детей. Также в целях предотвращения присоединения молодых людей к экстремистским организациям более пяти тысяч таджикских студентов возвращено на Родину из зарубежных религиозных образовательных учреждений⁶. К отказавшимся от экстремистской деятельности боевикам применяются профилактические меры. Граждане Таджикистана из числа боевиков, которые добровольно вернулись в республику и покаяться, были амнистированы в соответствии со статьей 401 Уголовного кодекса РТ. Они зарегистрированы в полиции и находятся под постоянным наблюдением. Кроме того, правительству Таджикистана удалось репатриировать из Сирии значительную группу детей и подростков в возрасте от полутора до 18 лет. Однако в Ираке 43 гражданки Таджикистана осуждены на различные тюремные сроки за содействие ИГИЛ*.

Архаизация сознания части граждан Таджикистана делает их подверженными влиянию энергичных, уверенных в себе людей, имеющих самые различные цели – от банального обогащения за счет доверчивости и склонности к предрассудкам многих простых людей⁷ до вовлечения в исламистские террористические организации.

Сложность ситуации в Таджикистане усугубляется еще тем, что образование во многих сельских школах носит поверхностный характер. Дети, особенно девочки, ради помощи семье вынуждены рано бросать учебу. В итоге, по свидетельствам воевавших на стороне ИГИЛ*, опытные вербовщики за короткое время способны привлечь на сторону джихадистов молодых и необразованных таджиков.

Повышение уровня школьного и вузовского образования, распространение знания русского языка – это магистральные пути по противодействию усилению исламизма в Таджикистане; и первое, и второе отвечает долгосрочным интересам как Таджикистана, так и России. В борьбе против распространения идей радикального ислама Россия и Республика Таджикистан являются союзниками. Совпадают интересы наших стран и в вопросах трудовой миграции. Вследствие сложной демографической ситуации – низкой рождаемости и высокой смертности особенно среди мужчин трудоспособного возраста – Россия сегодня и на обозримую перспективу нуждается

⁶ Ховар (2022) Таджикистан вернул 5000 студентов из-за рубежа с целью неприсоединения к террористическим и экстремистским группировкам. 18 октября. Available at: <https://khovartj.rus/2022/10/tadzhikistan-ver-nul-5000-studentov-iz-za-rubezha-s-tselyu-nepri-soedineniya-k-terroristicheskim-i-ekstremistskim-grup-pirovkom/> (accessed 20 May 2024).

⁷ См. Тищенко М. (2013) В Таджикистане в последние годы участились случаи знахарства и колдовства со стороны лиц, объявляющих себя муллами. *Лента*, 18 ноября. Available at: <https://lenta.ru/articles/2013/11/18/tajik/> (accessed 20 May 2024).

в притоке рабочей силы из-за рубежа. В свою очередь Таджикистан не может обеспечить рабочими местами все свое быстро растущее население. Социокультурные и религиозные различия не должны становиться непреодолимым препятствием на пути экономического развития. Правящим классам и элитам двух стран предстоит большая работа по созданию новых ценностных ориентиров. Общая задача состоит в том, чтобы мы знали, понимали и уважали друг друга, чтобы россияне и таджики (как и выходцы из других стран Центральной Азии) исходили из того, что у нас есть общий дом – Евразия. И этот общий дом наследует Российской империи и Советскому Союзу, подобно тому, как Европейский союз наследует империи Карла Великого, Римской республике и Римской империи.

Список литературы:

1. Кенджаев С. (1996) *Переворот в Таджикистане. Душанбе*. Книга первая. Перевод с таджикского М. Сайфиддинова. 272 с.
2. Олимова С., Олимов М. (2007) Правительство упорядочивает традиции, обычаи и обряды. *Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов* №73, май – июнь.
3. Рахмонов Э. (1997) *Таджикистан на пороге будущего*. Москва.
4. *Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии* (2009) Москва.
5. Manheim K. (2015) *Ideologie und Utopie*. Einteilung von J.Kaube. Klostermann RoteReihe. 302 S.
6. Mullins W.A. (1972) On the Concept of Ideology in Political Science. *American Political Science Review* 66(2): 498–510. DOI: 10.2307/1957794.
7. Thompson J.B. (2023) *Studies in the Theory of Ideology*. Univ. of California Press. 356 p.

Comparative Politics. Volume 16. No. 1. January–March / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-1-16-3

IDEOLOGIES AND MINDSETS IN TAJIKISTAN

Dr. Evgeny M. KOZHOKIN –Professor, Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities; Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Chief Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-1419-6695. E-mail: kozhokin@yandex.ru

6 Miusskaya Ploshchad, Moscow, 125047; 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received July 16, 2024

Accepted April 24, 2025

Abstract: The struggle against Russia unleashed by the West is becoming more widespread. Attempts are also being made to annihilate the co-operative relations that Russia has with the countries of the Eurasian region. In this connection, the study of ideological attitudes and mindsets in the countries of Central Asia, in particular Tajikistan, which has especially close ties with Moscow, is relevant. At the same time, Tajikistan is highly vulnerable to external influence. A particular danger for the republic is posed by the structures of ISIS*, which are actually waging an ideological and psychological war against this secular state. Of all the Central Asian states, Tajikistan has the highest percentage of young people, and it is young people who are most susceptible to radical ideas. The heterogeneity of citizens' mindsets is the focus of the article, and four types of attitudes are identified. The ongoing and relentless struggle for the minds of the citizens of this republic is analysed. Understanding the specificity of the moods of the population of Tajikistan is not only a scientific but also a political imperative. This is due to the fact that the stability and prosperity of this Central Asian country is in Russia's national interests.

Keywords: ideology, Tajikistan, Tajiks, Islam, mentality, civil war

References:

1. Kendzhaev S. (1996) *Perevorot v Tadzhikestane [Coup d'état in Tajikistan]*. Dushanbe. Book One. Translated from Tajik by M. Saifiddinov. 272 p. (In Russian).
2. Mannheim K. (2015) *Ideologie und Utopie*. Enteilung von J. Kaube. Klostermann RoteReihe. 302 S.
3. Mullins W.A. (1972) On the Concept of Ideology in Political Science. *American Political Science Review* 66(2): 498–510. DOI: 10.2307/1957794.
4. Olimova S., Olimov M. (2007) Pravitel'stvo Uporyadochivaet Tradicii, Obychai i Obryady [The Government Is Streamlining Traditions, Customs and Rituals]. *Byulleten' Seti Etnologicheskogo Monitoringa i Rannego Preduprezhdeniya Konfliktov [Bulletin of the Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention Network]*. No. 73, May-June. (In Russian).
5. Rahmon E. (1997) *Tadzhikestan na Poroge Budushchego [Tajikistan on the Threshold of the Future]*. Moscow. (In Russian).
6. *Social'naya specifika razvitiya politicheskoy kul'tury v Central'noj Azii [Social Specificity of Political Culture Development in Central Asia]* (2009) Moscow. (In Russian).
7. Thompson J.B. (2023) *Studies in the Theory of Ideology*. Univ. of California Press. 356 p.

ИНТЕГРАЦИЯ НОВЫХ АФРИКАНСКИХ ЧЛЕНОВ В БРИКС: ПРИМЕР НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Андрей УФИМЦЕВ
Институт Африки РАН, НИУ ВШЭ

Софья ЗАМЕСИНА
Институт Африки РАН

Аннотация: В статье изучается интеграция новых африканских членов БРИКС в научно-образовательное сотрудничество объединения. Несмотря на значительную критику, связанную с ограниченным объемом научных коллабораций между странами БРИКС, институт предлагает постоянно растущее число форматов взаимодействия в сфере научно-технологического и образовательного сотрудничества. Для корректной оценки необходимы анализ и систематизация форматов сотрудничества внутри объединения, среди которых создание общей исследовательской инфраструктуры, организация научных конференций, регулярные встречи на уровне глав министерств. Более того, их развитие соответствует целеполаганию института, поскольку о появлении этих форматов было декларировано в Меморандуме о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций 2015 г. В связи с изучением развития сотрудничества внутри объединения развитие сотрудничества в области науки и образования в БРИКС вопрос о том, как новые члены БРИКС интегрируются в существующие форматы. Чтобы дать соответствующую оценку, изучено развитие науки и образования, а также проанализированы государственные стратегические документы двух новых членов: Египта и Эфиопии. Между этими странами существует значительный разрыв в уровне экономического развития, развития науки и технологий и базовых показателей грамотности, вследствие чего как вызовы, так и возможности, стоящие перед Египтом и Эфиопией, различаются. Эти дисбалансы представляют риски для интенсификации сотрудничества внутри международного института, поскольку экономические возможности новых африканских стран-членов могут ограничивать их способность принимать участие в форматах научно-образовательного сотрудничества. Так, Египет присоединился к Меморандуму о взаимопонимании по созданию Сетевого университета БРИКС 2015 г., участвовал во встрече министров образования и встрече Рабочей группы БРИКС по исследовательским инфраструктурам и проектам класса *MegaScience*.

Андрей Алексеевич Уфимцев – младший научный сотрудник, Центр изучения африканской стратегии БРИКС, Институт Африки РАН; стажер-исследователь, Институт анализа предприятий и рынков, НИУ ВШЭ. 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д.30/1; 101000, г. Москва, Мясницкая ул., д. 18, стр. 1.
ORCID: 0000-0002-4870-4360. E-mail: aufimtsev@hse.ru

Софья Николаевна Замесина – старший лаборант, Центр изучения африканской стратегии БРИКС, Институт Африки РАН. 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д.30/1.
ORCID: 0009-0002-1736-521X. E-mail: sofya.zamesina@mail.ru

Поступила в редакцию: 17.09.2024

Принята к печати: 28.02.2025

Благодарность. Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках научного проекта № FMZE-2024-0003 «БРИКС и Африка: перспективы расширения и потенциал развития российско-африканского стратегического сотрудничества».

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Эфиопия, напротив, не участвовала в этих встречах. Это указывает на риски усиления неравенства внутри объединения, что осознается странами-участницами: в 2025 г. многие бедные и небольшие страны, желающие участвовать в работе БРИКС, получили вместо статуса члена статус страны-партнера. Несмотря на широкий спектр форматов сотрудничества и их расширение, различия в уровне экономического и научно-технологического развития новых африканских членов создают вызовы для их полноценной интеграции. Этот разрыв подчеркивает необходимость адаптации механизмов БРИКС для обеспечения инклюзивности и устойчивости научного партнерства.

Ключевые слова: БРИКС, Египет, Эфиопия, образовательная политика, научная политика, расширение БРИКС, институционализация, научная дипломатия, образовательное сотрудничество

Введение

С момента появления объединения в 2008 г. число членов БРИК/БРИКС неоднократно менялось. Впервые расширение БРИК состоялось в 2010 г., когда к клубу стран присоединилась ЮАР, и он стал называться БРИКС. Второе расширение произошло 1 января 2024 г., когда в институт вступили еще четыре страны (Иран, ОАЭ, Египет и Эфиопия), а третье – 1 января 2025 г., когда к объединению присоединилась Индонезия. Тогда же в рамках БРИКС была введена новая категория – страны-партнеры, к которой на данный момент относятся девять государств, дополняющие состав из десяти основных членов¹.

С 2008 г. значительно изменилось не только число участников, но и качество сотрудничества внутри объединения. В начале 2010-х гг. БРИК – это клуб стран, представители которых встречались в рамках саммитов для обсуждения глобальных вызовов. С тех пор участники БРИКС значительно нарастили возможности для сотрудничества, организуя не только саммиты, но и регулярные министерские встречи и иные форматы взаимодействия. Одним из наиболее серьезных шагов в институционализации клуба развивающихся стран является создание Нового банка развития (НБР). По состоянию на февраль 2025 г. НБР выдал кредиты объемом около 33 млрд долл².

Институционализация БРИКС не ограничивается финансовой сферой. Одним из направлений кооперации является сотрудничество в сфере науки и образования. Сегодня объединение не только проводит встречи на уровне профильных министров и рабочих групп, но и развивает форматы Сетевого университета БРИКС (СУ БРИКС) и *BRICS GRIN*³, которые обеспечивают долгосрочное взаимодействие вузов на основе действующих соглашений.

¹ *Emirates News Agency* (2024) Nine countries to become BRICS partners in 2025. 24 December. Available at: <https://www.wam.ae/article/14a9u41-nine-countries-become-brics-partners-2025> (accessed 15 February 2025).

² New Development Bank (n.d.) Available at: <https://www.ndb.int/> (accessed 15 February 2025).

³ *BRICS GRIN (Global Research Advanced Infrastructure Network)* – международная платформа, созданная для координации и совместного использования исследовательской инфраструктуры стран БРИКС.

Интенсивность сотрудничества в сфере науки и образования обусловлена тем, что такое взаимодействие носит взаимовыгодный характер и не требует значительных уступок и компромиссов. В отличие от торговых или оборонительных альянсов, где распределение выгод может быть асимметричным, сопровождаться сложными переговорами и потенциально ухудшать отношения с третьими странами, научно-образовательное партнерство основано на обмене знаниями и ресурсами и не предполагает серьезных политических издержек. Кроме того, взаимодействие в сфере науки может использоваться правительствами стран-участниц для расширения и углубления сотрудничества в иных сферах, что доказывает опыт других организаций. Например, Европейский научный фонд (*ESF*) организует ряд программ, в рамках которых требуется участие ученых как минимум из трех стран Европейского союза, что должно способствовать укреплению сотрудничества и взаимопонимания между странами-членами ЕС (Sonnenwald, 2007: 652).

Однако по мере интенсификации взаимодействия появляется задача интеграции новых членов в уже устоявшиеся структуры. В отличие от ситуации пятнадцатилетней давности, страны, вступающие в БРИКС сегодня, присоединяются не просто к институту-клубу, а к полноценной международной структуре с установленными механизмами взаимодействия. Египет и Эфиопия вступили в объединение с уже сложившейся системой научного и образовательного сотрудничества: университетской лигой, регулярными встречами профильных министров и различными действующими инициативами и соглашениями. Авторами поставлена цель выявить первые результаты и определить перспективы интеграции новых африканских членов в научно-образовательное пространство спустя год после их вступления в БРИКС.

Обзор литературы

Существует немало исследований, посвященных научно-образовательному сотрудничеству внутри БРИКС, значительное число которых проведено с опорой на библиометрический анализ. Этот подход заключается в количественной оценке научной деятельности через анализ статистики публикаций, цитирований, соавторства и других метрик. Он позволяет выявить структуру и динамику международных научных коллабораций, оценить вклад отдельных исследователей, стран и организаций, а также определить наиболее продуктивные направления исследований.

Первые исследования научного сотрудничества между странами БРИКС содержали преимущественно критические оценки, а уровень взаимодействия государств-членов характеризовался как низкий (Finardi, 2015; Kahn, 2015), несмотря на то, что сами страны являются достаточно значимыми с точки зрения их публикационных метрик (Rensburg, Motala & David, 2015). Основным партнером по публикациям для многих стран БРИКС оставались Соединенные Штаты (Sokolov, Shashnov & Kotsemir, 2021). Это отражало не только инерцию в научной среде, но и предпочтения самих исследователей,

которые, согласно опросу, проведенному И. Ренсбургом и соавторами, не рассматривали страны БРИКС как наиболее подходящие для научной коллаборации (Rensburg, Motala & David, 2016). Исключением из этой тенденции является Китай, который в силу большого объема проводимых исследований и статуса глобальной научной «сверхдержавы» входил в топ научных коллабораций у многих стран-членов БРИКС (Shashnov & Kotsemir, 2018). Во многом это связано также с различной специализацией стран БРИКС, что несколько затрудняет научную кооперацию: Россия имеет сравнительное лидерство в точных науках и физике, Бразилия – в медицине и сельскохозяйственных науках, а ЮАР – в социальных и гуманитарных науках (Sokolov, Shashnov & Kotsemir, 2021). Другим фактором, который показывает разрыв между странами, являются разные возможности финансирования сектора. В то время как доля расходов на НИОКР в ВВП у Китая и ОАЭ увеличивается довольно быстро, у остальных стран заметна тенденция к ее сокращению, что влияет на скорость развития научной сферы (Силаев, Тукумбетова & Улизко, 2024: 8).

Более того, не прояснена в полной мере взаимосвязь углубления академического сотрудничества с так называемым «эффектом БРИКС»: в БРИКС входят многие страны-лидеры в мировой науке, и трудно оценить, в какой степени академическое сотрудничество между ними может быть объяснено фактом членства в этом объединении (Finardi, 2015). И хотя декомпозиция «эффекта БРИКС» является затруднительной, можно выявить механизмы, которые могли бы потенциально стимулировать развитие академических коллабораций внутри БРИКС.

Как правило, работы, в которых изучаются такие механизмы, содержат наиболее оптимистичные оценки деятельности объединения. Несмотря на относительно скромные объемы публикационных коллабораций в 2020-ые гг., можно говорить о перспективах развития отдельных форматов научно-образовательного сотрудничества и его интенсификации в будущем. К таким форматам можно отнести, например, Сетевой университет БРИКС, который может использоваться в качестве «образовательной платформы инновационного сотрудничества» (Черников, 2021: 85).

Эти механизмы, лежащие в основе научно-образовательного сотрудничества в рамках БРИКС, связаны преимущественно с эффектом от членства в объединении, а не с другими причинами международной научной коллаборации.

В статье будут рассмотрены данные форматы и возможности интеграции в них африканских стран – новых членов БРИКС. Методология исследования основана на систематизации и анализе документов, регламентирующих научно-образовательное сотрудничество внутри БРИКС и последующем качественном анализе государственных политик новых африканских стран-участниц БРИКС в сфере науки, технологий и образования, включая сравнение ключевых показателей экономического и социального развития Египта и Эфиопии.

Анализ научно-образовательной политики БРИКС

Впервые о необходимости сотрудничества в области науки между странами БРИКС (тогда еще БРИК) сказано в Совместном заявлении по итогам первого саммита в 2009 г. В 11-й статье этого документа было выражено «*намерение продвигать сотрудничество стран БРИКС в области науки и образования, в том числе в целях проведения фундаментальных исследований и разработки передовых технологий*»⁴. Следующим этапом взаимодействия стало совместное заявление, выпущенное по итогам бизнес-форума в городе Санья в 2011 г.⁵ В документе были обозначены приоритетные направления научно-технологического сотрудничества. С того времени взаимодействие между странами-участницами существенно расширилось: от политических деклараций стороны перешли к сотрудничеству, направленному на формирование устойчивых механизмов взаимодействия, включающих регулярные встречи на уровне министров, руководителей университетов, а также совместную деятельность отдельных ученых.

Рамочным документом, в котором сформулированы цели объединения в сфере научно-образовательного взаимодействия, является Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций, составленный на первой встрече профильных министров БРИКС в 2015 г.⁶

В соответствии с ключевыми целями, изложенными в Меморандуме о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций, определены основные форматы сотрудничества: создание общей исследовательской инфраструктуры, организация научных конференций, регулярные встречи на уровне глав министерств, а также создание международных лабораторий и других механизмов сотрудничества (см. Табл. 1).

⁴ *Wayback Machine* (2009) | BRIC Summit Joint Statement. Available at: <https://web.archive.org/web/20090623085113/http://www.kremlin.ru/eng/text/docs/2009/06/217963.shtml> (accessed 20 February 2025).

⁵ *BRICS Information Centre* (2011) Sanya Declaration. Available at: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/110414-lead-ers.html> (accessed 11 August 2024).

⁶ *Аналитический центр МНИОП* (2019) Memorandum of Understanding on Cooperation in Science, Technology and Innovation between the Governments of the Federative Republic of Brazil, the Russian Federation, the Republic of India, the People's Republic of China and the Republic of South Africa. Available at: <https://mniop.ru/wp-content/uploads/2019/11/Memorandum-o-sotrudnichestve-i-vzaimoponimanii-v-sfere-nauki-tehnologii---i-innovatsii---.pdf> (accessed 10 August 2024).

Табл. 1. Текущие форматы научно-технологического и образовательного сотрудничества стран БРИКС⁷
Table 1. Current formats of S&T and educational cooperation among the BRICS countries

Цель, закреплённая в Меморандуме	Формат, который соответствует цели	Реализация в БРИКС
Содействие совместным научным исследованиям и проектам в различных областях науки и технологий	Создание рабочих групп	Рабочая группа по научно-технологическому партнерству в сфере инноваций и предпринимательства (2015), Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций (2015), Рабочая группа по информационно-коммуникационным технологиям и высокопроизводительным вычислениям (2016), Рабочая группа БРИКС по исследовательским инфраструктурам и проектам класса мегасайенс (2017), Уфимская (2015), Кейптаунская (2018), Московская (2020), Пекинская (2022), Казанская (2024) и др. декларации, Декларации по итогам встреч министров науки, технологий и инноваций
Содействие развитию стартапов и малых инновационных компаний через совместные проекты и финансирование		
Создание и реализация совместных стратегий и политик в области науки и технологий, которые помогут странам БРИКС эффективно реагировать на глобальные вызовы и использовать возможности для развития	Межправительственные соглашения и Меморандумы о сотрудничестве	
Поддержка разработки и внедрения новых технологий, которые могут способствовать экономическому и социальному развитию стран БРИКС	Создание общей исследовательской инфраструктуры	Центр трансфера технологий стран БРИКС (2019), BRICS GRAIN, Интегрированный центр инновационного сотрудничества стран БРИКС (2020),
Организация обмена знаниями, опытом и технологиями между странами-членами для повышения уровня квалификации научных работников и инженеров	Регулярное проведение научных конференций, симпозиумов и семинаров; Участие стран в международных форумах и выставках	Академический форум БРИКС (2009), Форум молодых ученых стран БРИКС (2016), Семинар по взаимному признанию квалификаций (2023), встречи руководителей геологических служб стран БРИКС (2024), встречи министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС (2024)
Создание и поддержка совместных исследовательских лабораторий и центров, которые будут работать над общими проектами и инициативами	Создание международных исследовательских центров и лабораторий	Центр исследований и разработок вакцин стран БРИКС (2022), Объединенный комитет БРИКС по космическому сотрудничеству (2022)

⁷ Составлено авторами на основе Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций.

Поощрение взаимодействия и партнерства между университетами, научными институтами и другими образовательными и исследовательскими организациями стран БРИКС	Создание стипендиальных программ и программ мобильности студентов	Академический форум БРИКС (2009), Образовательные стажировки Сетевого университета БРИКС (2016), Международная программа экологического и климатического мониторинга для студентов стран-членов БРИКС (2024), Сотрудничество между отдельными университетами стран БРИКС
---	---	---

Таким образом, БРИКС следует целям Меморандума, постоянно расширяя число форматов образовательного сотрудничества. Из планируемых форм кооперации можно выделить взаимное признание и развитие онлайн-образования, создание собственных рейтингов университетов, принятие соглашений о признании квалификаций.

Особое внимание в рамках сотрудничества уделено внедрению инноваций в области образования. Развитие онлайн-образования в странах БРИКС ускорилось в период пандемии *COVID-19*, когда возможности традиционных образовательных форматов оказались ограничены (Masalimova, Orekhovskaya, Pivovarov, Borovikova, Zhirkova & Chauzova, 2024: 2). На седьмой встрече министров связи в октябре 2021 г. подробно рассмотрена роль технологий и ИКТ в период пандемии. В Декларации по итогам встречи стороны договорились стремиться использовать цифровые и технологические решения⁸.

Для поддержки сотрудничества в области цифровизации образования в 2022 г. принята Рамочная программа партнерства стран БРИКС в области цифровой экономики⁹. Программа опирается на Стратегию экономического партнерства БРИКС до 2025 г., в которой содержится призыв к странам-членам углубить сотрудничество в рамках Партнерства по новой промышленной революции (*PartNIR*). В соответствии с Рамочной программой создана Рабочая группа по цифровой экономике, которая поставила перед собой задачу повысить цифровые возможности стран БРИКС за счет развертывания цифровой инфраструктуры, инноваций и развития навыков в этой области. Так, большое внимание уделялось разработке инструментов анализа данных, а также законодательной базе по регулированию цифровых платформ на международном уровне, что поможет расширить взаимодействие стран-участниц в области цифровизации¹⁰.

⁸ *BRICS India 2021* (2021) Declaration of the 7th BRICS Communications Ministers' Meeting. Available at: <https://brics2021.gov.in/brics/public/uploads/docpdf/getdocu-65.pdf> (accessed 20 February 2025).

⁹ *Министерство экономического развития Российской Федерации* (б.д.) BRICS Digital Economy Partnership Framework (Final). Available at: <https://economy.gov.ru/material/file/f27728237d888e78716ed5e2630101be/BRICS%20Digital%20Economy%20Partnership%20Framework.pdf> (accessed 25 February 2025).

¹⁰ *CADE* (2024) BRICS in the Digital Economy. Competition Policy in Practice. 1st Report by the Competition Authorities Working Group on Digital Economy. Available at: <https://cdn.cade.gov.br/Portal/centrais-de-conteudo/publicacoes/brics-in-the-digital-economy/brics-digital-economy-cade.pdf> (accessed 24 March 2025).

Поддержку научным и образовательным проектам стран БРИКС могут оказывать также другие органы объединения. Например, Новый банк развития (НБР), деятельность которого направлена на поддержку устойчивого развития и строительства инфраструктуры¹¹. Последнее может включать возведение зданий школ и университетов: банк уже осуществлял финансирование строительства школ и детских садов в одном из бразильских муниципалитетов.¹² Для развития проектов НТИ создана Рабочая группа (РГ БРИКС), которая разрабатывает новый механизм поддержки научно-исследовательских проектов. Участниками этой РГ БРИКС являются представители стран БРИКС из организаций и профильных министерств по финансированию науки, а также представители иных организаций, занимающихся развитием этой сферы в странах-участницах. В 2022 г. состоялось организованное Российским фондом фундаментальных исследований заседание Рабочей группы для обсуждения флагманских проектов БРИКС в области НТИ¹³. Однако деятельность Рабочей группы ограничена финансированием исследовательских проектов и научных работ. Остальные области сотрудничества в сфере НТИ финансируются за счет отдельных структур в странах блока, таких как Национальный совет по научно-техническому развитию Бразилии, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере России, Департамент науки и инноваций ЮАР, министерства науки и технологий Китая и Индии и другие. Однако, несмотря на существование большого числа форматов взаимодействия и совместных инициатив, объем научной кооперации между учеными из стран БРИКС по-прежнему остается ограниченным. Так, среди китайских авторов с пятью и более зарубежными аффилиациями число ученых с одновременной аффилиацией в Китае и ЮАР значительно уступает числу публикаций с китайско-ирландской или китайско-ливийской аффилиацией, несмотря на сравнительно меньшие масштабы деятельности последних стран (Силаев, Тукумбетова & Улизко, 2024: 10). Это может быть связано со множеством причин, среди которых сохраняющееся лидерство университетов из США и стран Европы¹⁴, высокая распространенность английского языка в этих странах и его доступность для исследователей (Pustelnikovaite, 2020:790), высокий уровень жизни в развитых странах и т.д.

Таким образом, к 2025 г. в рамках БРИКС действуют различные форматы взаимодействия, которые соответствуют целям и принципам Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций. Однако эффективность этих форматов по многим индикаторам, например, по числу научных

¹¹ *New Development Bank* (n.d.) Available at: <https://www.ndb.int/> (accessed 15 August 2024).

¹² *New Development Bank* (n.d.) Teresina Educational Infrastructure Program. Available at: <https://www.ndb.int/project/brazil-teresina-educational-infrastructure-program/> (accessed 25 February 2025).

¹³ *Российский центр научной информации* (2022) Концепция флагманских проектов НТИ БРИКС. 29 июня. Available at: https://www.rfbr.ru/press-center/news_events/4566/ (accessed 12 August 2024).

¹⁴ В Академическом рейтинге университетов мира (Шанхайский рейтинг) за 2025 г. лучшие 10 университетов мира находятся в США и Великобритании.

коллабораций, является ограниченной, и задача объединения на перспективу – улучшение этих показателей. Присоединение новых членов к БРИКС может менять форматы сотрудничества по мере того, как новые страны вступают в научно-образовательное партнерство с государствами-основателями БРИКС.

Страновой анализ: Египет

Египет является одним из ведущих центров науки и образования в арабском мире. Неслучайно представители элит многих стран Ближнего Востока получали образование именно в Египте: в середине XX в. египетские университеты играли важную роль в формировании образовательного ландшафта в регионе. Среди выпускников – первые министры иностранных дел, юстиции и образования ОАЭ¹⁵, а также министры финансов, труда и торговли Саудовской Аравии¹⁶. Однако по мере того, как монархии Персидского залива накапливали капитал за счет нефтяных доходов и активно вкладывали его в развитие высшего образования, они не только «догнали», но и превзошли Египет в этой сфере (Тюкаева, 2016: 152). В Шанхайском «Академическом рейтинге мировых университетов» за 2024 г. Каирский университет, который считается ведущим университетом Египта, уступает саудовским Университету короля Сауда, Университету короля Абдель Азиза и Университету короля Абдуллы¹⁷.

Несмотря на утрату лидерства в ближневосточном регионе, высшее образование в Египте продолжает развиваться. Согласно данным министра высшего образования Египта Аймана Ашура, в 2022 г. в стране функционировало 92 университета¹⁸. В них обучалось около 3,3 млн студентов¹⁹. При этом доступность высшего образования в Египте постоянно растет: в 2014 г. в Египте было 50 университетов, в которых обучалось 2,3 млн студентов²⁰.

¹⁵ Речь об Ахмеди бин Халифе Аль Суэйди, Абдуллахе Умране Тарьяме и Султане бин Мухаммаде Аль Касими соответственно.

¹⁶ Речь о Мохаммеде бин Али Абу Аль Хайле, Абдуррахмане бин Абдуллахе Абу Аль Хайле и Сулеймане бин Абдальазизе ас-Салиме.

¹⁷ *Shanghai Ranking* (2024) 2024 Academic Ranking of World Universities. Available at: <https://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2024> (accessed 10 August 2024).

¹⁸ *Youm 7* (2023) 28 public, 27 private, and 12 private universities... university education institutions in Egypt in numbers. 25 August. Available at: <https://www.youm7.com/story/2023/8/25/28-%D8%AC%D8%A7%D9%85%D8%B9%D8%A9-%D8%AD%D9%83%D9%88%D9%85%D9%8A%D8%A9-%D9%8827-%D8%AE%D8%A7%D8%B5%D8%A9-%D9%8812-%D8%A3%D9%87%D9%84%D9%8A%D8%A9-%D9%85%D8%A4%D8%B3%D8%B3%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B9%D9%84%D9%8A%D9%85-%D8%A7%D9%84%D8%AC%D8%A7%D9%85%D8%B9%D9%89/6281443> (accessed 10 August 2024).

¹⁹ *Statista* (2022) Total number of students enrolled in higher education in Egypt from 2009 to 2022. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1193251/number-of-students-in-higher-education-in-egypt/> (accessed 13 August 2024).

²⁰ *Al-Ahram English* (2023) Higher education in Egypt: Major changes. 1 September. Available at: <https://english.ahram.org.eg/NewsContentP/50/507449/AlAhram-Weekly/Higher-education-in-Egypt-Major-changes.aspx> (accessed 7 April 2022).

Будущее развития египетской системы образования определяется в документе «Видение 2030: Национальная повестка дня в области устойчивого развития», в котором сформулированы ключевые приоритеты развития страны. Обновленная в 2023 г. версия включает несколько наиболее важных направлений, одним из которых является развитие экономики знаний, основанной на инновациях, исследованиях и разработках²¹. Эта цель активно используется организациями различных уровней для планирования собственного развития. Например, стратегия интернационализации Каирского университета путем создания международных филиалов пользуется поддержкой властей в соответствии с целями «Видения 2030»²².

Все приоритеты развития, сформулированные в рамках «Видения 2030», направлены на повышение эффективности науки и образования и на привлечение дополнительных ресурсов в университетскую систему²³. Низкая эффективность образования, связанная с устаревшим содержанием программ и их несоответствием потребностям рынка труда, приводит к проблемам трудоустройства молодых выпускников. Молодежная безработица представляется существенной проблемой, которая, с одной стороны, приводит к снижению экономической активности, а с другой, – является существенным дестабилизирующим фактором (Sawyer, 2022: 131–132). Кроме того, существует проблема коммерциализации инноваций, которая препятствует построению экономики знаний (Radwan & Sakr, 2017: 206–208). Так, два опроса, проведенные в 2009 г. и 2013 г., показывали, что большинство египетских фирм не будут сотрудничать в области исследований и разработок с местными университетами и исследовательскими институтами²⁴. Недостаток связи между научными исследованиями и промышленностью, а также слабое внедрение результатов исследований в бизнес-процессы замедляют развитие технологического сектора.

Другая важная проблема – ограниченное финансирование египетской науки. Доля расходов на НИОКР в 2022 г. составила 1,02% от ВВП. Это выше, чем у стран с сопоставимым уровнем дохода (0,56% в 2019 г.), однако существенно ниже среднемировых показателей (2,62% в 2021 г.)²⁵. Возможности финансирования ограничены несколькими факторами. Несовершенство правовой и институциональной среды создает дополнительные барьеры для

²¹ Ministry of Planning and Economic Development (2023) The National Agenda for Sustainable Development. Egypt's Updated Vision 2030. Available at: https://mped.gov.eg/Files/Egypt_Vision_2030_EnglishDigitalUse.pdf (accessed 10 August 2024).

²² International Branch of Cairo University website (n.d.) About University. Available at: <https://ibcu.cu.edu.eg/About> (accessed 10 August 2024).

²³ Ministry of Planning and Economic Development (2023) The National Agenda for Sustainable Development. Egypt's Updated Vision 2030. Available at: https://mped.gov.eg/Files/Egypt_Vision_2030_EnglishDigitalUse.pdf (accessed 10 August 2024).

²⁴ UNESCWA (n.d.) ANALYTICAL VIEW OF NATIONAL STI SYSTEM. Available at: https://archive.unescwa.org/sites/www.unescwa.org/files/page_attachments/egypt_science_technology_and_innovation_landscape_analysis_0.pdf (accessed 8 August 2024).

²⁵ World Bank Group (n.d.) Research and development expenditure (% of GDP) – Egypt, Arab Rep. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?locations=EG> (accessed 9 August 2024).

частных инвесторов, что сокращает приток капитала в образовательный сектор. В 2020 г. Египет занял 114-е место из 190 стран в Индексе легкости ведения бизнеса²⁶, а в 2023 г. занял 86-е место из 132 стран в Глобальном индексе инноваций²⁷. Государство сталкивается с большим дефицитом государственного бюджета, который составил в 2023/2024 финансовом году 505 млрд египетских фунтов (около 10,6 млрд руб. по курсу на 30.06.2024)²⁸.

Интернационализация образования способствует: как росту эффективности образования за счет сотрудничества с более передовыми центрами, так и решению проблемы финансирования высшего образования, так как значительную часть издержек берут на себя иностранные контрагенты. Примером такого сотрудничества является работа Немецкого университета в Каире (*GUC*), открытого в 2003 г. Университет был создан при поддержке федерального правительства Германии и немецких университетов²⁹, что, с одной стороны, обеспечило значительную методологическую поддержку университету, а с другой, – переложило часть затрат на немецкую сторону. Похожий статус имеют и другие иностранные университеты.

Египет поддерживает партнерские отношения как с государствами региона, так и с ведущими странами БРИКС и Запада, что отражает внешнеполитический курс страны на многовекторность. Этот подход предоставляет стране значительные преимущества, сравнимые с теми, которые нейтральные государства получают в сфере торговли. В условиях обострения экономического соперничества Китай, продвигая инициативу *Made in China 2025*, стремится снизить зависимость от иностранных технологий, а США вводят протекционистские меры против китайских товаров. В этой ситуации третьи страны играют роль связующих звеньев между блоками, поддерживая торговлю и инвестиции. Это помогает им не только способствовать устойчивости мировой экономики, но и сохранять гибкость в развитии цепочек поставок³⁰. Похожим образом работает многовекторность и в образовательной сфере: Египет активно интернационализирует свое высшее образование, извлекая выгоду из сотрудничества как с БРИКС, так и с западными странами. Так, в 2018 г. в Новой административной столице Египта был открыт Канадский университет, а Университет Галяля основан при поддержке американского Университета штата Аризона. Это показывает, что, хотя партнерство

²⁶ *World Bank Group* (2020) Doing Business 2020. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/75ea67f9-4bcb-5766-ada6-6963a992d64c/content> (accessed 9 August 2024).

²⁷ *World Intellectual Property Organization* (2023) Global Innovation Index 2023: Innovation in the face of uncertainty. Available at: <https://tind.wipo.int/record/48220?v=pdf> (accessed 9 August 2024).

²⁸ *State Information Service* (2024) Egypt's Budget Initial Jumps to EGP 857 Billion in FY23-24: Finance Minister. 17 July. Available at: <https://www.sis.gov.eg/Story/193717/Egypt%E2%80%99s-Budget-Initial-Jumps-to-EGP-857-Billion-in-FY23-24-Finance-Minister?lang=en-us> (accessed 15 August 2024).

²⁹ *German University in Cairo* (n.d.) About GUC. Available at: https://www.guc.edu.eg/en/about_guc/ (accessed: 13 August 2024).

³⁰ Gopinath G., Gourinchas P.-O., Presbitero A., Topalova P. (2024) Changing Global Linkages: A New Cold War? *IMF Working Papers*. 5 April. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/Changing-Global-Linkages-A-New-Cold-War-547357> (accessed 10 August 2024).

в рамках БРИКС является важным вектором, Египет не ограничивает свое сотрудничество только с этой группой стран, стремясь к диверсификации внешних связей.

Страновой анализ: Эфиопия

В Эфиопии, в отличие от Египта, университеты появились значительно позже. Первый из них – Аддис-Абебский – основан лишь в 1950-х гг. В последующие два десятилетия были открыты несколько колледжей и Политехнический институт, созданный при содействии Советского Союза (Bishaw & Melesse, 2017: 32). Более поздняя модернизация в сравнении с Египтом привела к существенному разрыву между этими странами в области науки и образования (см. Табл. 2).

В связи с принятием Новой дорожной карты в сфере образования в 2018 г. произошло расширение начального образования, вследствие чего валовой коэффициент зачисления в среднюю школу увеличился с 23% в 2011–2012 уч.г. до 46% в 2021–2022 уч.г. Почти 4 млн учеников были зачислены в средние школы, что потребовало дополнительного финансирования школьного образования. Это привело к необходимости перераспределения средств от высшего образования к общему образованию³¹.

Эфиопия – быстроразвивающаяся страна. За последние 10 лет она демонстрировала темпы экономического роста в среднем на 9,4% в год, что является одним из самых высоких показателей в мире³². Этот рост способствовал развитию сектора высшего образования: число университетов выросло с 8 в 2002 г. до 46 в 2023 г.³³ Однако, несмотря на расширение доступа к получению образования, страна по-прежнему сталкивается с такими препятствиями, как слабая развитость исследовательской инфраструктуры, недостаточная подготовка преподавательского состава и недофинансирование научной сферы³⁴.

³¹ Teferra T., Asgedom A., Oumer J., W/hanna T., Dalelo A., Assefa B. (2018) Ethiopian Education Development Roadmap (2018–2030). *Planipolis – UNESCO*. July. Available at: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/resources/ethiopia_education_development_roadmap_2018-2030.pdf (accessed 10 August 2024).

³² *World Bank* (n.d.) The World Bank in Ethiopia. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/ethiopia/overview> (accessed: 13 August 2024).

³³ Tamrat W. (2022) Greater autonomy in public sector will affect private HE. *University World News*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/364478500> (accessed 10 August 2024).

³⁴ *UNICEF* (2022) Education Investments in Challenging Times (2021–2022). Available at: <https://www.unicef.org/ethiopia/media/7041/file/National%20education%20budget.pdf> (accessed 10 August 2024).

В отчете министерства образования Эфиопии отмечается, что научные интересы зачастую строятся из личных предпочтений ученых и не отвечают национальным нуждам. Это может быть связано с недостаточными финансированием научной сферы и фокусом правительства на повышение компетенций преподавателей³⁵.

Низкое качество образовательных программ приводит к росту молодежной безработицы, поскольку навыки молодых выпускников не соответствуют потребностям рынка труда. Наблюдаются существенные различия в уровне качества образовательных услуг между государственными университетами и растущим числом частных коммерческих образовательных учреждений, значительная часть которых не в полной мере соответствует академическим стандартам³⁶.

До недавнего времени в приоритеты государственной политики не входили процессы интернационализации. В некоторых документах прописывались отдельные меры в этой области, направленные на решение внутренних проблем. Так, согласно Третьей программе развития сектора образования, найм иностранных сотрудников позиционируется как решение проблемы нехватки преподавательского состава для управления программами последипломного образования³⁷. Политика интернационализации высшего образования была введена в июне 2020 г., тем самым правительство поставило задачу интеграции международного опыта в систему высшего образования с целью повышения его качества.

Китай продемонстрировал наибольшую активность в поддержке данной инициативы. Усиление образовательного сотрудничества между двумя странами можно объяснить тем, что КНР в настоящее время является основным торговым и инвестиционным партнером Эфиопии благодаря реализации проекта «Пояс и путь». В рамках этого сотрудничества Китай предоставляет эфиопским студентам стипендии и программы академической мобильности. Так, в 2018 г. правительство КНР выделило более 1450 стипендий для граждан Эфиопии, большинство из которых предназначались для краткосрочного профессионального обучения³⁸.

Государственный министр труда и профессиональных навыков Эфиопии Тэщале Бэрэча отметил, что Эфиопия стремится углубить сотрудничество с Китаем в сфере профессионального и технического образования, чтобы

³⁵ Teferra T., Asgedom A., Oumer J., W/hanna T., Dalelo A., Assefa B. (2018) Ethiopian Education Development Roadmap (2018–2030). *Planipolis – UNESCO*. July. Available at: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/resources/ethiopia_education_development_roadmap_2018-2030.pdf (accessed 10 August 2024).

³⁶ Tamrat W. (2022) Greater autonomy in public sector will affect private HE. *University World News*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/364478500> (accessed 10 August 2024).

³⁷ *Planipolis – UNESCO* (2005) Education Sector Development Program III (ESDP III) 2005/2006 – 2010/2011 (1998 EFY – 2002 EFY). Available at: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/ressources/ethiopia_education_plan_august_2005.pdf (accessed 20 March 2025).

³⁸ *CGTN* (2018) Chinese gov't provides more than 1,450 scholarships to Ethiopians in 2018. 28 August. Available at: <https://news.cgtn.com/news/3d3d674d34557a4e79457a6333566d54/index.html> (accessed 15 August 2024).

развить потенциал человеческих ресурсов и сформировать квалифицированную рабочую силу, способную эффективно реагировать на постоянно изменяющиеся запросы мирового рынка труда³⁹.

Таким образом, система высшего образования Эфиопии находится на начальном этапе интеграции межкультурных и международных компонентов в образовательные процессы. Несмотря на то, что часть университетов уже заключила партнерские соглашения в рамках отдельных направлений интернационализации, актуальной остается задача достижения существенно прогресса для интеграции в глобальное научно-образовательное сообщество (Admasu & Desta, 2021: 154). Например, Эфиопия имеет давние связи с США вследствие миграции эфиопского населения в период Дерга⁴⁰ и формирования одной из самых крупных диаспор в Соединенных Штатах⁴¹. Сейчас США по-прежнему предоставляют стипендиальные и исследовательские программы для эфиопских студентов, например, Программу Фулбрайта, Стипендию Хамфра⁴².

Среди текущего образовательного взаимодействия выделяется сотрудничество с ЮАР, поскольку Университет Южной Африки – это единственный иностранный вуз, имеющий филиал в Эфиопии. Непосредственно с ним сотрудничают Аддис-Абебский университет науки и технологий и Университет Аддис-Абебы. В 2022 г. эти три университета подписали Меморандум о взаимопонимании⁴³.

Таким образом, Эфиопия сотрудничает со странами БРИКС и продолжает расширять интеграцию в научно-образовательной сфере. В настоящее время активность Эфиопии в большей степени проявляется в студенческих и преподавательских обменах, так как в стране слабо развита исследовательская инфраструктура. В процессе интернационализации образовательной среды Эфиопия может извлечь выгоду из участия в совместных образовательных программах БРИКС, а также привлечь дополнительное финансирование сектора.

³⁹ *Xinhua* (2023) Interview: Educational partnership crucial to China-Ethiopia BRI cooperation, official says. 26 October. Available at: <https://english.news.cn/20231026/87d2aeb860e94bb8826023b2d8760706/c.html> (accessed 15 August 2024).

⁴⁰ Период Дерга (*Derg*) – это время военного правления, начавшееся со свержения императора Хайле Селассие I в 1974 году и закончившееся созданием Народно-Демократической Республики Эфиопия в 1987 году.

⁴¹ *Migration Policy Institute* (2014) The Ethiopian diaspora in the United States. RAD Diaspora Profile. July. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/RAD-Ethiopia.pdf> (accessed 17 August 2024).

⁴² U.S. Embassy in Ethiopia (n.d.) Education & Culture. Available at: <https://et.usembassy.gov/education-culture/> (accessed 15 August 2024).

⁴³ *Trends and Africa* (2022) Ethiopian and South African Universities to strengthen collaborations. Available at: <https://trendsnafrica.com/ethiopian-and-south-african-universities-to-strengthen-collaborations/> (accessed 16 August 2024).

Интеграция в БРИКС

Между Египтом и Эфиопией существует заметное различие в уровне развития, подтверждаемое множеством индикаторов. ВВП на душу населения в Египте выше в 6,1 раза, расходы на НИОКР – в 9,1 раза, а средняя продолжительность обучения в Египте дольше на 3,7 года (см. Табл. 2). При этом доля образования в ВВП обеих стран практически одинакова. Более того, в период с 2006 г. по 2015 г., за который доступны данные для обеих стран, Эфиопия опережала Египет по этому показателю. Например, в 2015 г. доля ВВП, направленная на образование в Эфиопии, составляла 5,15%, в то время как в Египте этот показатель был на уровне 3,93%. Такое распределение ресурсов связано с приоритетностью развития школьного образования в Эфиопии. Уровень грамотности населения в этой стране составляет всего 51,8%, а средняя продолжительность обучения не превышает 7,8 лет. Отмечается высокий уровень досрочного завершения образования: 20% детей, поступив в первый класс, прерывают учебу до окончания учебного года⁴⁴. Все это указывает на слабость образовательной системы страны. Показатели публикационной активности Египта и позиции египетских университетов в мировых рейтингах сопоставимы с индикаторами таких стран, как Иран, Бразилия и ЮАР. Эфиопия же является первым членом БРИКС из числа наименее развитых стран (НРС)⁴⁵.

⁴⁴ Vasiliev K., Feda K., Gerasimova J. (2022) Learning Poverty in Ethiopia: Status, Key Factors, and Priority Reduction Strategies. *World Bank Group*. Available at: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099615106172213756/p175041057b9d4030b6750d69c1f352e2e> (accessed 12 August 2024).

⁴⁵ *UN Trade and Development* (n.d.) UN list of least developed countries. Available at: https://unctad.org/topic/least-developed-countries/list?__cf_chl_tk=r3hBjFLDHO.IEXis3vluJV0GNC9LhUsXFUvRk1h-5gao-1725764317-0.0.1.1-4906 (accessed 14 August 2024).

⁴⁶ Составлено авторами на основе данных ВОИС, Всемирного Банка, *Scopus*, *ARWU*.

Табл. 2. Показатели, влияющие на развитие образования в Египте и Эфиопии⁴⁶
Table 2. Indicators affecting the development of education in Egypt and Ethiopia

Показатель	Египет	Эфиопия
ВВП на душу населения (По ППС, в текущих ценах)	\$18,8 тыс. (2023 г.)	\$3,1 тыс. (2023 г.)
Уровень грамотности	74,5% (2022 г.)	51,8% (2017 г.)
Средняя продолжительность обучения	11,5 лет (2017 г.)	7,8 лет (2017 г.)
Доля расходов на НИОКР (в % от ВВП)	1,02% (2022 г.)	0,27% (2017 г.)
Доля расходов на образование (в % от ВВП)	3,93% (2015 г.)	3,73% (2023 г.)
Индекс защиты интеллектуальной собственности (место из 132 стран)	86 (2023 г.)	125 (2023 г.)
Легкость ведения бизнеса (место из 190 стран)	114 (2020 г.)	159 (2020 г.)
Общее число университетов	92 (2023 г.)	46 (2023 г.)
Число университетов в Шанхайском рейтинге	8 (2024 г.)	1 (2024 г.)
Число публикаций в <i>Scopus</i>	460 940 (по состоянию на 1.09.2024)	78 553 (по состоянию на 1.09.2024)

Такой разрыв определяет возможности для кооперации, а также специфику сотрудничества. Египет официально выделяет в качестве приоритета строительство экономики знаний и потому активно реализует активную стратегию интернационализации высшего образования. В Эфиопии при сопоставимой доле образования в ВВП доля НИОКР в ВВП в четыре раза меньше, что свидетельствует о приоритетном развитии среднего образования в целях устранения характерных для наименее развитых стран проблем: низкого качества среднего образования и высокой неграмотности населения.

С одной стороны, включение Эфиопии в БРИКС открывает дополнительные перспективы для получения международной поддержки и укрепления научной инфраструктуры, что может помочь стране ускорить модернизацию своей образовательной системы и преодолеть существующие вызовы в этой области. Благодаря участию в БРИКС Эфиопия может интенсифицировать уже развитое сотрудничество с КНР и ЮАР.

С другой стороны, Эфиопия – первая и пока единственная НРС в составе БРИКС, что определяет ее роль в научно-образовательном сотрудничестве в рамках института. В настоящее время НРС имеют ограниченные возможности участия в научных и студенческих обменах, а также создания и поддержания инфраструктуры для НИОКР, что может усложнять установление партнерских отношений на равных условиях с ведущими развивающимися странами. В этом отношении перспективы расширения могут создавать риски для будущего сотрудничества между членами объединения, в том числе в области науки и образования. Сегодня страны БРИКС обсуждают возможности взаимного признания документов об образовании, однако принятие

в состав объединения новых НРС может подрывать усилия по признанию квалификаций. Возможно, стоит убрать эти два предложения. Они не раскрывают тезис⁴⁷. Общий низкий уровень качества высшего образования может препятствовать усилению сотрудничества внутри объединения, поскольку более развитые страны будут отказываться признавать документы, выпущенные университетами наименее развитых стран.

Этот пример показывает, что включение в состав БРИКС стран со значительным разрывом в уровне развития может привести к рискам для интенсификации сотрудничества. Первый из них касается подрыва идеологии равенства, которую декларирует объединение, поскольку в действительности члены БРИКС имеют различный уровень экономического развития и влияния на мировую экономику⁴⁸. Второй риск касается падения популярности и авторитета международного института в связи с ростом неравенства между его участниками.

Наблюдение за первым годом членства Египта и Эфиопии в БРИКС скорее подтверждает существующие предположения. Египет полноценно принимает участие во всех форматах научно-образовательного сотрудничества: страна присоединилась к Меморандуму о взаимопонимании по созданию Сетевого университета БРИКС 2015 г.⁴⁹, участвовала во встрече министров образования и встрече Рабочей группы БРИКС по исследовательским инфраструктурам и проектам класса *MegaScience* в июле 2024 г.⁵⁰ Эфиопия, по данным информационного портала БРИКС, не участвовала в этих встречах⁵¹. Кроме того, в преамбуле декларации министров образования, где упоминается присоединение Эфиопии к Сетевому университету БРИКС, эфиопская сторона отсутствует как среди участников встречи, так и среди подписантов декларации.

⁴⁷ *Supreme Council of Universities website* (n.d.) دول من منها الممنوحة العلمية الدرجات معادلة في النظر يتم التي الجامعات (Universities that are considered for the equivalence of academic degrees granted by countries). Available at: https://archive.scu.eg/pages/neutralization_univ (accessed 13 August 2024).

⁴⁸ Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия (2022) XIV BRICS Summit Beijing Declaration. Available at: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/635a/6df2/6272/6945/fa56/0000/original/XIV_BRICS_SUMMIT_-_BEIJING_DECLARATION_JUNE_23__2022_BEIJING__CHINA.pdf?1666870770 (дата обращения: 12.08.2024).

⁴⁹ БРИКС Россия 2024 (2024) Kazan Declaration of the 11th Meeting of the BRICS Ministers of Education. Available at: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/2024-06-13-Final_Kazan_Declaration_of_the_11th_Meeting_of_BRICS_Ministers_11.pdf?1718349998309901 (дата обращения: 12.08.2024).

⁵⁰ БРИКС Россия 2024 (2024) 6-я Встреча Рабочей группы БРИКС по исследовательским инфраструктурам и проектам класса мерасайенс. Available at: <https://brics-russia2024.ru/events/vstrechi-rabochikh-grupp-mekhanizmov/6-ya-vstrecha-rabochey-gruppy-briks-po-issledovatel'skim-infrastrukturam-i-proektam-klasa-megasayens/> (дата обращения: 13.08.2024).

⁵¹ БРИКС Россия 2024 (2024) Календарь на официальном сайте БРИКС 2024. Available at: <https://brics-russia2024.ru/calendar/#past> (дата обращения: 12.08.2024).

Закключение

Анализ демонстрирует, что, хотя объем международных коллабораций остается скромным, научно-образовательное сотрудничество внутри БРИКС обладает значительным потенциалом развития, что подтверждается внедрением форматов сотрудничества в соответствии с целями Меморандума 2015 г. о сотрудничестве в области науки, технологий и инноваций, а также институционализацией таких инициатив, как Сетевой университет БРИКС и формат *BRICS GRAIN*. При этом Эфиопия – одна из новых стран-членов объединения – принимает ограниченное участие в этих форматах, что свидетельствует о рисках углубления неравенства внутри БРИКС.

Необходимо отметить, что страны-члены БРИКС осознают этот риск: по итогам Казанского саммита 2024 г.⁵² статус страны-партнера получили как страны с низким уровнем дохода (Уганда) и ниже среднего (Нигерия, Боливия), так и страны с уровнем дохода выше среднего (Беларусь, Куба), что позволяет избегать потенциальных дисбалансов и сохранять престиж объединения лидеров развивающихся стран.

Список литературы:

1. Силаев Н., Тукумбетова Р. & Улизко М. (2024) Импорт кадров? *Карьерные траектории ученых стран БРИКС*. М.: Издательство «МГИМО-Университет». 26 с.
2. Тюкаева Т.И. (2016) Научная политика Саудовской Аравии: ученый интернационал как опора развития. *Сравнительная политика* 7(3(24)):146–161. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-146-161](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-146-161).
3. Черников С.Ю. (2021) Возможности Сетевого университета БРИКС как образовательной платформы инновационного сотрудничества. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика* 29 (1): 76–87. DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-1-76-87.
4. Admasu E. & Desta A. (2021) Internationalization of higher education system in Ethiopia: a Review of education policies and strategies. *Agathos* 12 (22): 139–156.
5. Bishaw A. & Melesse S. (2017) Historical Analysis of the Challenges and Opportunities of Higher Education in Ethiopia. *Higher Education for the Future* 4(1):31–43. DOI:10.1177/2347631116681212.
6. Brack N. (2020) Towards a unified anti-Europe narrative on the right and left? The challenge of Euroscepticism in the 2019 European elections. *Research & Politics* 7 (2), DOI: 10.1177/2053168020952236.
7. Finardi U. (2015) Scientific collaboration between BRICS countries. *Scientometrics* 102 (2): 1139–1166. DOI: 10.1007/s11192-014-1490-5.
8. Kahn M. (2015) Prospects for cooperation in science, technology and innovation among the BRICS members. *International Organisations Research Journal* 10 (2): 105–119. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-140.

⁵² *Emirates News Agency* (2024) Nine countries to become BRICS partners in 2025. 24 December. Available at: <https://www.wam.ae/article/14a9u41-nine-countries-become-brics-partners-2025> (accessed 15 February 2025).

9. Masalimova A.R., Orekhovskaya N.A., Pivovarov V.A., Borovikova Y.V., Zhirkova G.P. & Chaulova V.A. (2024) Analyzing trends in online learning in higher education in the BRICS countries through bibliometric data. *Frontiers in Education* 9:1409013. DOI: 10.3389/feduc.2024.1409013.
10. Pustelnikovaite T. (2021) Locked out, locked in and stuck: Exploring migrant academics' experiences of moving to the UK. *Higher Education* 82 (4): 783–797. DOI: 10.1007/s10734-020-00640-0.
11. Radwan A. & Sakr M.M. (2017) Review of Egypt Science and Technology System: SWOT analysis. *Journal of Entrepreneurship and Sustainability Issues* 5 (2): 204–211. DOI: 10.9770/jesi.2017.5.2(3).
12. Rensburg I., Motala S. & David S.A. (2015) Opportunities and challenges for research collaboration among the BRICS nations. *Compare: A Journal of Comparative and International Education* 45(5): 814–818. DOI: 10.1080/03057925.2015.1074823.
13. Sawyer P.S., Romanov D.M., Slav M. & Korotayev A.V. (2022) Urbanization, the youth, and protest: A cross-national analysis. *Cross-cultural research* 56 (2–3): 125–149. DOI: 10.1177/10693971211059762.
14. Shashnov S., Kotsemir M. (2018) Research landscape of the BRICS countries: Current trends in research output, thematic structures of publications, and the relative influence of partners. *Scientometrics* 117 (2): 1115–1155. DOI: 10.1007/s11192-018-2883-7.
15. Sokolov A., Shashnov S. & Kotsemir M. (2021) From BRICS to BRICS plus: selecting promising areas of S&T Cooperation with developing countries. *Scientometrics* 126 (11): 8815–8859. DOI: 10.1007/s11192-021-04142-3.
16. Sonnenwald D.H. (2007) Scientific collaboration. *Annual Review of Information and Science Technology* 41: 643–681. DOI: 10.1002/aris.2007.1440410121.

Comparative Politics. Volume 16. No. 1. January–March / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-1-16-4

NEW AFRICAN MEMBERS INTEGRATION INTO BRICS: EVIDENCE FROM STI AND EDUCATIONAL POLICY

Andrey A. UFIMTSEV, Junior Research Fellow, Centre for African strategy in BRICS, Institute for African Studies, Russian Academy of Science; Intern researcher, Institute for Industrial and Market Studies, HSE University. 30/1, Spiridonovka str., Moscow, Russia, 123001; 18/1, Myasnienskaya str., Moscow, Russia, 101000.

ORCID: 0000-0002-4870-4360. E-mail: aufimtsev@hse.ru

Sofia N. ZAMESINA, Senior Assistant, Centre for African strategy in BRICS, Institute for African Studies, Russian Academy of Science. 30/1, Spiridonovka str., Moscow, Russia, 123001.

ORCID: 0009-0002-1736-521X. E-mail: sofya.zamesina@mail.ru

Received September 17, 2024

Accepted February 28, 2025

Acknowledgments: The study was prepared with the financial support of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of scientific project no. FMZE-2024-0003 'BRICS and Africa: Expansion Prospects and Potential for Russian-African Strategic Cooperation'.

Abstract: This article explores the integration of new African BRICS members into the scientific and educational cooperation within BRICS. Despite significant criticism regarding the still limited scope of scientific collaborations between BRICS countries, there is a steadily growing number of interaction formats in the fields of science, technology, and education. To provide an accurate assessment, the study analyzes and systematizes existing BRICS cooperation formats, including infrastructure to share research results, scientific conferences, regular ministerial meetings, international laboratories and other cooperative mechanisms. Developing cooperation meets the BRICS goals, as the emergence of these formats was outlined in the 2015 Memorandum on Cooperation in Science, Technology, and Innovation. The question of how new BRICS members are integrated into these existing mechanisms is raised. To address the question, the study analyzes the science and education interaction within BRICS, as well as the national strategic documents in these fields of two new members: Egypt and Ethiopia. There is a significant gap between these countries in terms of economic development, scientific and technological progress, and basic literacy rates. This disparity creates diverging challenges and opportunities for Egypt and Ethiopia. Such imbalances pose risks to intensifying cooperation within BRICS, particularly because of limited economic capabilities of these states to cooperate in scientific and educational fields. For instance, Egypt joined the 2015 Memorandum of Understanding on the establishment of the BRICS Network University, participated in the meeting of education ministers, and has engaged in the BRICS Working Group meeting on research infrastructure and MegaScience projects. In contrast, Ethiopia has not participated in these events, hence the risks of deepening inequality within BRICS. The challenge is recognized by member states. In 2025, many poor and small countries aspiring to participate in BRICS activities were granted partner country status instead of full membership. Despite the broad range of cooperation formats and their ongoing expansion, disparities in the economic and scientific-technological development levels of new African members pose challenges to their full integration. This gap requires that BRICS adjust its mechanisms to ensure inclusive and sustainable scientific partnerships.

Keywords: BRICS, Egypt, Ethiopia, educational policy, scientific policy, BRICS expansion, institutionalization, STI, scientific and educational cooperation

References:

1. Admasu E. & Desta A. (2021) Internationalization of higher education system in Ethiopia: a Review of education policies and strategies. *Agathos* 12 (22): 139–156.
2. Bishaw A. & Melesse S. (2017) Historical Analysis of the Challenges and Opportunities of Higher Education in Ethiopia. *Higher Education for the Future* 4(1):31-43. DOI:10.1177/2347631116681212
3. Brack N. (2020) Towards a unified anti-Europe narrative on the right and left? The challenge of Euroscepticism in the 2019 European elections. *Research & Politics* 7 (2), DOI: 10.1177/2053168020952236.
4. Chernikov S.Y. (2021) Vozmozhnosti Setevogo universiteta BRIKS kak obrazovatel'noj platformy innovacionnogo sotrudnichestva [BRICS Network University potential as an educational platform for innovative cooperation] *RUDN Journal of Economics* 29(1): 76–87. DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-1-76-87 (In Russian).
5. Finardi U. (2015) Scientific collaboration between BRICS countries. *Scientometrics* 102 (2): 1139–1166. DOI: 10.1007/s11192-014-1490-5.
6. Kahn M. (2015) Prospects for cooperation in science, technology and innovation among the BRICS members. *International Organisations Research Journal* 10 (2): 105–119. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-140.

7. Masalimova A.R., Orekhovskaya N.A., Pivovarov V.A., Borovikova Y.V., Zhirkova G.P. & Chauzova V.A. (2024) Analyzing trends in online learning in higher education in the BRICS countries through bibliometric data. *Frontiers in Education* 9:1409013. DOI: 10.3389/feduc.2024.1409013.
8. Pustelnikovaite T. (2021) Locked out, locked in and stuck: Exploring migrant academics' experiences of moving to the UK. *Higher Education* 82 (4): 783–797. DOI: 10.1007/s10734-020-00640-0.
9. Radwan A. & Sakr M.M. (2017) Review of Egypt Science and Technology System: SWOT analysis. *Journal of Entrepreneurship and Sustainability Issues* 5 (2): 204–211. DOI: 10.9770/jesi.2017.5.2(3).
10. Rensburg I., Motala S. & David S.A. (2015) Opportunities and challenges for research collaboration among the BRICS nations. *Compare: A Journal of Comparative and International Education* 45(5): 814–818. DOI: 10.1080/03057925.2015.1074823.
11. Sawyer P.S., Romanov D.M., Slav M. & Korotayev A.V. (2022) Urbanization, the youth, and protest: A cross-national analysis. *Cross-cultural research* 56 (2–3): 125–149. DOI: 10.1177/10693971211059762.
12. Shashnov S., Kotsemir M. (2018) Research landscape of the BRICS countries: Current trends in research output, thematic structures of publications, and the relative influence of partners. *Scientometrics* 117 (2): 1115–1155. DOI: 10.1007/s11192-018-2883-7.
13. Silaev N., Tukumbetova R. & Ulizko M. (2024) *Import kadrov? Kar'ernye traektorii uchenykh stran BRIKS [Import of Staff? Career Trajectories of Researchers in BRICS member states]*. M.: Izdatelstvo «MGIMO-Universitet». 26 p. (In Russian).
14. Sokolov A., Shashnov S. & Kotsemir M. (2021) From BRICS to BRICS plus: selecting promising areas of S&T Cooperation with developing countries. *Scientometrics* 126 (11): 8815–8859. DOI: 10.1007/s11192-021-04142-3.
15. Sonnenwald D.H. (2007) Scientific collaboration. *Annual Review of Information and Science Technology* 41: 643–681. DOI: 10.1002/aris.2007.1440410121.
16. Tyukaeva T.I. (2016) Nauchnaya politika Saudovskoj Aravii: uchenyj internacional kak opora razvitiya. [Scientific Policy of Saudi Arabia: International Science as a Basis for Development] *Comparative Politics Russia* 7(3(24)):146–161. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-146-161. (In Russian).

ПЕРЕМЕНЧИВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ В ЧИЛИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Арсений ВАРШАВСКИЙ
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье раскрываются особенности партийной системы Чили, которая на современном этапе своего политического развития способствовала появлению двух широких партийных коалиций, составляющих устойчивую основу поддержания демократических институтов и воспроизводства высшей политической элиты страны – левоориентированной *“Apruebo Dignidad”* («Одобряю достоинство») и правоцентристской *“Chile Vamos”* («Чили, вперед!»). Выделяются ключевые институциональные, исторические и культурные факторы, оказавшие влияние на становление современного политического дизайна Чилийской Республики, благодаря которому обеспечивается традиционно сложившаяся жизнеспособность партий. Проводится анализ формально-правовых особенностей президентской системы и электорального процесса в Чили. В системе политической власти президент выступает в роли центральной фигуры, наделенной широкими полномочиями в принятии ряда ключевых решений. В то же время конституционные рамки побуждают главу исполнительной власти взаимодействовать с парламентскими коалициями для преодоления проблемы «двойного меньшинства», при которой президент не обладает поддержкой большинства в Национальном Конгрессе. Партийная коалиционность также обусловливается влиянием избирательной системы, в рамках которой даже после реформы 2015 г. малые партии продолжают испытывать сложности в самостоятельной борьбе за места в парламенте и вынуждены взаимодействовать с более крупными коалициями. Это положение дел отражается также в выборах президента. Подтверждение тому – победа Габриэля Борича в 2021 г., который, несмотря на свой прогрессивный имидж, опирался на поддержку различных левых и левоцентристских сил. Долгосрочная устойчивость чилийской партийной системы объясняется в том числе глубоко укоренившимися традициями политического участия и демократическими институтами, которые позволяют интегрировать запросы населения в политический процесс. Однако снижение поддержки партий среди населения и рост протестной активности указывают на существующие вызовы. Делается вывод о том, что, несмотря на кризис доверия к партийным структурам, коалиционная система продолжает обеспечивать стабильность политической системы. Для ее укрепления партиям необходимо сосредоточиться на решении актуальных социально-экономических проблем, что станет ключевым фактором повышения гражданского доверия и устойчивости демократических институтов Чили.

Арсений Юрьевич Варшавский – соискатель Кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России.

ORCID: 0009-0009-6672-2448. E-mail: arsenyvarshavsky@gmail.com
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 20.04.2024

Принята к публикации: 10.02.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: президентство, политические партии, партийная система, партийные коалиции, фрагментированность партий, Чили

Одной из обсуждаемых тем в научно-политическом дискурсе последнего десятилетия стал вопрос о «кризисе представительной демократии». Среди наиболее распространенных причин такого явления называют усугубление социально-экономического неравенства, растущую в этой связи маргинализацию общества, миграционный кризис в разных регионах мира, а также укрепляющееся недоверие широких масс к устоявшимся политическим структурам, прежде всего партиям. Во многом подобная динамика стала причиной появления на политическом ландшафте целого ряда стран политиков-аутсайдеров¹ и роста числа популистов², которые «играют» на протестных настроениях избирателей и в значительной степени подрывают авторитет «традиционных» партий (Blatter & Schulz, 2022).

В этом отношении среди президентских республик с устойчивой демократической традицией особняком стоит Чили. Будучи наглядным примером успешного демократического транзита в 1990 г. после семнадцатилетней правой диктатуры А. Пиночета (1973–1990), этому латиноамериканскому государству удалось закрепиться на самых верхних позициях рейтингов динамики социально-экономического развития и стабильности политической системы (Siavelis, 2016; Somma, 2022; De Gregorio, 2005). Вместе с тем несколько масштабных волн общественных протестов в начале XXI столетия продемонстрировали явные несовершенства существующей в нем модели государственного управления.

Среди ключевых факторов недовольства чилийских граждан выделяют социально-экономическое неравенство (согласно данным Всемирного Банка, коэффициент Джини по состоянию на 2020 г. равен 44,9)³; высокий рост цен⁴; а также действующую Конституцию, принятую еще при А. Пиночете в 1980 г., ряд положений которой существенно ограничивает демократические представительные институты (Siavelis, 2001). Все это насаждает стремительно растущее недоверие широких масс к политическим лидерам «старого толка», неспособным решить насущные социально-экономические проблемы представителей среднего класса (Luna, 2024).

¹ Под «аутсайдерами» в политическом дискурсе понимаются лица и группы лиц, которые ранее не принимали участие в политической деятельности и в выборах на государственном уровне.

² В статье используется определение популизма, предложенное исследователем К. Мюдде в рамках т.н. идеационного подхода: «идеология, в которой общество видится однозначно разделенным на две гомогенные и антагонистические группы – истинный народ и коррумпированную элиту – и в которой утверждается, что политика должна быть выражением общей народной воли (*volonté générale*)». См.: Mudde, 2004.

³ *World Bank Open Data* (n.d.) Gini index – Chile. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=CL> (accessed 10 February 2025).

⁴ *Banco Central de Chile* (2023) Informe de Política Monetaria. Available at: <https://www.bcentral.cl/documentos/33528/4103593/IPoM-Marzo-2023.pdf/d2885553-0766-2245-6ec4-52031cb60769?t=1695913811070> (accessed 10 February 2025).

Несмотря на волну протестных настроений, вызванных усугублением социального неравенства на фоне проведения неолиберальной политики, и актуализировавшийся в этой связи призыв к обновлению управленческой элиты, реальная власть в Чили продолжает оставаться в руках политических сил, сложившихся в результате эволюции двух партийных коалиций пост-Пиночетовского периода – левоцентристской "*Concertación de Partidos por la Democracia*" («Коалиция партий за демократию»)⁵ и правоцентристского "*La Alianza*" («Альянс»)⁶, – благодаря которым сформировался институциональный дизайн современной Чилийской республики. Речь идет о коалициях левых и леворадикальных партий "*Apruebo Dignidad*" («Одобряю достоинство») и правоцентристских сил "*Chile Vamos*" («Чили, вперед!»). Подтверждением этой тенденции стали прошедшие в ноябре – декабре 2021 г. всеобщие выборы, по результатам которых победителем в президентской гонке стал Габриэль Борич (2022 – н.в.) – представитель прогрессистской партии "*Convergencia Social*" («Социальная конвергенция»), которая входит в коалицию "*Apruebo Dignidad*".

Говоря об эволюции системы партийных коалиций, сложившейся на современном этапе государственного развития Чили, стоит подчеркнуть, что в то время как структура позиций правых и правоцентристских коалиций "*La Alianza*" и "*Chile Vamos*" относительно политико-экономического и социального развития страны характеризуется идеологической преемственностью, объединение левых и леворадикальных партий "*Apruebo Dignidad*" по своим идейным взглядам в корне отличается от левоцентристской "*Concertación*".

Коалиция "*Apruebo Dignidad*" представляет собой воплощение идеологии «новых левых», выступающих с жесткой критикой принципов «модели компромиссов»⁷, основанной на проведении неолиберального экономического курса и социальных реформ при сохранении ряда формальных и неформальных институциональных рамок, сложившихся в период диктатуры Пиночета (Дьякова, 2022). Сторонников движения отличает резкая риторика, которая обладает поляризующим эффектом. Они выступают за ценности демократии, политического либерализма и максимально широкое гражданское участие в жизни государства (Дьякова, 2023). Среди основных идеологических постулатов «новых левых» выделяют широкую правозащитную повестку с акцентом

⁵ Созданная в 1988 г. «Коалиция партий за демократию» (сокращенно – *Concertación*) в качестве оппозиционной силы режиму А. Пиночета включала в себя 14 партий, крупнейшими из которых были "*Partido Demócrata Cristiano, PDC*" (Христианско-демократическая партия, ХДП), "*Partido Socialista, PS*" (Социалистическая партия, СПЧ) и "*Partido por la Democracia, PPD*" (Партия за демократию, ПД). После включения в 2013 г. "*Partido Comunista, PC*" (Коммунистической партии, КПЧ) была переименована в "*Nueva Mayoría*" («Новое большинство») и просуществовала до начала 2018 г.

⁶ Объединение сторонников продолжения политического курса А. Пиночета, состоявшее из *Unión Demócrata Independiente, UD* (Независимого демократического союза) и партии "*Renovación Nacional, RN*" («Национальное обновление»).

⁷ Эта модель лежала в основе политического курса чилийского истеблишмента, главным образом представителей "*Concertación*" и "*Nueva Mayoría*".

на предоставлении гражданских прав различным меньшинствам (гендерным, этническим, социальным) и отвержение политики неолиберализма, которая, по их мнению, является ключевой причиной социального неравенства в Чили. Подобные настроения были озвучены представителями чилийского гражданского общества в ходе массовых протестов в октябре – ноябре 2019 г., получивших название «Революция 30 песо». В значительной степени эти события, продемонстрировавшие запрос чилийцев на обновление политической программы представителей левого движения (Ивановский, 2021), предопределили победу коалиции *“Apruebo Dignidad”* и избрание Г. Борича в качестве главы государства⁸.

Значимую роль в демократической системе Чили играет фигура президента. Наделенный полномочием оспорить любой законодательный акт и единоличным правом формировать кабинет, при отсутствии большинства в парламенте глава государства может использовать т.н. стимулы (*incentives*) в отношении представителей остальных фракций, предоставляя им министерские посты в обмен на поддержку своих программных инициатив. По этой причине эффективное функционирование политической системы во многом зависит от взаимодействия президента и основных партийных групп.

Для того чтобы разобраться в причинах устойчивости двух главных политических сил Чили, целесообразно рассмотреть ключевые особенности становления партийных коалиций, а также исторические и культурные факторы, предопределившие их лидирующие позиции на электоральном ландшафте и способность продвигать своих кандидатов на высший государственный пост.

Основу исследования составляет качественный метод *case-study*, который помогает подробно рассмотреть условия и причины становления и развития коалиционного строительства в современном Чили. Кроме того, использование данного метода с элементами «насыщенного описания» (*thick description*) позволяет глубоко проанализировать внутривнутриполитические, исторические и культурные особенности, влияющие на устойчивость партийной системы государства.

Статья структурирована следующим образом: в первом разделе анализируется специфика президентской системы и электорального процесса в Чили; далее описывается сложившаяся традиция партийных коалиций и рассматриваются историко-культурные факторы их устойчивости; в заключении делается вывод о том, как именно группа изучаемых факторов влияет на жизнеспособность партийных коалиций и почему стала возможной победа Г. Борича на выборах в ноябре 2021 г.

⁸ Г. Борич на выборах 2021 г. представлял прогрессистскую партию *“Convergencia Social”* («Социальная конвергенция»).

Институциональные особенности президентской системы и электорального процесса в Чили

Политическая система Чили представляет собой одну из наиболее сильных президентских демократий в Латинской Америке. С. Мэйнуоринг и М. Шугарт характеризуют чилийского президента как наиболее сильного среди всех президентских систем региона, учитывая его возможности использовать право вето по широкому кругу оснований и осуществлять политику посредством указов (Mainwaring & Shugart, 1997). Некоторые конституционные полномочия главы государства, в частности, исключительная законодательная инициатива бюджета, позволяют говорить о президенте как о важнейшем акторе, определяющем всю полноту повестки в нормативно-правовой сфере и принятии политико-управленческих решений. В чилийской Конституции 1980 г. (ст. 32)⁹ закреплены следующие компетенции:

- Участие в выработке законодательных актов;
- Издание президентских указов, имеющих силу закона;
- Созыв референдума по вопросам, обозначенным в Конституции;
- Введение чрезвычайного положения;
- Назначение и смещение министров и полномочных представителей президента в регионах, а также генерального контролера (*controlador general* – глава Налогового управления);
- Назначение судей, в т.ч. из состава Верховного суда, после одобрения кандидатуры Сенатом.

Кроме того, президент наделен исключительным правом вносить законопроекты, касающиеся бюджета, налогообложения, политико-административного устройства государства (ст. 65)¹⁰. Фактическая концентрация бюджетных полномочий в руках президента, в т.ч. через назначаемых им министра финансов и генерального контролера, делает Чили страной с одной из наиболее иерархически выстроенных систем с точки зрения формирования политики в этой сфере (Aninat, Landregan, Navia & Vial, 2006). Характерным является то, что, если законопроект бюджета не получает одобрения в обеих палатах Конгресса, в силу вступает проект в предложенной президентом редакции (ст. 67)¹¹.

Одна из наиболее примечательных особенностей полномочий главы государства состоит в возможности контролировать процесс принятия законов и управлять законодательной повесткой посредством т.н. постановлений

⁹ Несмотря на то, что в «пиночетовскую» Конституцию неоднократно вносились изменения, она до сих пор предоставляет беспрецедентно широкие полномочия главе государства. См.: *Cámara de Diputados y Diputados* (n.d.) Constitución Política de la República. Available at: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (accessed 10 February 2025).

¹⁰ *Cámara de Diputados y Diputados* (n.d.) Constitución Política de la República. Available at: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (accessed 10 February 2025).

¹¹ *Cámara de Diputados y Diputados* (n.d.) Constitución Política de la República. Available at: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (accessed 10 February 2025).

о срочности (*declaratorias de urgencia*). Президент может придать любому рассматриваемому законопроекту одну из трех мер срочности – простая срочность, важная срочность и немедленное обсуждение. Если законопроекту присваивается один из статусов срочности, обсуждение других законопроектов приостанавливается (ст. 26)¹². При необходимости глава государства уполномочен созвать внеочередную сессию Национального Конгресса, на которой будут обсуждаться только вопросы, поставленные президентом (ст. 32)¹³.

Очевидно, что созыв внеочередной сессии парламента и приоритетность рассмотрения законопроектов по инициативе президента нарушают нормальную работу законодательной власти. По словам некоторых депутатов, в ряде случаев обсуждение уже одобренного какой-либо комиссией законопроекта может откладываться на несколько сессий по причине вынужденного обсуждения срочных проектов (Siavelis, 2001).

Вместе с тем президент не обладает полномочием распустить Национальный Конгресс, а наложенное им вето может быть преодолено двумя третями голосов Палаты депутатов (нижняя палата) и Сената (верхняя палата) в совокупности (ст. 68)¹⁴. Более того, несмотря на обязанность парламента рассматривать срочные законопроекты в первую очередь, законодатели могут «затормозить» рассмотрение подобных президентских инициатив без каких-либо юридических последствий (Siavelis, 2001). Вероятность такого сценария повышается в случае отсутствия у президента сильной поддержки среди оппозиционных парламентских фракций и коалиционных групп¹⁵.

Причины возникновения конфликтных ситуаций в отношениях между главой исполнительной власти и парламентом кроются в описанной С. Мэйнуорингом и М. Шугартом диархии многопартийности и сильного президентства, что и проявляется в политической системе Чили (Mainwaring & Shugart, 1997). Важным следствием совмещения этих двух характеристик является возникновение проблемы «двойного меньшинства», при которой президент не имеет поддержки большинства ни среди своих избирателей, ни внутри представляемой им партии в одной или обеих палатах парламента. Эту особенность наглядно демонстрирует распределение мест в Конгрессе по итогам парламентских выборов с 1989 г. по 2021 г. (Таблица 1).

¹² Biblioteca del Congreso Nacional de Chile (n.d.) Ley Orgánica Constitucional del Congreso Nacional. Available at: <https://bcn.cl/2fkep> (accessed 10 February 2025).

¹³ Cámara de Diputadas y Diputados (n.d.) Constitución Política de la República. Available at: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (accessed 10 February 2025).

¹⁴ Cámara de Diputadas y Diputados (n.d.) Constitución Política de la República. Available at: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (accessed 10 February 2025).

¹⁵ Для детального описания ограничений президентской власти в Чили, в т.ч. в части его взаимодействия с парламентом, см.: Martínez & Dockendorff, 2023: 62.

Таблица 1. Доля мест в Национальном Конгрессе,
полученных победившими партиями¹⁶

Table 1. Share of seats in the National Congress taken by the winning parties

Срок	Президент (коалиция / партия)	Места, полученные коалицией Президента, %		Места, полученные партией Президента, %	
		Депутаты	Сенаторы	Депутаты	Сенаторы
1989–1993	П. Айльвин ("Concertación" / "PDC")	51,49	54,63	25,99	32,18
1993–1997	Э. Фрей ("Concertación" / "PDC")	55,40	55,48	27,12	20,22
1997–2001		50,51	22,98	49,88	29,22
2001–2005	Р. Ларос ("Concertación" / "PPD")	47,90	51,32	12,73	12,66
2005–2009	М. Бачелет ("Concertación" / "PS")	51,76	55,73	10,05	12,07
2009–2013	С. Пиньера ("Coalición por el Cambio" ¹⁷ / "RN")	43,45	45,19	17,81	20,19
2013–2017	М. Бачелет ("Nueva Mayoría" / "PS")	47,71	50,63	11,12	16,16
2017–2021	С. Пиньера ("Chile Vamos" / Независимый)	38,71	37,70	0	0
2021–2025	Г. Борич ("Apruebo Dignidad" / "Convergencia Social")	20,97	19,59	4,54	1,28

Как следует из приведенных данных, чилийский парламент состоит из сильных коалиций, в которые входят слабые по отдельности партии. Характерным примером является ситуация с баллотировавшимся на второй президентский срок в качестве независимого кандидата С. Пиньерой, который опирался на коалицию правоцентристских и правых партий "*Chile Vamos*", не имея при этом прямой поддержки ни одной входящей в этот блок партии.

Низкий уровень партийной поддержки главы государства в парламенте при многопартийных президентских системах объясняется не только приведенной выше проблемой «двойного меньшинства». Некоторые авторы связывают сложившийся статус-кво с постепенным снижением партийной идентификации среди избирателей и одновременным укреплением партийной иерархии среди политических элит ведущих коалиций, которые служат необходимой платформой кандидатам на пост президента для вхождения в высшие политические круги страны (Siavelis, 2016; Luna & Altman, 2011).

¹⁶ Источник: данные Избирательной службы Чили. *Servicio Electoral de Chile* (n.d.) Resultados electorales Históricos. Available at: <https://www.servel.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/> (accessed 10 February 2025).

¹⁷ "*Coalición por el Cambio*" (Коалиция за перемены) – официальное название объединения правых и правоцентристских партий "*La Alianza*" (Альянс) в 2009–2012 гг.

После восстановления демократического строя в Чили в местном и международном общественно-политическом дискурсе, а также в экспертной среде имели место дискуссии о характеристиках нового электорального дизайна в государстве (Siavelis, 2016). Избирательная система, получившая название биномиальной, была введена в 1989 г. еще при генерале А. Пиночете и совместила в себе черты мажоритарного и пропорционального представительства. Практически сразу после учреждения биномиальной системы предметом активных обсуждений стали ее бенефициары и наиболее проигравшие акторы. Среди основных аргументов противников системы фигурировало «одиозное наследие военной диктатуры», выражавшееся в попытке правых сил предотвратить получение большинства мест в законодательном органе левоцентристской коалицией *"Concertación"*. Сторонники биномиальной системы указывали на заложенную в ней тенденцию к формированию широких коалиций, что означало повышение степени управляемости (Aleman, Cabezas & Calvo, 2021). В целом, несмотря на признаваемую роль биномиальной системы в укреплении чилийской демократии в поставторитарный период, в массовом сознании избирателей она никогда не воспринималась как неотъемлемый элемент сложившейся политической системы государства (Nohlen, 2006).

Биномиальная избирательная система в Чили строилась на пропорциональном представительстве и разделяла страну на 60 двухмандатных округов, в каждом из которых партия или коалиция формировали список из двух кандидатов. Для подсчета голосов применялся метод Д'Ондта¹⁸. В рамках этой системы для получения одного мандата каждая партия должна была набрать по меньшей мере треть голосов (33,3%). Для того чтобы оба места были отданы кандидатам из одного списка, этот список должен получить как минимум в два раза больше голосов (66,6%), чем следующий за ним. Если голосов оказывалось недостаточно, два места разделялись между партией, набравшей больше всего голосов, и следующей за ней, вне зависимости от количества набранных второй партией голосов. Иными словами, если списки двух сильнейших на выборах партий набирают 66% и 34% голосов соответственно, каждая из них получит место (50% от количества мест, соответствующих этому округу) (Siavelis, 2001). Как показывают исследования, этот механизм наиболее благоприятствовал кандидатам из правоцентристского *"La Alianza"* (Aleman, Cabezas & Calvo, 2021). Что более примечательно, биномиальная избирательная система практически полностью отсекала возможность избрания для независимых кандидатов или членов партий, не принадлежащих ни к *"Concertación"*, ни к *"La Alianza"*: с 1989 до 2013 гг. более 97% всех избранных депутатов или сенаторов были членами одной из этих коалиций (Gamboa & Morales, 2016; Богуш, 2009).

¹⁸ Подробнее об этом методе см.: *European Parliament* (n.d.) Understanding the d'Hondt method: Allocation of parliamentary seats and leadership positions. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637966/EPRS_BRI\(2019\)637966_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637966/EPRS_BRI(2019)637966_EN.pdf) (accessed 10 February 2025).

В 2015 г. после многолетних споров и обсуждений как в общественных, так и в политических кругах, чилийский Конгресс одобрил проект избирательной реформы, предложенный правительством М. Бачелет. Основной акцент был сделан на повышении пропорциональности распределения мест в парламенте путем сокращения избирательных округов с 60 до 28 при увеличении числа мест в каждом из них (в Палате депутатов количество варьируется от трех до восьми и пересматривается каждые десять лет, в Сенате – от двух до пяти и не предполагает изменений). Одновременно количество депутатов увеличилось со 120 до 155, а сенаторов – с 38 до 50 (Gamboa & Morales, 2016).

Еще одно важное нововведение избирательной реформы – увеличение количества кандидатов в списках от каждого округа на одного человека ($M+1$, где M – магнитуа округа). Этот шаг получил особую поддержку со стороны малых партий, которые были уверены, что изменение положительно отразится на избирательных шансах их представителей и независимых выдвиженцев.

Ожидание бóльшей представленности независимых кандидатов после принятия реформы озвучивалось и в политологическом сообществе (Carey, 2006). Тем не менее в проведенном в 2021 г. исследовании на основе полиномиальной регрессии Э. Алеман и его коллеги показали, что принадлежность партий к широким коалициям продолжала оказывать весомое влияние на результаты выборов и конечное распределение мест в обеих палатах парламента. Основной вывод работы можно сформулировать следующим образом: реформа избирательной системы не устранила стимулы к формированию коалиций. Несмотря на значительное увеличение представленности малых партий, они по-прежнему не могут конкурировать за голоса избирателей в одиночку (Aleman, Cabezas & Calvo, 2021).

Это заключение подтвердилось и на последних всеобщих выборах в Чили в 2021 г. Из 155 избранных депутатов Палаты представителей лишь один – независимый кандидат; остальные являются членами партий, входящих в восемь различных коалиций¹⁹. Аналогичная ситуация с результатами выборов в Сенат – 48 мест распределены между представителями четырех коалиций, и только два места занимают не аффилированные с ними политики²⁰.

Таким образом, электоральный дизайн современного Чили продолжает оставаться коалиционно-ориентированным. Увеличение магнитуды партийных списков вновь сформированных округов не смогло подорвать позиции крупнейших коалиций лево- и правополитических партий (*"Apruebo Dignidad"* и *"Chile Vamos"* соответственно), представители которых продолжают делить между собой большинство мест в обеих палатах Национального Конгресса. Несмотря на снижение порога входа в Палату депутатов и Сенат для малых

¹⁹ *Servicio Electoral de Chile* (n.d.) Resultados electorales Históricos. Available at: <https://www.servel.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/> (accessed 10 February 2025).

²⁰ *Servicio Electoral de Chile* (n.d.) Resultados electorales Históricos. Available at: <https://www.servel.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/> (accessed 10 February 2025).

партий, последние не могут претендовать на серьезное представительство в законодательном органе, что приводит лишь к усилению фрагментации (Aleman, Cabezas & Calvo, 2021). В этой связи, даже с учетом запроса чилийской общественности на обновление партийного представительства в законодательной и исполнительной ветвях власти, наиболее действенным решением с точки зрения обеспечения победы на выборах кандидатов в парламент или на пост главы государства (даже от небольших партий) является вхождение в одну из традиционных широких коалиций.

Историко-культурные факторы устойчивости партийных коалиций в Чили

Партийные коалиции стали неотъемлемой частью развития партийной системы в Чили, которая к тому же является одной из наиболее давних и стабильных в истории современных демократий. Политические движения зародились в конце 1820-х гг., однако институционально оформленные партии начали появляться к середине девятнадцатого столетия. Для более глубокого понимания места партийных коалиций в современной системе государственного управления видится целесообразным провести краткий исторический экскурс по основным этапам становления и развития чилийских партий.

На протяжении всей истории Чилийской Республики основные точки размежевания, способствовавшие формированию политических партий, строились вокруг конфликта между церковью и государством (клерикальный и антиклерикальный раскол) в середине XIX в., а также подходов к решению социально-экономических проблем в первой половине XX в. (Valenzuela, 1997; Luna, 1950). После восстановления демократии в 1989 г. главным контуром идеологического противостояния между партиями стало их отношение к политическому наследию режима А. Пиночета (Polanco, 2014).

Истоки партийных образований в Чили берут свое начало в борьбе между либеральным движением *“pipiolo”*, выступавшим сторонником прогрессивной Конституции 1828 г., и консервативным политическим течением *“pelucones”* – фактическим победителем гражданской войны 1829–1830 гг., по итогам которой была принята Конституция 1833 г., установившая широкие полномочия президента (Valenzuela, 1997). Это политическое течение находилось у власти до середины 1850-х гг., а весь период характеризовался центризмом, авторитаризмом и дисциплиной.

Как было упомянуто выше, возникновение первых институционально оформленных политических партий произошло в результате конфликта между государственной властью и католическим клиром. Конкретный эпизод произошел в 1856 г. в период президентства М. Монтта (1851–1861 гг.) и был связан с реакцией на судебное решение по делу дьякона из столичного Кафедрального собора, обвинявшегося настоятелем в дисциплинарных нарушениях. После того, как церковный суд вынес решение в пользу дьякона, настоятель обратился в гражданские судебные органы, рассчитывая на их поддержку (в то время церковь подчинялась государственной власти). Однако когда

Верховный суд вынес свое решение также в пользу дьякона, архиепископ г. Сантьяго Р.В. Вальдивieso начал публично протестовать против вмешательства государственной судебной системы во внутренние дела церкви, что вызвало серьезные разногласия внутри чилийской общественности в отношении вопроса о поддержке клира и действовавшего правительства. Несмотря на то, что министру внутренних дел А. Варасу удалось уговорить суд отозвать свое решение, этот кризис привел к существенному расколу в политических течениях, положивших начало первым политическим партиям в стране²¹.

Конфликт привел к расколу в движении "*pelucones*", в результате которого образовались две партии: "*Partido Nacional*" (Национальная партия) и "*Partido Conservador*" (Консервативная партия). В основе программных принципов Национальной партии, именовавшейся также «Монттваристской партией», по фамилиям М. Монтта и А. Вараса, лежали идеи о сильной центральной власти и государственном патронате над церковью. В Консервативную партию вошли представители католического клира и местной аристократии, выступавшие за независимость церкви от вмешательства государственной власти. Третьей политической силой в стране стала зародившаяся из движения "*pipiolo*s" "*Partido Liberal*" (Либеральная партия), которая выступала за предоставление широких гражданских прав и экономический либерализм.

В 1858 г. в Чили сформировалась первая в истории государства коалиция из Либеральной и Консервативной партий. Ее основной целью было ослабление власти президента Монтта и его сторонников. Одновременно в рядах Либеральной партии образовалась группа радикалов, в результате чего была основана Радикальная партия, представители которой стояли на жестких антиклерикальных позициях и выступали за предоставление широких политических, социальных и экономических свобод чилийским гражданам²². Впоследствии, в 1875 г., Либеральная партия сформировала коалицию с Радикальной партией, которая получила название "*Alianza Liberal*" («Либеральный альянс»). В период существования коалиции (в историческом дискурсе именуемой «Либеральной республикой») ее членам удалось провести несколько существенных реформ, в частности, установить запрет на переизбрание главы государства в 1871 г., предоставив более широкие полномочия законодательной власти, и реализовать избирательную реформу в 1874 г.²³

Конфликт вокруг независимости церкви и государства лежал в основе чилийской партийной идентичности до конца XIX в. Партийная система выглядела следующим образом: консерваторы защищали интересы церкви, радикалы выступали за максимально возможное светское общество, а либералы и активисты Национальной партии представляли политический центр.

²¹ *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Partidos, movimientos y coaliciones 1833–1891. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/periodo?per=1833-1891 (accessed 10 February 2025).

²² *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Partido Radical. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Partido_Radical (accessed 10 February 2025).

²³ *Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile* (n.d.) República Liberal. Available at: <https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-543886.html> (accessed 10 February 2025).

Как отмечает Х.С. Валенсуэла, особенности электоральной системы в то время способствовали формированию коалиций «по тактическому, а не идеологическому принципу». Из-за широких полномочий представителей государственной власти, в частности президента, подавляющее большинство избирателей составляли государственные служащие. По этой причине оппозиционные партии пытались привлечь в свои ряды выходцев из самых разных слоев общества – от простых рабочих до владельцев предприятий, что положило начало распространению в стране политических клубов (Valenzuela, 1997), в т.ч. за счет роста средств массовой информации. Укреплению межпартийных союзов также послужила электоральная реформа 1874 г., не только позволившая голосовать всем грамотным мужчинам вне зависимости от дохода, но и закрепившая необходимость представительства миноритарных партий в муниципальных законодательных органах и нижней палате Парламента в размере минимум одной трети от всех избранных лиц (Valenzuela, 1997). Поскольку выборы президента и сенаторов проходили через систему выборщиков, это нововведение в значительной степени способствовало росту поддержки антиправительственных коалиций со стороны населения (Ponce de León, 2017).

Политический конфликт 1891 г. между президентом от Либеральной партии Х.М. Бальмаседой (1886–1891 гг.) и Конгрессом, переросший в краткосрочную гражданскую войну, положил начало периоду т.н. Парламентской республики. Особенности сложившейся системы властных отношений заключались в укрепившихся позициях Конгресса и, как следствие, усилившемся влиянии партийных коалиций; в существенно урезанных полномочиях президента – он не мог распускать парламент и созывать досрочные выборы; а также в выполнении министром внутренних дел функций главы правительства (Valenzuela, 1997). Несмотря на наличие порядка двух десятков политических партий и частую сменяемость кабинета, в «Парламентской республике» вся политическая власть была сосредоточена в руках двух крупнейших партийных объединений – *Alianza Liberal*²⁴ («Либерального альянса») и *Coalición Conservadora*²⁵ («Консервативной коалиции»)²⁶.

Либеральный альянс выступал в роли прогрессивной силы, поддерживая идеалы личной свободы, борьбы против церковного влияния и развития индустриализации, торговли и горной промышленности²⁷. Консервативная коалиция, в свою очередь, объединяла партии, придерживавшиеся традиционных идеалов национальной олигархии и защищавшие интересы духовенства

²⁴ В ее состав входили: *"Partido Radical"*, *"Partido Liberal"*, *"Partido Liberal Democrático"* (Либерально-демократическая партия, состояла из либералов-сторонников президента Х.М. Бальмасы).

²⁵ Главными политическими силами коалиции были *"Partido Conservador"* (Консервативная партия) и *"Partido Nacional"* (Национальная партия).

²⁶ *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Período 1891-1925. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (accessed 10 February 2025).

²⁷ *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Alianza Liberal. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Alianza_Liberal (accessed 10 February 2025).

и крупных помещиков. Важно отметить, что эти коалиции в основном формировались перед президентскими выборами. Х.С. Валенсуэла выделяет четыре фактора, благодаря которым этим коалициям удавалось поддерживать устойчивое существование на протяжении почти трех десятилетий: 1) отсутствие согласия внутри Консервативной партии относительно единого кандидата в президенты; 2) недостаточные ресурсы у каждой отдельной партии для того, чтобы самостоятельно одержать победу на президентских выборах; 3) отсутствие достаточной электоральной поддержки кандидата от любой из сильнейших партий обеих коалиций ("*Partido Radical*" в «Либеральном альянсе» и "*Partido Conservador*" в «Консервативной коалиции») открывало возможность к заключению союза с противоборствующей коалицией; 4) острые противоречия внутри двух либеральных партий ("*Partido Liberal*" и "*Partido Liberal Democrático*") относительно единой кандидатуры по причине взаимной враждебности и личных амбиций их членов (Valenzuela, 1997).

Примечательно, что именно в период «Парламентской республики» в начале 1900-х гг. начали обостряться социальные конфликты. В обществе усиливалось недовольство правящим элитарным классом, тесно связанным с чилийской олигархией²⁸. В то же время сильное развитие получили горнодобывающая промышленность, производство, строительство и транспорт. Стремительный рост производственных сфер привел к появлению профсоюзов, обществ взаимопомощи и других организаций с участием рабочего класса. В результате их деятельности, включающей в себя забастовки, «социальный вопрос» стал предметом серьезных общественных дебатов (Valenzuela, 1997). Как отмечалось ранее, это обозначило вторую точку размежевания в партийном развитии в Чили, что привело к появлению первых партий левой идеологии – "*Partido Demócrata*" (Демократической партии) и "*Partido Obrero Socialista*" (Рабочей Социалистической партии), которая стала основным институциональным представителем чилийского рабочего класса и впоследствии была переименована в "*Partido Comunista*" (Коммунистическую партию)²⁹.

Массовое распространение рабочих и коммунистических движений спровоцировало напряженность во взаимодействии социально-ориентированного президента А. Алессандри (1920–1925 гг.) и Национального Конгресса. Политический кризис начала 1920-х гг. привел к принятию в 1925 г. новой Конституции, в соответствии с которой восстанавливалась президентская республика с прямыми выборами первого лица, а церковь полностью отделялась от государства (Богуш, 2009). Немаловажным следствием стало постепенное снижение влияния Либерального союза и Консервативной коалиции в политической жизни Чили (Valenzuela, 1997).

²⁸ Biblioteca del Congreso Nacional de Chile (n.d.) Periodo 1891–1925. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (accessed 10 February 2025).

²⁹ Biblioteca del Congreso Nacional de Chile (n.d.) Periodo 1891–1925. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (accessed 10 February 2025).

Последующий период, продолжавшийся до установления диктатуры А. Пиночета в 1973 г., характеризовался возникновением множества новых политических партий самого разнообразного идеологического толка, которые различались главным образом по своим подходам к решению социально-экономических проблем. В немалой степени этой тенденции способствовали электоральные нововведения, установившие выборную систему пропорционального представительства с подсчетом голосов по методу Д'Ондта³⁰.

Ключевыми партиями и коалициями в этот период были *"El Frente Popular"* («Народный фронт», 1936–1942 гг.), *"Alianza Democrática de Chile"* («Демократический альянс Чили», 1942–1946 гг.), *"Unidad Popular"* («Народное единство», 1969–1973 гг.) и *"Partido Demócrata Cristiano"* (Христианско-демократическая партия, основана в 1957 г.), которая представляла собой объединение различных политических движений социал-демократического толка. Значимую роль играла Радикальная партия, три кандидата от которой становились президентами.

Несмотря на существенные изменения в политической жизни страны и перестроение ключевых партий, неизменными оставались принципы функционирования коалиций. Поскольку в подавляющем большинстве случаев ни одна партия не могла выдвинуть сильного кандидата (этому во многом способствовала избирательная система пропорционального представительства), заключение партийных союзов отличалось цикличностью. Не вполне стабильный характер коалиций проявлялся в борьбе отдельных партий за своих избирателей, что приводило к расколу в самих партиях.

Сложившиеся условия способствовали появлению независимых кандидатов, которые, не будучи связанными ни с одной «традиционной» партией или коалицией, привлекали на свою сторону электорат политических объединений, не сумевших выдвинуть своего кандидата (таким образом были избраны президенты К. Ибаньес дель Кампо (1952–1958) и Х. Алессандри (1958–1964)). Резюмировать этот длительный период развития чилийской демократии можно словами исследователя Х.П. Луны, который подчеркивает, что с 1920-х гг. политические партии превратились в «*сильные организационные структуры, затрагивающие все уровни социальной и культурной жизни*». При этом борьба между партиями строилась на основе как программных принципов, так и посредством активного привлечения административных и территориальных групп давления (Luna, 2008). А. Валенсуэла метко добавляет, что к 1960-м гг. «*выборы и политика стали национальным "спортом"*» (Valenzuela, 1999). С приходом к власти хунты А. Пиночета и введением режима военной диктатуры все традиционные партии в Чили были запрещены вплоть до восстановления демократического режима в 1990 г.

³⁰ Biblioteca del Congreso Nacional de Chile (n.d.) Período 1891–1925. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (accessed 10 February 2025).

Современная партийная система Чили сложилась в результате социально-политической борьбы общества за демократические и экономические свободы в поздний период правления военной хунты. На фоне проведения реформ консолидированные политические движения левого и центристского толка смогли добиться организации в 1988 г. референдума, по результатам которого чилийские граждане высказались против продления полномочий А. Пиночета.

Последующая либерализация социально-политической системы страны привела к созданию двух коалиций – левоцентристской *“Concertación de Partidos por la Democracia”*, превратившейся в главную демократическую силу поставторитарного периода, и правоцентристского *“La Alianza”*, сторонники которого выступали за восстановление власти военных. Именно этот раскол по линии «демократия / авторитаризм» стал определяющим на современном этапе развития чилийского государства как на уровне национальной политики, так и среди широких общественных слоев (Ruiz Rodríguez & Miranda Olivares, 2017; Torcal & Mainwaring, 2003; De la Cerda, 2022).

Устойчивость современной партийной системы Чили, зиждущуюся на двух больших коалициях, в целом можно объяснить двумя факторами: длительной историей существования партий и особенностями избирательной системы. Во-первых, как отмечалось выше, политические предпочтения чилийцев, которые они выражают в ходе выборов, остались практически неизменными с начала XX в. Существенную роль продолжают играть различные гражданские ассоциации и рабочие союзы, имеющие политическую принадлежность к той или иной партии. Кроме того, ряд исследователей отмечают устойчивые семейные традиции, формирующие индивидуальные идеологические предпочтения, а также отношение к наследию авторитарного периода. Все это находит отражение в голосах, которые получает каждая из коалиций (Angell, 2003).

Другим значимым фактором стабильности коалиционной системы является сложившаяся после возвращения к демократическому режиму биномиальная система. Следует, однако, дополнить: хотя с начала 2000-х гг. среди кандидатов в президенты наметилась тенденция отдавать предпочтение личному, а не опосредованному партийными структурами общению с избирателями (Luna, 2008), особенности электоральной системы не позволили им полностью дистанцироваться от принадлежности к партии – в таком случае сузились бы возможности избранного президента проводить свою политическую программу в Конгрессе.

Несмотря на то, что обе коалиции по-прежнему служат своего рода опорой всей партийной системе Чили, эмпирические исследования демонстрируют существенное снижение уровня поддержки партий среди населения и резкое ослабление партийной идентификации граждан. Так, по данным чилийского Центра общественных исследований (*Centro de Estudios Públicos, CES*), если в начале 1990-х гг. каждый пятый гражданин ассоциировал себя

с какой-либо политической партией³¹, то к середине 2021 г. около 80% чилийцев не связывали свои предпочтения ни с одной из существующих партийных организаций³². Схожий тренд прослеживается в отношении вовлеченности чилийцев в формальные политические процессы, проявляющиеся в динамике участия граждан на выборах: до 2013 г. процент проголосовавших избирателей на всеобщих выборах составлял около 90%, в то время как с 2013 г. этот показатель снизился практически вдвое³³.

Примечательно, что процесс постепенного снижения общественного интереса к политическим партиям происходит на фоне активного экономического роста Чили в поставторитарный период и, одновременно, глубокой поляризации чилийского социума (Singer, 2009). В то же время наблюдается существенное противоречие между критическим восприятием внутри общества подходов государственных институтов к преодолению социально-экономических кризисов, что выражается в дистанцировании политических партий от своих избирателей (De la Cerda, 2022), повышении протестного участия (Carlin, 2011) и ростом гражданской поддержки демократических институтов³⁴.

В политологическом дискурсе последних десятилетий эта нестандартная ситуация наиболее точно (в т.ч. по мнению автора настоящей статьи) объясняется преодолением противоречий между двумя коалициями по линии конфликта «демократия / авторитаризм» при активном содействии партийных и государственных элит. С точки зрения теории, описываемый феномен состоит в том, что партийные идентичности формируются в периоды острой общественной поляризации и сильных социальных потрясений, когда политические элиты *«выталкивают эти конфликты в политическое поле»* (LeBas, 2011; Levitsky, Loxton, Van Dyck & Domínguez, 2016). Таким образом, граждане эмоционально вовлекаются в обозначенный политическими элитами социальный раскол и выбирают определенную сторону в лице политических партий. Когда же конфликт угасает на политическом уровне, снижается и степень вовлеченности в него общественных групп.

Наиболее наглядно эмпирическое действие теории на примере современного Чили описывает Н. Де ла Серда, а также ряд других авторов, изучающих партийную систему этого государства. Основная идея состоит в том, что центральной характеристикой политического ландшафта страны в поставторитарный период явился раскол в обществе между сторонниками периода военной диктатуры и сторонниками демократии, который

³¹ Centro de Estudios Públicos (n.d.) Estudio Social y de Opinión Pública № 16, diciembre 1990. Available at: <https://www.cepchile.cl/encuesta/estudio-social-y-de-opinion-publica-n16-diciembre-1990/> (accessed 10 February 2025).

³² Centro de Estudios Públicos (n.d.) Estudio Social y de Opinión Pública № 85, agosto 2021. Available at: <https://www.cepchile.cl/encuesta/estudio-nacional-de-opinion-publica-n85-agosto-2021/> (accessed 10 February 2025).

³³ Servicio Electoral de Chile (n.d.) Resultados electorales Históricos. Available at: <https://www.servel.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/> (accessed 10 February 2025).

³⁴ Latinobarometro (n.d.) Análisis Online. Available at: <https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp> (accessed 10 February 2025).

выразился в устойчивом противостоянии коалиций *“La Alianza”* и *“Concertación”* соответственно (De la Cerda, 2022; Tironi, Agüero & Valenzuela, 2001; Bargsted & Somma, 2016). В свою очередь, активная гражданская поддержка обеих коалиций формировалась на основе разного эмоционального отношения к периоду диктатуры на коллективном уровне (Bonilla, Carlin, Love, et al., 2011).

По мере консолидации чилийской демократии политические элиты правых сил все больше дистанцировались от поддержки периода военной диктатуры, следствием чего стало не только улучшение их результатов на выборах, но и постепенное ослабление на гражданском уровне конфликта между сторонниками демократии и сторонниками режима А. Пиночета. Усилия политического истеблишмента по достижению консенсуса в понимании демократии как наиболее органичного пути развития Чили привели к стремительному угасанию партийной вовлеченности на массовом уровне. В частности, Н. Де ла Серда относит подобную эволюцию восприятия конфликта по линии «демократия – авторитаризм» к т.н. непрограммным (*nonprogrammatic*) факторам сближения партийных позиций; речь идет прежде всего о переоценке правыми партиями периода военной диктатуры. При этом программные (*programmatic*) различия обеих коалиций остались практически неизменными (De la Cerda, 2022).

Выводы

В настоящей статье были детально рассмотрены ключевые институциональные и историко-культурные характеристики современной партийной системы Чили, которая является фундаментом демократии и воспроизводства политических элит.

Конституционный дизайн наделяет главу исполнительной власти исключительными полномочиями принимать ряд ключевых законодательных решений, что ставит Чили в число сильнейших президентских демократий. Вместе с тем президент вынужден соблюдать баланс в отношениях с многопартийным Национальным Конгрессом, который может ветоировать президентские инициативы – следствие проблемы «двойного меньшинства», выражающейся в отсутствии у президента поддержки абсолютного большинства избирателей и достаточного количества мест в парламенте у партии главы государства. По этой причине для эффективной реализации своей политики президенту приходится тесно взаимодействовать со всеми партиями представляемой им коалиции, а кандидаты на пост главы государства продолжают рассматривать партии и коалиции в качестве ступени для выхода на политическую арену.

Коалиционности партийной системы Чили также продолжает способствовать электоральный дизайн, даже претерпев значительные изменения после реформы 2015 г. Результаты исследований показывают, что несмотря на создание гораздо более благоприятных и справедливых условий на выборах для малых партий, последние по-прежнему не могут конкурировать

с более крупными игроками и должны взаимодействовать с коалициями для вхождения в состав Национального Конгресса. Аналогичный вывод уместен и в отношении независимых кандидатов или представителей от небольших партий на пост президента – их победа будет в решающей степени зависеть от устойчивого позиционирования внутри одной из коалиций. Данная гипотеза в очередной раз нашла свое подтверждение в ходе выборов 2021 г. Для коалиции *"Apruebo Dignidad"* яркая кандидатура Г. Борича стала своеобразным воплощением идей «новых левых». В то же время сам Г. Борич был вынужден опираться на поддержку различных левых и леворадикальных сил, чтобы, во-первых, собрать достаточное для победы количество голосов избирателей, и, во-вторых, в дальнейшем проводить свою политику в парламенте. Важно, однако, отметить, что уже после выборов в правительство Г. Борича вошли также представители левоцентристов, что явилось наглядным свидетельством необходимости проявлять гибкость в условиях чрезмерной поляризации общественных настроений.

В долгосрочной перспективе устойчивость широких партийных коалиций будет обусловлена глубоко укоренившимися в чилийском обществе традициями политического участия широких масс, а также надежными демократическими институтами, которые являются эффективными инструментами выражения запросов населения в формальном политическом поле. Становление прочных партийных коалиций левых и правых партий в поставторитарный период стало результатом политической борьбы между сторонниками демократического строя и военного режима пиночетовской эпохи.

Тем не менее по мере укрепления демократических институтов и устойчивого экономического роста в стране поддержка партий со стороны большинства населения существенно снизилась. Эта тенденция в значительной степени связана с разрешением идеологических разногласий между лидерами левых и правых сил и принятием демократии как наиболее подходящей формы социально-политического устройства Чили. Одновременно в этот период наблюдался рост протестной активности населения, которое ставило под сомнение эффективность действий истеблишмента, в т.ч. партийных элит, в области урегулирования насущных экономических проблем, социального неравенства и ряда коррупционных скандалов.

Несмотря на значительное снижение гражданского доверия к политическим партиям в Чили, этот институт по-прежнему является устойчивым механизмом воспроизводства политических элит, что нашло свое подтверждение в ходе президентских и парламентских выборов 2021 г., которые в очередной раз обернулись противостоянием кандидатов от двух широких коалиций. Можно предположить, что данная тенденция сохранится и в дальнейшем, принимая во внимание не только прочные культурные и исторические традиции партийной системы страны, но и сложившийся институциональный дизайн Чили на современном этапе. Однако, вне всякого сомнения, для укрепления устойчивости демократической системы политическим партиям предстоит уделять более пристальное внимание механизмам активного привлечения

своих избирателей к участию в выборах и политических институтах через повышение уровня их доверия. Наиболее очевидный способ достижения этой задачи видится в имплементации эффективных решений социально-экономических проблем.

Список литературы^А

1. Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. (2009) *Политическая история Чили XX века*. М: Высшая школа.
2. Дьякова Л.В. (2022) Президентские выборы 2021 г. и начало нового политического цикла в Чили. *Латиноамериканский исторический альманах* (33): 100–121. DOI: 10.32608/2305-8773-2022-33-1-100-121.
3. Дьякова Л.В. (2023) «Новые левые» в Чили перед лицом экзистенциальных проблем. *Латинская Америка* (4): 6–21. DOI: 10.31857/S0044748X0024991-9.
4. Ивановский З.В. (2021) Левые режимы в современной Латинской Америке: теоретические концепции и политическая практика. *Латиноамериканский исторический альманах* (31): 126–160. DOI: 10.32608/2305-8773-2021-31-1-126-160.
5. Alemán E., Cabezas J.M. & Calvo E. (2021) Coalition Incentives and Party Bias in Chile. *Electoral Studies* 72: 102362. DOI: 10.1016/j.electstud.2021.102362.
6. Angell A. (2003) Party Change in Chile in Comparative Perspective. *Revista de Ciencia Política* 23(2): 88–108. DOI: 10.4067/S0718-090X2003000200005.
7. Aninat C., Landregan J., Navia P. & Vial J. (2006) *Political Institutions, Policymaking Processes and Policy Outcomes in Chile*. Research Network Working Paper R-521, 1 February. Washington, DC: Inter-American Development Bank. DOI: 10.18235/0011298.
8. Bargsted M.A. & Somma N.M. (2016) Social cleavages and political dealignment in contemporary Chile, 1995–2009. *Party Politics* 22(1): 105–124. DOI: 10.1177/1354068813514865.
9. Blatter J. & Schulz J. (2022). Intergovernmentalism and the crisis of representative democracy: The case for creating a system of horizontally expanded and overlapping national democracies. *European Journal of International Relations* 28(3): 722–747. DOI: 10.1177/13540661221106909.
10. Bonilla C.A., Carlin R.E., Love G.J., et al. (2011) Social or political cleavages? A spatial analysis of the party system in post-authoritarian Chile. *Public Choice* 146(1–2): 9–21. DOI: 10.1007/s11127-009-9580-2.
11. Carey J.M. (2006) Las virtudes del sistema binominal. *Revista de ciencia política* 26(1): 226–235. DOI: 10.4067/S0718-090X2006000100016.
12. Carlin R.E. (2011) Distrusting democrats and political participation in new democracies: Lessons from Chile. *Political Research Quarterly* 64(3): 668–687. DOI: 10.1177/1065912910370692.
13. De Gregorio J. (2005) Crecimiento económico en Chile: Evidencia, fuentes y perspectivas. *Estudios Públicos* (98): 19–82. DOI: 10.38178/cep.vi98.637.
14. De la Cerda N. (2022) Unstable Identities: The Decline of Partisanship in Contemporary Chile. *Journal of Politics in Latin America* 14(1): 3–30. DOI: 10.1177/1866802X211069378.
15. Gamboa R. & Morales M. (2016) Chile's 2015 Electoral Reform: Changing the Rules of the Game. *Latin American Politics and Society* 58(4): 126–144. DOI: 10.1111/laps.12005.
16. LeBas A. (2011) *From Protest to Parties: Party-Building and Democratization in Africa*. Oxford; New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199546862.001.0001.
17. Levitsky S., Loxton J., Van Dyck B. & Domínguez J.I. (2016) *Challenges of Party-Building in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781316550564.
18. Luna J.P. & Altman D. (2011) Uprooted but stable: Chilean parties and the concept of party system institutionalization. *Latin American Politics and Society* 53(2): 1–28. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2011.00115.x.

19. Luna J.P. (2008) Partidos políticos y sociedad en Chile: Trayectoria histórica y mutaciones recientes. In: Fontaine A., Larroulet C., Navarrete J., Walker I. (eds.) *Reforma de los Partidos Políticos en Chile*. Santiago: PNUD, CEP y CIEPLAN, pp. 75–124.
20. Luna J.P. (2024) Disjointed Polarization in Chile's Enduring Crisis of Representation. *Latin American Politics and Society* 66(2): 72–101. DOI: 10.1017/lap.2024.19.
21. Mainwaring S. & Shugart M. (1997) Presidentialism and Democracy in Latin America: Rethinking the Terms of the Debate. In: Mainwaring S., Shugart M. (eds.) *Presidentialism and Democracy in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 12–54.
22. Martínez C.A. & Dockendorff A. (2023) Hyper-Presidentialism under Question: Evidence from Chile. In: Llanos M., Marsteintredet L. (eds.) *Latin America in Times of Turbulence: Presidentialism under Stress*. 1st ed. New York: Routledge, pp. 54–74. DOI: 10.4324/9781003324249-4.
23. Mudde C. (2004) The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition* 39(4): 542–563. DOI: 0.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
24. Nohlen D. (2006) La reforma del sistema binominal desde una perspectiva comparativa. *Revista de Ciencia Política* 26(1): 191–202. DOI: 10.4067/S0718-090X2006000100012.
25. Polanco M.M. (2014) Propensión coalicional en Chile: un análisis de los casos del Frente Popular, la Unidad Popular y la Concertación de partidos por la democracia. *CONfines de Relaciones Internacionales y Ciencia Política* 10(20): 59–90.
26. Ponce de León M. (2017) Estado y Elecciones. La construcción electoral del poder en Chile, siglos XIX y XX. In: Jaksic I., Rengifo F. (eds.) *Historia política de Chile, 1810–2010, Tomo II: Estado y sociedad*. Santiago: Fondo de Cultura Económica.
27. Ruiz Rodríguez L.M. & Miranda Olivares N. (2017) La evolución programática de las coaliciones en Chile. *Revista Latinoamericana de Política Comparada* (13): 57–78.
28. Siavelis P.M. (2001) *Chile: las relaciones entre el poder ejecutivo y el poder legislativo después de Pinochet*. Buenos Aires: Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales. Available at: <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/clacso/gt/20101028020432/8siavelis.pdf> (accessed 10 February 2025).
29. Siavelis P.M. (2016) Crisis of Representation in Chile? The Institutional Connection. *Journal of Politics in Latin America* 8(3): 61–93. DOI: 10.1177/1866802X1600800303.
30. Singer M. (2016) Elite Polarization and the Electoral Impact of Left-Right Placements: Evidence from Latin America, 1995–2009. *Latin American Research Review* 51(2): 174–194. DOI: 10.1353/lar.2016.0022.
31. Somma N.M. (2022) Chilean Democracy, Past and Present. *Latin American Research Review* 57(2): 490–503. DOI: 10.1017/lar.2022.33.
32. Tironi E., Agüero F. & Valenzuela E. (2001) Clivajes políticos en Chile: Perfil sociológico de los electores de Lagos y Lavín. *Revista Perspectivas* 5(1): 73–87.
33. Torcal M. & Mainwaring S. (2003) The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973–95. *British Journal of Political Science* 33(1): 55–84. DOI: 10.1017/S0007123403000036.
34. Valenzuela A. (1999) Chile: Origin and Consolidation of a Latin American Democracy. In: Diamond L., Hartlyn J., Linz J.J. (eds.) *Democracy in Developing Countries: Latin America*. 2nd ed. London: Lynne Rienner, pp. 191–248. DOI: 10.1515/9781685851941-006.
35. Valenzuela J.S. (1997) The Origins and Transformations of the Chilean Party System. In: Devoto F., Di Tella T. (eds.) *Political Culture, Social Movements and Democratic Transitions in South America in the XXth Century*. Milan: Feltrinelli, pp. 47–100.

SHIFTING STABILITY: CHILEAN GENERAL ELECTIONS AS AN INSTITUTIONAL REFLECTION OF DEMOCRATIC TRADITIONS

Arseny Yu. VARSHAVSKY – Postgraduate Student, Comparative Politics Department, MGIMO University.

ORCID: 0009-0009-6672-2448. E-mail: arsenyvarshavsky@gmail.com
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received April 20, 2024

Accepted February 10, 2025

Abstract: The article provides a detailed analysis of Chile's party system, which, at its current stage of political development, has fostered the emergence of two broad party coalitions. These coalitions, the left-oriented *Apruebo Dignidad* and the center-right *Chile Vamos*, serve as a stable foundation for maintaining democratic institutions and reproducing the country's top political elite. The article highlights key institutional, historical, and cultural factors that have shaped the modern political design of the Chilean Republic in its post-authoritarian period, ensuring the traditionally established viability of political parties. The study examines the formal-legal characteristics of Chile's presidential system and electoral process. Within the political power structure, the president plays a central role, possessing broad authority in making key decisions. However, constitutional constraints require the head of the executive branch to engage with parliamentary coalitions to overcome the "double minority" problem, where the president lacks majority support in the National Congress. Party coalition-building is also influenced by the electoral system, under which, even after the 2015 reform, smaller parties continue to face difficulties in independently securing parliamentary seats and are forced to collaborate with larger coalitions. This dynamic is also reflected in presidential elections. A case in point is the victory of Gabriel Boric in 2021: despite his progressive image, he relied on the support of various leftist and center-left forces. The long-term stability of Chile's party system can be attributed, among other factors, to deeply ingrained traditions of political participation and democratic institutions, which enable the integration of public demands into the political process. However, declining public support for parties and growing protest activity indicate existing challenges. The article concludes that despite the crisis of trust in party structures, the coalition system continues to ensure political stability. To strengthen it, parties must focus on addressing current socio-economic issues, which will be a key factor in restoring public trust and reinforcing Chile's democratic institutions.

Keywords: presidentialism, political parties, party systems, party coalitions, party fragmentation, Chile

References:

1. Alemán E., Cabezas J.M. & Calvo E. (2021) Coalition Incentives and Party Bias in Chile. *Electoral Studies* 72: 102362. DOI: 10.1016/j.electstud.2021.102362.
2. Angell A. (2003) Party Change in Chile in Comparative Perspective. *Revista de Ciencia Política* 23(2): 88–108. DOI: 10.4067/S0718-090X2003000200005.

3. Aninat C., Landregan J., Navia P. & Vial J. (2006) *Political Institutions, Policymaking Processes and Policy Outcomes in Chile*. Research Network Working Paper R-521, 1 February. Washington, DC: Inter-American Development Bank. DOI: 10.18235/0011298.
4. Bargsted M.A. & Somma N.M. (2016) Social cleavages and political dealignment in contemporary Chile, 1995–2009. *Party Politics* 22(1): 105–124. DOI: 10.1177/1354068813514865.
5. Blatter J. & Schulz J. (2022). Intergovernmentalism and the crisis of representative democracy: The case for creating a system of horizontally expanded and overlapping national democracies. *European Journal of International Relations* 28(3): 722–747. DOI: 10.1177/13540661221106909.
6. Bogush E.Y. & Shelchikov A.A. (2009) *Politicheskaya istoriya Chili XX veka [Political history of Chile of the XX Century]*. Moscow: Visshaya shkola, 224 p. (In Russian).
7. Bonilla C.A., Carlin R.E., Love G.J., et al. (2011) Social or political cleavages? A spatial analysis of the party system in post-authoritarian Chile. *Public Choice* 146(1–2): 9–21. DOI: 10.1007/s1127-009-9580-2.
8. Carey J.M. (2006) Las virtudes del sistema binominal. *Revista de ciencia política* 26(1): 226–235. DOI: 10.4067/S0718-090X2006000100016.
9. Carlin R.E. (2011) Distrusting democrats and political participation in new democracies: Lessons from Chile. *Political Research Quarterly* 64(3): 668–687. DOI: 10.1177/1065912910370692.
10. De Gregorio J. (2005) Crecimiento económico en Chile: Evidencia, fuentes y perspectivas. *Estudios Públicos* (98): 19–82. DOI: 10.38178/cep.vi98.637.
11. De la Cerda N. (2022) Unstable Identities: The Decline of Partisanship in Contemporary Chile. *Journal of Politics in Latin America* 14(1): 3–30. DOI: 10.1177/1866802X211069378.
12. Diakova L.V. (2022) Presidentskiye vibory 2021 g. i nachalo novogo politicheskogo tsikla v Chili [The Presidential Elections of 2021 and the Beginning of a New Political Cycle in Chile]. *Latinoamerikansky istorichesky almanakh [Latin American Historical Almanac]* (33): 100–121. DOI: 10.32608/2305-8773-2022-33-1-100-121. (In Russian).
13. Diakova L.V. (2023) "Noviye leviye" v Chili pered litsom ekzistentsialnikh problem [The "New Left" in Chile in the face of existential challenges]. *Latinskaya Amerika [Latin America]* (4): 6–21. DOI: 10.31857/S0044748X0024991-9. (In Russian).
14. Gamboa R. & Morales M. (2016) Chile's 2015 Electoral Reform: Changing the Rules of the Game. *Latin American Politics and Society* 58(4): 126–144. DOI: 10.1111/laps.12005.
15. Iwanowski Z.W. (2021) Levyye rezhimy v sovremennoy Latinskoj Amerike: teoreticheskiye konseptsii i politicheskaya praktika [Left-wing Regimes in Contemporary Latin America: Theoretical Concepts and Political Practice]. *Latinoamerikansky istorichesky almanakh [Latin American Historical Almanac]* (31): 126–160. DOI: 10.32608/2305-8773-2021-31-1-126-160. (In Russian).
16. LeBas A. (2011) *From Protest to Parties: Party-Building and Democratization in Africa*. Oxford; New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199546862.001.0001.
17. Levitsky S., Loxton J., Van Dyck B. & Domínguez J.I. (2016) *Challenges of Party-Building in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781316550564.
18. Luna J.P. & Altman D. (2011) Uprooted but stable: Chilean parties and the concept of party system institutionalization. *Latin American Politics and Society* 53(2): 1–28. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2011.00115.x.
19. Luna J.P. (2008) Partidos políticos y sociedad en Chile: Trayectoria histórica y mutaciones recientes. In: Fontaine A., Larroulet C., Navarrete J., Walker I. (eds.) *Reforma de los Partidos Políticos en Chile*. Santiago: PNUD, CEP y CIEPLAN, pp. 75–124.
20. Luna J.P. (2024) Disjointed Polarization in Chile's Enduring Crisis of Representation. *Latin American Politics and Society* 66(2): 72–101. DOI: 10.1017/lap.2024.19.
21. Mainwaring S. & Shugart M. (1997) Presidentialism and Democracy in Latin America: Rethinking the Terms of the Debate. In: Mainwaring S., Shugart M. (eds.) *Presidentialism and Democracy in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 12–54.

22. Martínez C.A. & Dockendorff A. (2023) Hyper-Presidentialism under Question: Evidence from Chile. In: Llanos M., Marsteintredet L. (eds.) *Latin America in Times of Turbulence: Presidentialism under Stress*. 1st ed. New York: Routledge, pp. 54–74. DOI: 10.4324/9781003324249-4.
23. Mudde C. (2004) The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition* 39(4): 542–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
24. Nohlen D. (2006) La reforma del sistema binominal desde una perspectiva comparativa. *Revista de Ciencia Política* 26(1): 191–202. DOI: 10.4067/S0718-090X2006000100012.
25. Polanco M.M. (2014) Propensión coalicional en Chile: un análisis de los casos del Frente Popular, la Unidad Popular y la Concertación de partidos por la democracia. *CONfinés de Relaciones Internacionales y Ciencia Política* 10(20): 59–90.
26. Ponce de León M. (2017) Estado y Elecciones. La construcción electoral del poder en Chile, siglos XIX y XX. In: Jaksic I., Rengifo F. (eds.) *Historia política de Chile, 1810–2010, Tomo II: Estado y sociedad*. Santiago: Fondo de Cultura Económica.
27. Ruiz Rodríguez L.M. & Miranda Olivares N. (2017) La evolución programática de las coaliciones en Chile. *Revista Latinoamericana de Política Comparada* (13): 57–78.
28. Siavelis P.M. (2001) *Chile: las relaciones entre el poder ejecutivo y el poder legislativo después de Pinochet*. Buenos Aires: Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales. Available at: <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/clacso/gt/20101028020432/8siavelis.pdf> (accessed 10 February 2025).
29. Siavelis P.M. (2016) Crisis of Representation in Chile? The Institutional Connection. *Journal of Politics in Latin America* 8(3): 61–93. DOI: 10.1177/1866802X1600800303.
30. Singer M. (2016) Elite Polarization and the Electoral Impact of Left-Right Placements: Evidence from Latin America, 1995–2009. *Latin American Research Review* 51(2): 174–194. DOI: 10.1353/lar.2016.0022.
31. Somma N.M. (2022) Chilean Democracy, Past and Present. *Latin American Research Review* 57(2): 490–503. DOI: 10.1017/lar.2022.33.
32. Tironi E., Agüero F. & Valenzuela E. (2001) Clivajes políticos en Chile: Perfil sociológico de los electores de Lagos y Lavín. *Revista Perspectivas* 5(1): 73–87.
33. Torcal M. & Mainwaring S. (2003) The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973–95. *British Journal of Political Science* 33(1): 55–84. DOI: 10.1017/S0007123403000036.
34. Valenzuela A. (1999) Chile: Origin and Consolidation of a Latin American Democracy. In: Diamond L., Hartlyn J., Linz J.J. (eds.) *Democracy in Developing Countries: Latin America*. 2nd ed. London: Lynne Rienner, pp. 191–248. DOI: 10.1515/9781685851941-006.
35. Valenzuela J.S. (1997) The Origins and Transformations of the Chilean Party System. In: Devoto F., Di Tella T. (eds.) *Political Culture, Social Movements and Democratic Transitions in South America in the XXth Century*. Milan: Feltrinelli, pp. 47–100.

THE ARCTIC AS A NEW DOMAIN OF RUSSIA – TÜRKİYE COLLABORATION

Elena V. KIENKO
Ayşe G. ÇALIK

Abstract: Nowadays the significance of the Arctic is growing at a notable pace. Türkiye that strives to cultivate a robust foreign policy sees the region as a new focal point of its policy. Non-Arctic states, however, including Türkiye, do not have the same scope of the rights as Arctic Coastal states. The character of Russia's involvement is different: as an Arctic Coastal state, with the largest coastline in the Arctic region and a long history of engagement in the region, Russia plays a major role in the region. Like other Arctic Coastal state, it has been and still is determinative in the development of the Arctic marine areas' legal regime.

At this juncture, the Arctic has prompted preliminary explorations between Russia and Türkiye. The pivotal issues that this study seeks to address is whether the Arctic can serve as a new domain of collaboration between Russia and Türkiye regardless of the NATO and whether scientific and economic areas of cooperation in the Arctic are mutually beneficial for both states.

To address this issue authors analysed the main legal documents of Russia and Türkiye related to their maritime policy in the Arctic. Although Türkiye has not published the Arctic policy yet, its legal position on different aspects of legal regime of the Arctic reflected in national laws and in international agreements to which Türkiye is a party. As a result of the study, the authors defined several possible areas of bilateral cooperation in the Arctic, namely, scientific research, commercial shipbuilding, energy projects. General scientific and private scientific methods of cognition composed methodological basis for the study.

Keywords: the Arctic, international cooperation, the Russian Federation, Türkiye, the Arctic Council, science diplomacy, energy, shipbuilding.

Dr. Elena V. KIENKO –Senior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University.
ORCID: 0000-0001-8997-065X. E-mail: e.kienko@inno.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Ayşe Gülsüm ÇALIK – Foreign Policy Expert, MASA Strategic Research Center.
ORCID: 0000-000-3450-7451. E-mail: aysegulsumcalik@gmail.com
51/15 Aziziye, Portakal Çiçeği, Ankara, Türkiye, 06690.

Received January 3, 2025

Accepted January 25, 2025

Conflict of interests: The authors declare no conflicts of interest.

Introduction

The Arctic¹, which has long been considered inaccessible and uninhabitable region because it has been covered with glaciers for centuries, is transforming now into a new geographical shape. According to the study, the earliest ice-free conditions in the Arctic Ocean could potentially occur in the 2030s and are likely to happen before the 2050s (Jahn, Holland, Kay, 2024). The decreasing ice cover of the region creates a new potential for maritime activities, which was previously considered impossible. As the effects of climate change become increasingly evident on a global scale, the Arctic region is witnessing a surge in geopolitical and economic significance. There are several reasons behind this trend. Firstly, global warming affects navigation because traditional sea routes in the Arctic are becoming ice-free most part of the year. Secondly, climate change has impact on the exploration and exploitation of mineral resources. In new conditions it would require less efforts to develop oil and gas deposits. Therefore, the Arctic region has obtained new strategic importance in the geopolitical and economic context for the non-Arctic states, particularly for Türkiye².

Commercial shipping is of vital importance today, especially for maritime powers. Traditionally maritime routes in the Arctic Ocean include the Northern Sea Route (NSR) passing along the Northern coast of the Russian Federation; the Northwest Passage (NWP) passing the Canada's Arctic Archipelago and along the Northern coast of North America³; the Transpolar Sea Route passing straight through the central part of the Arctic Ocean (the North Pole) and the Arctic Bridge connecting Russia and Canada. These shipping routes have different legal regimes. For instance, while the NSR and the NWP are generally referred to as coastal sea routes, the Transpolar Sea Route is recognised as the route stretching across the high seas of the Arctic Ocean, where the principle of freedom of navigation is established by the Convention on the High Seas 1958 and the UN Convention on the Law of the Sea 1982.

The sea routes in the region are emerging as the most important alternatives to the Suez and Panama Canals, which are considered traditional sea routes and used especially in maritime trade between Asia and Europe⁴. Navigation via

¹ According to the international legal doctrine, the Arctic is a northernmost polar region of the Earth centered on the North Pole and bounded by the Arctic Circle (66 degrees 33 minutes north latitude).

² Turkey does not follow the logic of some other non-Arctic states by positioning itself as a "near-Arctic state" like China or "vertical Arctic nation" like Switzerland. The elevation of its territory compared to Europe and Asia makes Turkey a "third pole" (Limon, 2021: 4).

³ Robinson L.J. (2013) Northwest Passage. *The Canadian Encyclopedia*, 12 August. Available at: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/northwest-passage> (accessed 28 November 2024).

⁴ According to Atomflot, from January 1, 2024 to June 30, 2024 nuclear icebreakers provided 438 ship calls in comparison with the same period in 2023 – 435. The total gross tonnage was 50.4 million tons (in comparison with the same period in 2023 – 48.6 million tons). From: *Atomflot Rosatom* (2024) Rosatomflot sets new record for cargo transportation along the Northern Sea Route. Available at: <https://www.rosatomflot.ru/press-centr/novosti-predpriyatiya/2024/07/04/11614-rosatomflot-ustanovil-novyy-rekord-gruzoperevozok-po-severnomu-morskuyu-puti/page,5/> (accessed 28 November 2024).

the water area of the NSR has considerable advantages over other routes. For instance, the NSR is approximately 40% shorter compared to the Suez Canal, which, in turn, may facilitate more than a doubling of vessels' operational energy efficiency performance (Schøyen & Bråthen, 2011: 978). For Türkiye's vessels passing from the Asian markets navigation through the NSR will furthermore drive down fuel costs. Another important benefit for non-Arctic states is the possibility of larger vessels than those admitted for transit through the Suez to use the NSR (Vylegzhanin, Bunik, Torkunova & Kienko, 2020: 287). Moreover, increasing pirate attacks on vessels around African coastline (Akhahenda, Kim, Son & et. al, 2024) and a possible blockage of the Suez Canal as it happened in 2021 (Man-yin Lee & Yin-cheung, 2021) present constant risk for the world trade and remain the major reasons for searching alternative routes⁵.

Nowadays experts and officials from the United States contest legal justification for Russian and Canadian control over Arctic seaways (the NSR and the NWP, respectively) based on art. 234 UNCLOS⁶. They claim that new climate conditions and lack of ice in the Arctic automatically mean this article should not be applicable to these maritime routes and the NSR and the NWP should not be subject to special national regulations of the Russian Federation and Canada (Schreiber, 2019).

In this regard Dr. Alexander N. Vylegzhanin, a renowned Arctic expert, Professor at MGIMO University, emphasized that if ice covers an area in the Arctic waters for less than 6 months of the year, this does not mean the disappearance of the environmental risks caused by navigation in the area; on the contrary, harsh weather conditions, low visibility due to darkness in winter ('polar nights'), and intermittent fog in all seasons remain important 'obstructions' to navigation in the Arctic (Vylegzhanin, 2020).

The Arctic attracts attention due to the diversity and abundance of hydrocarbons and other mineral resources, geopolitical importance and its location between the three continents of the world (Østreng, et al., 2013: 29). According to the U.S. Geological Survey, the Arctic has the largest unexplored prospective area of petroleum. It corresponds to 13% of the world's undiscovered or unexplored oil resources and 30% of its natural gas resources (90 billion barrels of undiscovered

⁵ Statistically, almost half of Turkish shipyards' exports go to Northern European countries (Norway, Iceland). For example, in 2022 the main products exported to Norway by Türkiye were Passenger and Cargo Ships, Fishing Ships, and Delivery Trucks. From: *OEC* (n.d.) Norway/Turkey. Available at: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/nor/partner/tur> (accessed 28 November 2024).

⁶ Art. 234 UNCLOS: "Coastal States have the right to adopt and enforce non-discriminatory laws and regulations for the prevention, reduction and control of marine pollution from vessels in ice-covered areas within the limits of the exclusive economic zone, where particularly severe climatic conditions and the presence of ice covering such areas for most of the year create obstructions or exceptional hazards to navigation, and pollution of the marine environment could cause major harm to or irreversible disturbance of the ecological balance. Such laws and regulations shall have due regard to navigation and the protection and preservation of the marine environment based on the best available scientific evidence". From: *The UN* (n.d.) United Nations Convention on the Law of the Sea. Available at: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (accessed 28 November 2024).

oil and 1,670 trillion cubic feet of natural gas, respectively)⁷. The region also stands out in the field of rare earth mineral resources such as diamonds, tin, zinc, platinum and uranium. Although the existence of subsoil resources in the Arctic was previously known, the high cost of extraction was one of the obstacles for the states in the region. However, with the thawing of permafrost and the advancement of technology, drilling and mining fields have started to develop rapidly and have become effective in global energy markets.

In this regard it is also should be mentioned that Türkiye's participation as a non-Arctic state in the exploration projects is only possible under bilateral agreement with the Arctic states, or under other contracts with Russian and other oil and gas companies which perform exploration and mining of mineral resources on the Arctic continental shelf (Kienko, 2021: 200). The presence and activities of foreign oil and gas companies on the shelf of one of the Arctic states is possible in various form—under a product sharing agreement, as a joint venture or a concession, under service contract, etc. (Kienko, 2021: 200). By now, Turkish energy companies have not been involved in exploration and exploitation projects in the Arctic. Türkiye (company "Renaissance Construction JSC") participated in construction of the Yamal LNG facilities in 2015 – 2016. Some Türkiye's experts, such as Assistant Professor at Recep Tayyip Erdogan University, Rabia Kalfaoglu, consider that Turkish companies can contribute to efficiently exploiting Arctic resources by leveraging their energy technology expertise and participating in projects like electrifying drilling rigs and other energy infrastructure initiatives (Kalfaoglu & Viakhireva, 2024).

Increasing Global Importance of the Arctic Council

The Ottawa Declaration 1996 stated the Arctic Council (AC) is a high-level forum, promoting cooperation, coordination and interaction among the Arctic states⁸, Arctic Indigenous Peoples and other Arctic inhabitants on common Arctic issues, in particular on issues of sustainable development and environmental protection in the Arctic⁹. The AC emerged out of the necessity of cooperation between the eight Arctic states "concerned with the threats to the Arctic environment and the impact of pollution on fragile Arctic ecosystems"¹⁰. According to Professor Young, a Distinguished Professor Emeritus of the Bren School of

⁷ *UNCLOS Debate* (n.d.) Arctic contains huge deposits of oil and natural gas. Available at: <https://www.unclosdebate.org/evidence/248/arctic-contains-huge-deposits-oil-and-natural-gas> (accessed 28 November 2024).

⁸ The Arctic Circle crosses the territories of eight Arctic states, namely the Russian Federation, the United States of America (USA), Canada, Denmark (Greenland), Norway, Sweden, Iceland and Finland. These states are the permanent members of the Arctic Council. The list of the members of the AC is conclusive.

⁹ *The Arctic Council* (n.d.) About the Arctic Council. Available at: <https://arctic-council.org/about/> (accessed 28 November 2024).

¹⁰ *The Arctic Portal* (1991) Arctic Environmental Protection Strategy June 14, 1991. Available at: https://library.arcticportal.org/1542/1/artic_environment.pdf (accessed 28 November 2024).

Environmental Science and Management at the University of California, the AC has been 'a symbol of the emergence of the Arctic as a region and a symbol of both global cooperation and increased awareness in the North' (Young, 2000: 4).

The role of the Arctic states acting within the framework of the AC has been highly praised. As noted, the Head of the Legal Department at the Swedish Ministry of Foreign Affairs emphasizes that "only those Arctic states whose population lives in the Arctic and who realize their sovereignty and jurisdiction over vast areas of the region bear special responsibility for its sustainable development and governance and that has already been demonstrated by the activities of the Arctic Council" (Berkman, Vylegzhanin & Young, 2019).

Nowadays the secondary actors started to be involved in the Arctic issues, accelerating the globalisation process of the region at the same time. By now, 13 non-Arctic states gained the observer status in the Arctic Council (the United Kingdom, Germany, Poland, Netherlands, France, Spain, Italy, China, India, Japan, the Republic of Korea, Singapore and Switzerland)¹¹. Seeking to participate in the activities of the AC as observers they should correspond to the criteria stated in the Arctic Council Rules of Procedure. Annex 2 to Arctic Council Rules of Procedure includes seven criteria for admitting new observers¹².

The applicant should 1) accept and support the objectives of the Arctic Council defined in the Ottawa declaration; 2) recognize Arctic States' sovereignty, sovereign rights and jurisdiction in the Arctic; 3) recognize that an extensive legal framework applies to the Arctic Ocean including, the Law of the Sea; 4) respect the values, interests, culture and traditions of Arctic indigenous peoples and other Arctic inhabitants; 5) demonstrate a political willingness as well as financial ability to contribute to the work of the Permanent Participants and other Arctic indigenous peoples; 6) demonstrate their Arctic interests and expertise relevant to the work of the Arctic Council; and 7) demonstrate a concrete interest and ability to support the work of the Arctic Council, including through partnerships with member states and Permanent Participants bringing Arctic concerns to global decision-making bodies.

It also should be noted that the status is not granted by the AC indefinitely and every four years states are required to submit updated reports. Up to this moment, no observer status has been cancelled, but given the increase in the number of states applying to join it, membership cancellations are possible in the future (Terzi, 2020; Viakhireva, 2019). Albeit decisions in the Arctic Council are the exclusive right and responsibility of the Arctic States, observers may participate in the AC meetings and working groups, propose projects through an Arctic state, make statements during these meetings and participate in the development of the documents in the frame of working groups (Torkunov & Vylegzhanin, 2024: 51).

¹¹ *The Arctic Council* (n.d.) List of Arctic Council Observers. Available at: <https://arctic-council.org/about/observers/> (accessed 28 November 2024).

¹² *The Arctic Council* (n.d.) Arctic Council Rules of Procedure. Available at: <https://oarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/6e73a734-2f8b-40f6-849a-245ef9942790/content> (accessed 28 November 2024).

In 2015 Türkiye has also applied for the observer status in the Arctic Council. This status is seen as an opportunity for Türkiye to be involved in the region (Bires-selioglu et al., 2022), closely follow the developments in the region, contribute to scientific research activities, and work in cooperation with the AC members. The Arctic Council is perceived by Türkiye's scientific community as "a common ground for international scientific collaboration" (Caymaz, 2023) and a "main platform for promoting cooperation, coordination, and interaction among the Arctic states". It also corresponds to Türkiye's desire to promote regional cooperation (Kalfaoglu & Viakhireva, 2024) and to gain legitimacy through established research stations and scientific expeditions (Çetin & Büyüksağnak, 2021: 356).

This application did not enjoy much support from Turkish public opinion (Limon, 2021: 8). Although Türkiye's application was rejected in 2017 and no official reason for the rejection was provided, it has not lost its interest in the region (Kalfaoglu & Viakhireva, 2024). On the contrary, Türkiye has started to prepare for the second application. Türkiye's commitment to become observer in the Arctic Council underscores its long-term strategic interest in contributing to the governance and sustainable development of the Arctic (Kalfaoglu & Viakhireva, 2024). In order to gain this status, Türkiye should also develop a comprehensive Arctic strategy and roadmap, and carry out more scientific researches in the region. In this process, it is very important for Türkiye to transfer its experience gained in the Antarctic to the Arctic region.

Türkiye's Arctic Policy

Although Türkiye has not published an official Arctic strategy yet, Türkiye's interest in the region is not new contrary to popular belief. As Dr. Caymaz states, Celal Nuri Bey, a member of the First Turkish Parliament, visited the region twice (in 1912 and in 1913) and published two books about his experiences in the Arctic. After these visits, Türkiye became a member of international organisations such as the American Geographical Society, decided to participate in the second International Polar Year (1932-1933) and closely followed and participated in subsequent ones (Caymaz, 2024).

The institutionalisation process of polar scientific research in Türkiye started in 2013 when the Türkiye Representative Office of the Association of Polar Early Career Scientists (APECS) was established. In 2014, the Antarctic Science Programme Workshop was held in cooperation with Türkiye and Germany with the support of TÜBİTAK. After three expeditions to the South Pole, Turkish scientists headed North in the summer of 2019 with the first Turkish Arctic Scientific Expedition (TASE) conducted in the Arctic Ocean around the Spitsbergen (Caymaz & Büyüksağnak, 2011: 43-44).

One of the main pieces of evidence of the growing interest of Türkiye in the Arctic was the 'National Maritime Research Strategy of Turkey' published in 2014. This strategic document aimed at encouraging marine research performances in the areas that are out of Türkiye's maritime jurisdiction areas such as the Antarc-

tic and the Arctic with a global point of view¹³. Türkiye includes the Arctic and the Antarctic in its marine research priorities “in order to reach a level that competes with international studies effectively, productively, scientifically and technically”, to make the country arbiter and director in international platform by creating policies towards national interests. These initiatives, which started with the motivation of scientific research, are expanding on economic and cultural fields of work carried out jointly with the states of the region.

Russian experts also hold the opinion that the Turkish government does not divide its foreign policy into the Arctic and the Antarctic, forming a kind of “polar” policy direction that cannot be considered in isolation from each other (Vernigora, 2024; Gutenev & Kalfaoglu, 2022).

The primary regulatory document outlining its polar interest was the “National Polar Science Programme (2018–2022)”, aimed at positioning Türkiye as a leading country in polar science (Kalfaoglu & Viakhireva, 2024). The main goals of the Program are organizing national expeditions to the polar regions under the auspices of the Turkish State Presidency and under the coordination of TÜBİTAK MAM Polar Research Institute (KARE), establishing bilateral relations on polar sciences, sending scientists to other countries' science bases and establishing a Turkish science base in the Antarctic¹⁴.

Türkiye's “National Polar Science Strategy 2023–2035” was published in 2023. According to this strategy, Türkiye strives to be among the leading countries in polar research. The Turkish government, national research institutes and other bodies consistently develop scientific researches and science diplomacy activities with a governance-based approach to achieve this. To be more precise, there are three strategic aims have been defined in the period up to 2035: 1) to achieve scientific excellence by increasing the quantity and quality of national polar science outputs, thereby strengthening Türkiye's position in scientific international organizations and networks; 2) to increase awareness, understanding, and knowledge on polar regions and global climate change; 3) to ensure the sustainability of national polar research¹⁵.

In 2019 to provide support for research and development in polar regions the Polar Research Institute was established. It is within its competence to operate Türkiye's polar research infrastructure, to plan and coordinate logistics, to facilitate communication among relevant organizations, to conduct bilateral international collaborations, to develop and implement the national polar strategy

¹³ *Turkish government* (n.d.) Turkish National Marine Research Strategy document. Available at: https://www.shodb.gov.tr/shodb_esas/orj/kurul/tudas_7405b.pdf (accessed 28 November 2024).

¹⁴ *TÜBİTAK MAM Polar Research Institute (KARE)* (n.d.) Polar program 1001 (Year 2022) for Participation in National Antarctic and Arctic Science Expeditions. Available at: <https://kare.mam.tubitak.gov.tr/en/duyuru/polar-program-1001-year-2022-participation-national-antarctic-and-arctic-science-expeditions> (accessed 28 November 2024).

¹⁵ *TÜBİTAK MAM Polar Research Institute (KARE)* (n.d.) Turkish Polar Science Strategy 2023–2035. Available at: https://mam.tubitak.gov.tr/sites/images/turkish_polar_science_strategy_2023_2035.pdf (accessed 28 November 2024).

in cooperation with stakeholders, to raise awareness of polar regions at national level, to materialise national and international scientific diplomacy on polar regions and to represent Türkiye in the international polar research arena¹⁶.

Another of Türkiye's significant steps in its presence in the Arctic region was its adhesion to the Treaty concerning the Archipelago of Spitsbergen, signed in Paris, February 9, 1920 and became the latest signatory state of the Treaty in 2023. Under the Treaty, the contracting parties recognize the full and absolute sovereignty of Norway over the Archipelago of Spitsbergen (comprising with islands listed in the Treaty), with the limitations prescribed by the articles 2, 3, 7. According to its provisions, Türkiye and its nationals 1) have the equal liberty of access and entry for any reason or object whatever to the waters, fjords and ports of the territories; they may carry on there without impediment all maritime, industrial, mining and commercial operations on a footing of absolute equality; 2) admitted under the same conditions of equality to the exercise and practice of all maritime, industrial, mining or commercial enterprises both on land and in the territorial waters; 3) have the right of ownership of property, including mineral rights, in the territories specified in the Treaty. Moreover, this allows Türkiye to establish a scientific base in Spitsbergen.

Priorities of the Russian Federation in the Arctic

For Russia, economic development in the Russian North and the stability of its Arctic communities remain the top priorities and they figure prominently in Russia's Arctic policy documents (Vylegzhanin, Young, 2021: 3). Priorities of the Russian Federation in the Arctic region can be identified in several laws.

In March 2020 the President of the Russian Federation Vladimir V. Putin signed the Executive Order "Basic Principles of Russian Federation State Policy in the Arctic to 2035". According to the Presidential Executive Office website, this is a strategic planning document aimed at ensuring national security and have been drafted to protect the country's national interests¹⁷.

The main national interests of the Russian Federation in the Arctic are as follows: 1) to ensure Russia's sovereignty and territorial integrity; 2) to preserve the Arctic as a territory of peace and stable mutually beneficial partnership; 3) to guarantee high living standards and prosperity for the population of the Russian Arctic; 4) to develop the Russian Arctic as a strategic resource base and use it rationally to speed up national economic growth; 5) to develop the Northern Sea Route as a globally competitive national transport corridor; and to protect the Arctic environment, the primordial homeland and the traditional way of life of the indigenous minorities in the Russian Arctic¹⁸ Moreover, the foundations of Russia's state policy in the Arctic establishes mechanisms of implementing these goals.

¹⁶ TÜBİTAK MAM Polar Research Institute (KARE) (n.d.) Institutional Overview. Available at: <https://kare.mam.tubitak.gov.tr/en/about-pri/institutional-overview> (accessed 28 November 2024).

¹⁷ Vladimir Putin approved basic principles of state policy in the Arctic. Available at: <http://en.kremlin.ru/acts/news/62947> (accessed 28 November 2024).

¹⁸ Vladimir Putin approved basic principles of state policy in the Arctic. Available at: <http://en.kremlin.ru/acts/news/62947> (accessed 28 November 2024).

In this case the determinative role of the Arctic Council (AC) for Russia (and for other four Arctic Coastal states) also should be noted. Regional format of the AC is reflected not only in the national legislation of the Arctic Coastal states but also in scientific researches (mainly, Russian). Many Russian scientists have come to the conclusion that the creation of the AC is one of the most successful outcomes of cooperation among the Arctic states at the regional level (Vylegzhanin, 2021: 2).

Russia held its chairmanship in the AC in 2021–2023 and had a detailed program with the following priorities during this period¹⁹: 1) to ensure responsible governance for the sustainable development of the Arctic; 2) to promote collective approaches to the balanced development of the Arctic socially, economically, and environmentally based on respect for international law; 3) to maintain the sustainability and vitality of the peoples of the North, promoting measures for their adaption to climate change, improving the wellbeing, health, education, and quality of lives, and ensuring sustainable socioeconomic development throughout the region; 4) to adapt life-sustaining activities and ensure resilience to its consequences, preserve and restore the environment, use natural resources in a sustainable manner, and support the health of Arctic ecosystems; 5) to facilitate the transition to a low-emission economy and to promote the introduction of advanced innovative technologies in the region, including the use of renewable energy sources; 6) to promote sustainable economic development of the Arctic, including reliable energy infrastructure and sustainable transport routes, etc.; 7) to consolidate the Arctic Council as a key format for international Arctic cooperation, improve its work, enhance the efficiency of the Working and Expert Groups and the Secretariat, develop mechanisms to fund the Council's activities, to develop dialogue and contacts with Observers; to promote international scientific cooperation under the auspices of the AC.

Directions of Russia – Türkiye Cooperation in the Arctic

As it was mentioned above, in the future possible areas of the Russia – Türkiye cooperation in the Arctic region may include energy projects and development of the NSR infrastructure. Today bilateral cooperation focused mainly on scientific research projects and to a lesser extent on the commercial shipbuilding.

Scientific cooperation between research groups of two states involves the information and technology sharing. For instance, within the scope of the Third Turkish Arctic Scientific Expedition (TASE-III) held in 2023 around Spitsbergen was to investigate the presence and intensity of anthropogenic impacts on a global scale, as well as, to observe the parameters and effects of global climate change in the Arctic.

Besides different types of projects dedicated to combating with the global warming, there was the project on the implementation of the 2018 Central Arctic Ocean Fisheries Agreement and the Convention for the Conservation of Antarc-

¹⁹ *Arctic Russia* (n.d.) Priorities of Russia's Chairmanship of the Arctic Council. Available at: <https://as.arctic-russia.ru/en/priorities/> (accessed 28 November 2024).

tic Marine Living Resources (Türkiye is a Party to none of them). The Arctic states accepted non-Arctic states as signatories to the 2018 Central Arctic Ocean Fisheries Agreement due to the fact that the agreement covers areas of the high seas in which all states enjoy freedom of fishing (Vylegzhanin & Young, 2021: 4). Nevertheless, there are maritime areas under the jurisdiction of the Arctic Coastal states which inevitably should be crossed in order to get to the Central part of the Arctic Ocean (Vylegzhanin & Young, 2021: 4).

In the future Russian – Türkiye scientific researches around Spitsbergen could be developed in the frame of an international science and education centre. This centre could enable extensive joint research efforts focused on polar science and monitoring of the environment, thus greatly improving the understanding of the Arctic region. These joint scientific initiatives emphasise the mutual interest in using shared expertise to address global environmental challenges.

Moreover, bilateral relations between states have been developing at private entities' level which are involved in the Arctic region for several decades. In particular, the Sedef Shipyard, the largest private shipyard in Türkiye, built a cargo ship named the Arctic Sea for the Soviet Union in 1991. Furthermore, the Çelik Shipyard, which operates in shipbuilding, ship management and tourism business fields, is the first shipyard in Türkiye that has been awarded with the contract for the construction of the vessel to be operated in the polar conditions²⁰.

One of the major global shipyards in Europe, Tersan Shipyard received 45 orders such as fishing vessels and ferries from Russia, USA, Greenland, Norway and Canada between 2010–2019. Tersan also built a krill trawler for Norway to be used in the Antarctic in 2021. Currently, Tersan has several ship orders from different Arctic countries. In addition, Sefine Shipyard, one of the Turkish shipyards, was shortlisted as the sole bidder for Russia's icebreaker tender which was launched by Rosmorrechflot, in 2021²¹.

In 2021, Atomflot, a subsidiary of Rosatom (Russia), signed a construction contract with Kuzey Star Shipyard (Türkiye), for the floating dock for nuclear icebreakers in Murmansk. The Atomflot already has 2 floating docks in Murmansk: PD-0002 which is used only for Russian icebreakers and PD-3 which also carries out third-party vessels repair and maintenance works. They are not capable to service new type of nuclear icebreakers – Project 22220 series icebreakers. It is expected the new floating dock to replace PD-3 because it has more capacity of around 30,000 tons²². In comparison with the dry dock, the floating dock has a major advantage, it can be installed anywhere offshore.

In addition, other Turkish shipyards such as Sanmar, Cemre, Ozata and Çelik Tekne received many orders ranging from ferries to offshore support vessels. Atlas and Akdeniz Shipyard are building ice class vessels in accordance with Polar Code

²⁰ *Eworldship* (n.d.) Çelik Tekne Shipyard. Available at: <https://www.eworldship.com/app/company/2557> (accessed 28 November 2024).

²¹ *Ship Technology* (2021) Turkey-based Sefine Shipyard secures Russian icebreaker tender. Available at: <https://www.ship-technology.com/news/sefine-shipyard-russian-icebreaker-tender/> (accessed 28 November 2024).

²² *Rosatom* (2022) Turkish Start. Available at: <https://rosatomnewsletter.com/2022/04/26/turkish-start/> (accessed 28 November 2024).

requirements. Beşiktaş Shipyard, which is building ice class fuel vessels, Sanmar Shipyard, which won the ice breaker tug tender, and Sefine Shipyard, which participated in ice breaker tenders, can be mentioned as examples (Caymaz, 2024).

Many Turkish shipyards closely follow and increasingly participate in the Nor-Shipping exhibition which annually takes place in Norway. Their growing interest in the region and their ability to offer lower bids make Turkish shipyards stand out as important alternatives to suppliers from other countries for future large-scale projects in the Arctic.

There is no doubt that there is a growing interest in Arctic shipping. In this process, Turkish shipyards have also expanded their vision to participate in Arctic tenders. It is concluded that Russia will continue to invest in large-scale infrastructure projects with new non-Arctic actors such as Türkiye. In addition to sustainability awards for their green technology-based vessels, Turkish shipyards' participation in Russian tenders as sole contractors and the construction of floating docks for Russian icebreakers by 2021 underline their determination to be active actors in the Arctic shipping sector (Caymaz, 2024).

However, international cooperation between Russia and Türkiye in the Arctic faces some challenges. One of the obstacle to Arctic cooperation between two states is that Türkiye does not have clear Arctic policy and this fact complicates understanding of Türkiye's intentions in the region. But the main stumbling block is Türkiye's membership in the North Atlantic Treaty Organization (NATO). Since 1952 NATO has been the cornerstone of Türkiye's defense and security policy²³. And after the NATO enlargement in the region, Russia's cooperation with Türkiye can be seen as a challenge. According to Rabia Kalfaoglu, "Turkey's NATO membership presents a nuanced dynamic in their Arctic relationship" (Kalfaoglu & Viakhireva, 2024). The complex geopolitical situation also exacerbates risks that faced two states in the region. On the other hand, given the historical foreign policy relations between the two states, Türkiye's membership in NATO is not a new situation and bilateral relations have been built on this basis.

Conclusion

Türkiye's main objective in the Arctic reflected in the national programme includes strengthening Türkiye's position in this region, creating a roadmap for Türkiye's Arctic policy, gain the observer status in the AC, increasing the country's scientific and technical competence by encouraging Turkish scientists to conduct polar research, and improving the training of experts in the field of polar sciences. Türkiye is determined to promote the trade volume of Turkish shipyards and strengthen its commercial ties with the Arctic states, especially with the Russian Federation. Although Türkiye is pursuing a balanced policy, there may be risks and challenges for the Russia – Türkiye relations in the Arctic in a long term

²³ *The North Atlantic Treaty Organization* (n.d.) Türkiye and NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/declassified_191048.htm (accessed 28 November 2024).

(Caymaz, 2024). Most importantly, Türkiye is a member of NATO and has not published its strategic roadmap for the region, the official Arctic Policy, yet. Thus, Türkiye's interests in the Arctic have not been clarified.

At this stage, the Russia – Türkiye cooperation in the Arctic is considered to be beneficial for both states. It has extended regardless of the NATO issues. The experts of both sides are jointly working on issues related to the scientific research (mainly, around Spitsbergen), commercial shipbuilding and construction of facilities for Russian major energy projects. It is expected that in the future bilateral cooperation may include development of the NSR infrastructure and participation of Türkiye in exploitation and exploration projects (like electrifying drilling rigs).

References:

1. Akhahenda W., Kim H., Son W.J., Lee J.S., Cho I.S. (2024). Analysis of maritime piracy trends and patterns using spatial autocorrelation in Africa. *Journal of International Maritime Safety, Environmental Affairs, and Shipping*, 8(1–2). DOI: 10.1080/25725084.2024.2325274.
2. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. (2017) *Primenenie i Tolkovanie Soglasheniya ob Usilenii Mezhdunarodnogo Nauchnogo Sotrudnichestva v Arktike* [Application and Interpretation of the Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]* 3: 6–17. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-6-17. (In Russian).
3. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. (eds) (2019) *Baseline of Russian Arctic Laws*. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 734 p. DOI: 10.1007/978-3-030-06262-0.
4. Bird K.J. (2008) Circum-Arctic resource appraisal: Estimates of undiscovered oil and gas north of the Arctic Circle. In: *The U.S. Geological Survey (USGS) Fact Sheet*. DOI: 10.3133/fs20083049.
5. Biresselioglu M.E., Muhittin H.D., Berfu S., Sebnem A., Sitki E. (2022) Assessing Türkiye's Prospective Involvement in the Arctic Region: A Qualitative Inquiry from Energy and Environmental Perspective. *Social Sciences* 11(10). DOI: 10.3390/socsci11100480.
6. Caymaz E. (2023) Conflict or Collaboration? The Role of Non-Arctic States in Arctic Science Diplomacy. *The Arctic Institute*. Available at: <https://www.thearcticinstitute.org/conflict-collaboration-role-non-arctic-states-arctic-science-diplomacy/> (accessed 28 November 2024).
7. Caymaz E. (2024) A research on the Turkish shipyards in the Arctic: Opportunities and challenges. *Polar Science* 41. DOI: 10.1016/j.polar.2024.101100.
8. Caymaz E., Büyüksağnak Y.B., Özsoy B. (2021) National Polar Research as a Manifestation of Turkey's Soft Power. *Bilig Journal of Social Sciences in Turkish World* 99: 27–53. DOI:10.12995/bilig.9902.
9. Çetin O., Büyüksağnak B. (2021) Turkey's interest in the Arctic region: the evaluation of being a party to the Svalbard Treaty. *International Journal of Environment and Geoinformatics (IJEgeo)* 8(3): 350–358.
10. Gutenev M. Yu., Kalfaoglu R. (2022) Nauchnaya diplomatiya Turcii v Arktike [Science diplomacy of Turkey in the Arctic]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta Seriya: Istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences]* 11(1): 142–153. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-142-153. (In Russian).
11. Jahn, A., Holland, M.M., Kay, J.E. (2024) Projections of an ice-free Arctic Ocean. *Nat Rev Earth Environ* 3: 164–176. DOI: 10.1038/s43017-023-00515-9.

12. Kalfaoglu R., Viakhireva N. (2024) Turkey plans to earn recognition in the Arctic by developing its scientific competencies. *RIAC*. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/interview/turkey-plans-to-earn-recognition-in-the-arctic-by-developing-its-scientific-competencies/> (accessed 28 November 2024).
13. Kienko E.V. (2021) Legal framework for the arctic subsoil management cooperation between the People's Republic of China and Arctic states [Pravovye osnovy sotrudnichestva Kitajskoj Narodnoj Respubliki s arkticheskimi gosudarstvami v osvoenii nedr Arktiki]. *Gornyj informacionno-analiticheskij byulleten' [MIAB. Mining Inf. Anal. Bull.]*. (3-1): 199–213. DOI: 10.25018/0236_1493_2021_31_0_199. (In Russian).
14. Limon O. (2021) Arctic Interests and Policy of Turkey: Dilemmas, Approaches and Initiatives. *Arctic Yearbook*: 1–15.
15. Man-yin Lee J., Yin-cheung E. (2021) Wong Suez Canal blockage: an analysis of legal impact, risks and liabilities to the global supply chain. *MATEC Web of Conferences* 339, 01019. DOI: 10.1051/mateconf/202133901019.
16. Østreng W., et al. (2013) The transportation passages of the Arctic Ocean and connecting corridors in southern waters. *Shipping in Arctic Waters*. Springer, Berlin, Heidelberg. DOI: 10.1007/978-3-642-16790-4_2.
17. Schøyen H., Bråthen S. (2011) The Northern Sea Route versus the Suez Canal: cases from bulk shipping. *Journal of Transport Geography* 19(4): 977–983. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2011.03.003.
18. Schreiber M. (2019) Russia and Canada may lose their legal claim to Arctic seaways as ice melts, experts say. *Arctic Today*. Available at: <https://www.arctictoday.com/russia-and-canada-may-lose-their-legal-claim-to-arctic-seaways-as-ice-melts-experts-say/> (accessed 28 November 2024).
19. Terzi Ö. (2020) Contesting the European Union at the “Poles”: A multi-level analysis of contestation of the EU's presence in the Arctic. *Global Affairs* 6(4-5): 399–415. DOI: 10.1080/23340460.2021.1872400.
20. Torkunov A.V., Vylegzhanin A.N. (eds) (2024) *Arkticheskaya pravovaya enciklopediya [Arctic Legal Encyclopedia]*. Moscow: Aspect Press. 280 p. (In Russian).
21. Vernigora A. (2024) Arctic policy of Türkiye [Arkticheskaya politika Tureckoj Respubliki]. *Rossiya i Amerika v XXI veke [Russia and America in the 21st Century]* 4. DOI: 10.18254/S207054760030775-9. (In Russian).
22. Viakhireva N. (2019) The Russian and Canadian Approach to Extra-Regional Actors in the Arctic. *RIAC*. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/the-russian-and-canadian-approach-to-extra-regional-actors-in-the-arctic/> (accessed 28 November 2024).
23. Vylegzhanin A., Bunik I., Torkunova E., Kienko E. (2020) Navigation in the Northern Sea Route: interaction of Russian and international applicable law. *The Polar Journal* 10(2): 285–302. DOI: 10.1080/2154896X.2020.1844404.
24. Vylegzhanin A.N., Young O.R., Berkman P.A. (2021) Russia in the Arctic Chair: Adapting the Arctic Governance System to Conditions Prevailing in the 2020s. *Polar Record* 57(e37): 1–10. DOI: 10.1017/S0032247421000553.
25. Young O.R., Osherenko G. (2005) *The Age of the Arctic: Hot Conflicts and Cold Realities (Studies in Polar Research)*. Cambridge University Press. 336 p.

Сравнительная политика, Том 16, No 1, сс. 112–127
DOI 10.46272/2221-3279-2025-1-16-6

АРКТИКА КАК НОВАЯ СФЕРА СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ТУРЦИИ

Елена Викторовна КИЕНКО – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России.
ORCID: 0000-0001-8997-065X. E-mail: e.kienko@inno.mgimo.ru.
119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Айше Гюльсюм ЧАЛЫК – эксперт по внешней политике, Центр стратегических исследований (MASA), Турция.
ORCID: 0000-000-3450-7451. E-mail: aysegulsumcalik@gmail.com
06690, Турция, Анкара, Бульвар Порткал Чичеги, 51/15.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 03.01.2025

Принята к публикации: 25.01.2025

Аннотация: В настоящее время Арктика становится более значимым регионом на международной арене. Активная внешняя политика Турции распространяется на новое для этого государства направление – Арктический регион. Между тем, неарктические государства, в т. ч. Турецкая Республика, не обладают теми же правами, что и арктические страны. Российская Федерация как арктическое прибрежное государство с самым протяженным побережьем и многовековой историей освоения и изучения Арктики имеет значительно больший объем прав и играет ключевую роль в развитии региона. Как и другие арктические прибрежные государства, Россия влияла и продолжает влиять на правовой режим Арктики. На данном этапе проведение исследований в Арктике является толчком к развитию российско-турецких отношений. В статье авторы поднимают вопросы о том, может ли Арктика стать регионом, в котором будут развиваться двусторонние отношения России и Турции, вне зависимости фактора НАТО; а также являются ли научная и экономическая сферы сотрудничества взаимовыгодными для обоих государств.

Авторы проанализировали основные правовые документы России и Турции, определяющие их арктическую политику. Несмотря на то, что Турция пока не имеет официальной стратегии, ее позиция по различным аспектам правового режима Арктики отражена в национальных законах и в международных соглашениях, участницей которых эта неарктическая страна является. В результате проведенного анализа авторы выделяют научные исследования, судостроение, а также участие в энергетических проектах в качестве перспективных направлений двустороннего сотрудничества в Арктике. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания.

Ключевые слова: Арктика, международное сотрудничество, Российская Федерация, Турция, Арктический совет, научная дипломатия, энергетика, судостроение

Список литературы:

1. Беркман П., Вылегжанин А.Н., Янг О. (2017) Применение и толкование соглашения об усилении международного научного сотрудничества в Арктике. *Московский журнал международного права* (3): 6–17. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-3-6-17>.
2. Вернигора А.А. (2024) Арктическая политика Турецкой Республики. *Россия и Америка в XXI веке* (4). DOI: 10.18254/S207054760030775-9.
3. Гутенев М.Ю., Калфоглу Р. (2022) Научная дипломатия Турции в Арктике. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки* 11(1): 142–153. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-142-153.
4. Киенко Е.В. (2021) Правовые основы сотрудничества Китайской Народной Республики с арктическими государствами в освоении недр Арктики. *Горный информационно-аналитический бюллетень* (3-1): 199–213. DOI: 10.25018/0236_1493_2021_31_0_199.
5. Торкунов А.В., Вылегжанин А.Н. (ред.) (2024) *Арктическая правовая энциклопедия*. М.: Аспект Пресс. 280 с.
6. Akhahenda W., Kim H., Son W.J., Lee J.S., Cho I.S. (2024). Analysis of maritime piracy trends and patterns using spatial autocorrelation in Africa. *Journal of International Maritime Safety, Environmental Affairs, and Shipping*, 8(1–2). DOI: 10.1080/25725084.2024.2325274.
7. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. (eds) (2019) *Baseline of Russian Arctic Laws*. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 734 p. DOI: 10.1007/978-3-030-06262-0.
8. Bird K.J. (2008) Circum-Arctic resource appraisal: Estimates of undiscovered oil and gas north of the Arctic Circle. In: *The U.S. Geological Survey (USGS) Fact Sheet*. DOI: 10.3133/fs20083049.
9. Biresselioglu M.E., Muhittin H.D., Berfu S., Sebnem A., Sitki E. (2022) Assessing Türkiye's Prospective Involvement in the Arctic Region: A Qualitative Inquiry from Energy and Environmental Perspective. *Social Sciences* 11(10). DOI: 10.3390/socsci11100480.
10. Caymaz E. (2023) Conflict or Collaboration? The Role of Non-Arctic States in Arctic Science Diplomacy. *The Arctic Institute*. Available at: <https://www.thearcticinstitute.org/conflict-collaboration-role-non-arctic-states-arctic-science-diplomacy/> (accessed 28 November 2024).
11. Caymaz E. (2024) A research on the Turkish shipyards in the Arctic: Opportunities and challenges. *Polar Science* 41. DOI: 10.1016/j.polar.2024.101100.
12. Caymaz E., Büyüksağnak Y.B., Özsoy B. (2021) National Polar Research as a Manifestation of Turkey's Soft Power. *Bilig Journal of Social Sciences in Turkish World* 99: 27–53. DOI:10.12995/bilig.9902.
13. Çetin O., Büyüksağnak B. (2021) Turkey's interest in the Arctic region: the evaluation of being a party to the Svalbard Treaty. *International Journal of Environment and Geoinformatics (IJEGEO)* 8(3): 350–358.
14. Jahn, A., Holland, M.M., Kay, J.E. (2024) Projections of an ice-free Arctic Ocean. *Nat Rev Earth Environ* 3: 164–176. DOI: 10.1038/s43017-023-00515-9.
15. Kalfaoglu R., Viakhireva N. (2024) Turkey plans to earn recognition in the Arctic by developing its scientific competencies. *RIAC*. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/interview/turkey-plans-to-earn-recognition-in-the-arctic-by-developing-its-scientific-competencies/> (accessed 28 November 2024).
16. Limon O. (2021) Arctic Interests and Policy of Turkey: Dilemmas, Approaches and Initiatives. *Arctic Yearbook*: 1–15.
17. Man-yin Lee J., Yin-cheung E. (2021) Wong Suez Canal blockage: an analysis of legal impact, risks and liabilities to the global supply chain. *MATEC Web of Conferences* 339, 01019. DOI: 10.1051/mateconf/202133901019.
18. Østreng W., et al. (2013) The transportation passages of the Arctic Ocean and connecting corridors in southern waters. *Shipping in Arctic Waters*. Springer, Berlin, Heidelberg. DOI: 10.1007/978-3-642-16790-4_2.

19. Schøyen H., Bråthen S. (2011) The Northern Sea Route versus the Suez Canal: cases from bulk shipping. *Journal of Transport Geography* 19(4): 977-983. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2011.03.003.
20. Schreiber M. (2019) Russia and Canada may lose their legal claim to Arctic seaways as ice melts, experts say. *Arctic Today*. Available at: <https://www.arctictoday.com/russia-and-canada-may-lose-their-legal-claim-to-arctic-seaways-as-ice-melts-experts-say/> (accessed 28 November 2024).
21. Terzi Ö. (2020) Contesting the European Union at the “Poles”: A multi-level analysis of contestation of the EU's presence in the Arctic. *Global Affairs* 6(4-5): 399-415. DOI: 10.1080/23340460.2021.1872400.
22. Viakhireva N. (2019) The Russian and Canadian Approach to Extra-Regional Actors in the Arctic. *RIAC*. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/the-russian-and-canadian-approach-to-extra-regional-actors-in-the-arctic/> (accessed 28 November 2024).
23. Vylegzhanin A., Bunik I., Torkunova E., Kienko E. (2020) Navigation in the Northern Sea Route: interaction of Russian and international applicable law. *The Polar Journal* 10(2): 285-302. DOI: 10.1080/2154896X.2020.1844404.
24. Vylegzhanin A.N., Young O.R., Berkman P.A. (2021) Russia in the Arctic Chair: Adapting the Arctic Governance System to Conditions Prevailing in the 2020s. *Polar Record* 57(e37): 1-10. DOI: 10.1017/S0032247421000553.
25. Young O.R., Osherenko G. (2005) *The Age of the Arctic: Hot Conflicts and Cold Realities (Studies in Polar Research)*. Cambridge University Press. 336 p.

О ВОЗРОЖДЕНИИ ИНТЕРЕСА ГЕРМАНИИ К ЯДЕРНОМУ ОРУЖИЮ

Александр ПАВЛОВ
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Аннотация: По мере нарастания рисков ядерного распространения в фокус исследователей входят страны, которые ранее едва ли ассоциировались с этой проблемой. В силу геополитических причин и изменений в трансатлантических отношениях европейские страны пересматривают национальные военно-политические установки. Так, одним из пунктов повестки является возможное создание автономного от США военного потенциала в ядерной сфере. Наиболее резкие изменения происходят в ФРГ, которая в 2022 г. провозгласила «смену эпох» в оборонной политике. В последнее время немецкие политики и эксперты все чаще высказываются в пользу обретения доступа к ядерному оружию. В годы холодной войны ядерный фактор играл важнейшую роль в политике ФРГ, несмотря на ее безъядерный статус, поскольку в Западной Германии размещался один из крупнейших американских ядерных арсеналов, а территория страны рассматривалась в качестве вероятного театра войны с использованием ядерного оружия. Влиятельные политики в Бонне считали, что ФРГ должна была иметь собственную военную ядерную программу. С окончанием биполярного противостояния этот фактор ушел в прошлое. Возвращение к обсуждению ядерного оружия как гипотетического средства в военном арсенале побуждает рассматривать содержание и практические последствия актуализации этой темы. В настоящей статье рассматриваются роль и динамика ядерного фактора во внешней политике ФРГ. Проанализированы нынешние дискуссии, выявлены основные противоречия обсуждаемых вариантов «нуклеаризации» Германии. Интерес к ядерному оружию, как и в годы холодной войны, обосновывается искусственно нагнетаемой «русской угрозой» и, соответственно, связан с опасениями по поводу американских гарантий безопасности в случае полномасштабного конфликта. В настоящее время перспектива обретения Германией ядерного оружия самостоятельно или с помощью европейских союзников лишена предметного характера. Вместе с тем автор считает, что не следует недооценивать возможные последствия соответствующих дискуссий: актуализация ядерной тематики является частью общего курса Германии на наращивание военного потенциала, включая развитие и развертывание конвенциональных вооружений, представляющих серьезную альтернативу ядерному оружию.

Ключевые слова: Германия, ядерное оружие, ядерное нераспространение, европейская безопасность

Александр Евгеньевич Павлов – младший научный сотрудник Отдела военно-экономических исследований безопасности, Центр международной безопасности, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
ORCID: 0009-0009-6549-7111. E-mail: alexander.e.pavloff@yandex.ru
117997, Москва, Профсоюзная, д. 23.

Поступила в редакцию: 29.01.2025

Принята к публикации: 25.03.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

В последние годы угрозы режиму ядерного нераспространения нарастают (Арбатов, Богданов, et al., 2023: 179–195). В некоторых неядерных государствах ядерное оружие все больше воспринимается как гарантия безопасности в условиях ослабления международных режимов контроля над вооружениями и в свете крупных вооруженных конфликтов¹. Оценивая риски распространения, эксперты выделяют около десятка стран, которые с разной степенью вероятности могут получить доступ к ядерному оружию, среди которых – Иран, Южная Корея, Япония (Орлов, Семенов, et al., 2023).

С избранием Д. Трампа президентом США в 2016 г. интерес к автономному от США ядерному потенциалу стал расти и в крупных европейских странах². Реализация сразу нескольких болезненных для них сценариев – крупномасштабный вооруженный конфликт на Украине и возвращение Трампа в Белый дом – подталкивает к корректировке, если не пересмотру основополагающих констант внешней и оборонной политики. Вероятно, наиболее значимые трансформации происходят в Германии, где с 2022 г. вопросы обороны и безопасности стали одним из приоритетов национальной повестки дня.

Германия имеет длительную и противоречивую историю отношения к ядерному оружию, а в экспертных и политических кругах время от времени ведутся дискуссии о возможных сценариях «нуклеаризации», хотя основополагающие принципы государственной политики современной ФРГ основаны, среди прочего, на отказе от производства, владения и распоряжения оружием массового уничтожения³. Проблематика ядерного оружия и смежных вопросов все чаще звучит в экспертном дискурсе. Так, в 2023–2024 гг. вышли несколько крупных работ, посвященных роли ядерного фактора в политике Германии (Kamp, 2023; Germany and Nuclear Weapons, 2024). В 2024 г. под эгидой Мюнхенской конференции по безопасности и нескольких исследовательских центров Германии и Швейцарии была создана Группа

¹ Kuramitsu S. (2024) Japan's New Leader Stirs Debate on Nuclear Sharing. *Arms Control Association*. November. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2024-11/news/japans-new-leader-stirs-debate-nuclear-sharing> (accessed 27 March 2025); Heiran-Nia J. (2024) Iranians Debate Whether It's Time To Develop Nuclear Weapons. *Stimson Commentary*, 8 November. Available at: <https://www.stimson.org/2024/iranians-debate-whether-its-time-to-develop-nuclear-weapons/> (accessed 27 March 2025); Kim J. (2025) In shift, South Korea's top diplomat says nuclear armament 'not off the table'. *NK News*, 27 February. Available at: <https://www.nk-news.org/2025/02/in-shift-south-koreas-top-diplomat-says-nuclear-armament-not-off-the-table/> (accessed 27 March 2025).

² Например, Wimmer F. (2018) European nuclear deterrence in the era of Putin and Trump. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 8 January. Available at: <https://thebulletin.org/2018/01/european-nuclear-deterrence-in-the-era-of-putin-and-trump/> (accessed 27 March 2025); Tetrais B. (2018) The European Dimension of Nuclear Deterrence. French and British Policies and Future Scenarios. *Finnish Institute of International Affairs*. November Issue. Available at: https://www.fia.fi/wp-content/uploads/2018/11/wp106_tetrais_european_nuclear_deterrence.pdf (accessed 27 March 2025).

³ Юридически закрепленный отказ от ОМУ, главным образом, ядерного оружия был одним из условий окончательного урегулирования в отношении Германии и объединения страны под эгидой ФРГ. См. *Auswärtiges Amt* (n.d.) Vertrag vom 12. September 1990 über die abschließende Regelung in Bezug auf Deutschland (Zwei-plus-Vier-Vertrag). Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/resource/blob/243466/2851e-102b97772a5772e9fdb8a978663/vertragstextoriginal-data.pdf> (accessed 25 March 2025).

европейских ядерных исследований (*ENSG*), которую предполагается превратить в общеевропейскую площадку для изучения вопросов ядерной безопасности⁴. Некоторые авторитетные немецкие эксперты по безопасности призывают повышать «ядерный IQ» ФРГ: изучать и обсуждать ядерный фактор не только в привычном контексте контроля над вооружениями, но и с точки зрения его использования в контексте прикладных военных интересов. Этим, как предполагается, должны заняться Министерство обороны ФРГ, немецкие мозговые центры, вузы и организации, занимающиеся общественно-политическим просвещением⁵.

Новизна текущего момента состоит в том, что эта тема перестала быть табуированной на высоком политическом уровне, став одним из пунктов публичной дискуссии.

Данное изменение не осталось незамеченным крупными российскими исследователями в области безопасности (Арбатов, 2024; Стратегический обзор, 2025: 76–81). Эксперты подчеркивают, что рост интереса немецких политиков и экспертов к ядерному оружию будет иметь последствия как с точки зрения оборонной политики Европейского союза, так и с точки зрения проблем ядерного нераспространения.

В настоящей статье предпринята попытка определить факторы, стимулирующие активизацию немецких дискуссий о ядерной проблематике, и выделить их ключевые содержательные сюжеты. Автор применяет элементы системно-исторического подхода, чтобы показать, как менялась роль ядерного фактора в политике ФРГ⁶. В статье проанализированы обсуждаемые в Германии аспекты ядерной политики, и дана их оценка. Автор приходит к выводу, что интерес ФРГ к ядерному оружию, как в годы холодной войны, так и сегодня, вызван не собственными ядерными амбициями, а сомнениями в твердости востребованных в случае полномасштабного конфликта американских гарантий безопасности, которые формируют основу трансатлантических отношений.

Ядерный фактор в политике послевоенной Германии: основные вехи

С конца 1930-х гг. Германия была одним из пионеров военных исследований в области атома. Нацистскому «Урановому проекту» не удалось продвигаться дальше экспериментального этапа из-за организационных и ресурсных ограничений, но он придал импульс более масштабному «Манхэттенскому

⁴ HSG Institute, the Munich Security Conference and partners found the European Nuclear Study Group (2024) *University of St.Gallen*, 14 February. Available at: <https://www.unisg.ch/en/newsdetail/news/hsg-institute-the-munich-security-conference-and-partners-found-the-european-nuclear-study-group/> (accessed 6 January 2025).

⁵ Например, Kamp K.-H. (2024) Den nuklearen IQ Deutschlands stärken: Ein Plädoyer für mehr Realismus und eine besser informierte Debatte. *Die Bundesakademie für Sicherheitspolitik*. 2/2024. Available at: <https://www.baks.bund.de/de/arbeitspapiere/2024/den-nuklearen-iq-deutschlands-staerken-ein-plaedoyer-fuer-mehr-realismus-und> (accessed 6 January 2025).

⁶ За рамками статьи остаются сюжеты, связанные с размещением советского тактического ядерного оружия на территории ГДР.

проекту» США. После окончания Второй мировой войны немецкие ученые, оборудование и материалы были задействованы в реализации соответствующих советской и американской программ (Ядерное нераспространение, 2009: 42), а некоторые крупные ученые, например, научный руководитель немецкого ядерного проекта Вернер Гейзенберг, продолжили работу в ФРГ.

Несмотря на послевоенные экономические сложности в Германии, уже в 1950-х гг. проблема ядерных технологий приобрела важное значение во внешней и внутренней политике ее западной части – ФРГ. Для первого поколения лидеров Западной Германии, прежде всего канцлера Конрада Аденауэра и министра Франца Йозефа Штрауса, ядерный вопрос был тесно связан с восстановлением международной субъектности, обеспечением безопасности и экономическими соображениями. Интеграция ФРГ в западные структуры безопасности на условиях отказа от производства ОМУ, согласно Парижским соглашениям 1954 г., не мешала ее руководителям подчеркивать свое право на пересмотр этого отказа, если того потребуют международные условия. Партнеры Бонна нередко воспринимали это как шантаж (Lutsch, 2023; Kaiser, 2023).

Сохранение амбивалентности в отношении «ядерных» намерений было, с одной стороны, своеобразным инструментом укрепления американских гарантий безопасности, а с другой – средством повысить престиж ФРГ в кругу западных держав.

Во-первых, руководители ФРГ испытывали сомнения в надежности старшего союзника в лице США. Обстоятельства возникновения Корейской войны 1950–1953 гг. и ход Суэцкого кризиса 1956 г. подтолкнули Бонн к двум выводам: с одной стороны, сокращение вовлеченности США в дела конкретного региона или страны могут быть интерпретированы оппонентами как слабость США и таким образом спровоцировать вооруженный конфликт, с другой – если того потребуют собственные интересы, США могут пойти на сотрудничество с СССР в обход и за счет младших союзников.

Во-вторых, Западная Германия добивалась повышения своего статуса и значимости внутри трансатлантического сообщества и, в частности, в отношениях с США (Kaiser & Krause, 2023). Здесь «ядерная карта» создавала необходимый рычаг давления на союзников.

Эти соображения побуждали Бонн различными средствами цементировать американское присутствие в виде масштабных контингентов и нестратегического ядерного оружия (НСЯО) на своей территории как залог разделения рисков и более быстрой вертикальной эскалации в случае конфликта⁷.

⁷ В Бонне опасались, что сокращение или даже полное прекращение присутствия США позволит последним в случае возможного конфликта ограничить боевые действия территорией Центральной и Восточной Европы таким образом, чтобы ни американская, ни советская территория не были бы затронуты ядерным разменом (Rudolf, 2020).

В первой половине 1950-х гг. Бонн активно поддерживал размещение на территории ФРГ американских носителей НСЯО (артиллерийских и ракетных систем), а с 1955 г. – и самих ядерных боеприпасов. Они не только компенсировали превосходство СССР в конвенциональных средствах, но и повышали статус Западной Германии внутри НАТО. С конца 1950-х гг. бундесвер, которому еще не исполнилось и пяти лет, был интегрирован в планы по применению американского НСЯО, получая соответствующую подготовку и вооружение в рамках Совместных ядерных миссий (СЯМ) НАТО⁸. В годы холодной войны Западная Германия была лидером по количеству размещенных американских боеголовок различного назначения среди союзников США: их максимальное количество в 1970-х гг. составляло порядка 3,5 тыс. единиц или около половины всех американских боезарядов на территории Европы (Norris, et al., 1999: 29)⁹. На западногерманской территории размещалось и британское ядерное оружие.

Не будучи до конца уверенным в прочности американских ядерных гарантий, руководство ФРГ предпринимало шаги и на альтернативном треке. Так, в 1958 г. представители ФРГ, Франции и Италии парафировали секретное соглашение о совместном производстве ядерного оружия на территории Франции (таким образом, Бонн не нарушал своих обязательств по Парижским соглашениям), но президент де Голль в последний момент отказался его подписать (Strauß, 1989: 313–318). По некоторым данным, ФРГ также вплоть до 1960-х гг. проводила исследования, которые можно интерпретировать как создание технологических заделов для создания ядерных боезарядов (Müller, 2000: 6).

В США, несмотря на скепсис по отношению к намерениям ФРГ обрести ядерный статус, внимательно относились к тому, что Бонн обставлял оговорками свой отказ от ОМУ (Kaiser & Krause, 2023). Амбивалентность ФРГ создавала у США впечатление о «нервном союзнике», который будет стремиться к обладанию собственным ядерным оружием (чего Вашингтон хотел бы избежать), если не идти ему навстречу в вопросах безопасности (Kühn, 2024: 263). Нереализованный проект Многосторонних ядерных сил (*The Multilateral Force*), а также включение ФРГ в число постоянных членов Группы ядерного планирования (ГЯП) НАТО, созданной в 1966 г., во многом были попыткой американцев снять эту амбивалентность и соответствовали представлениям Бонна о престиже и равном статусе в кругу западных держав (Rudolf, 2020). Тем не менее влияние Западной Германии, как и любого другого европейского члена ГЯП на американскую стратегию ядерного сдерживания было, скорее,

⁸ Zentrum für Militärgeschichte und Sozialwissenschaften der Bundeswehr (2022) Warum wurde die Bundesrepublik keine Atommacht? 4. Oktober. Available at: <https://www.zms.bundeswehr.de/de/aktuelles/zmsbw-kanal-aktuelles-meldungen/zmsbw-meldungen-adenauer-nuklearfrage-5504628> (accessed 6 January 2025).

⁹ National Security Archive (2020) The U.S. Nuclear Presence in Western Europe, 1954–1962, Part I. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2020-07-21/us-nuclear-presence-western-europe-1954-1962> (accessed 6 January 2025).

условным. Этот формат предполагал не совместное решение, а лишь обмен информацией (фактически доведение Вашингтоном информации до своих союзников), и решение о применении ядерного оружия оставалось за Соединенными Штатами.

Манипулирование Бонном гипотетическим ядерным статусом ставило Западную Германию в положение *enfant terrible* по обе стороны «железного занавеса». Более того, по мере развития гражданской ядерной программы (порогового потенциала¹⁰) и выхода на международный рынок ядерных технологий Западная Германия стремилась ослабить международный контроль над атомной промышленностью и сотрудничеством с третьими странами в сфере ядерной энергетики¹¹. Это во многом обусловило кооперативное поведение США и СССР в процессе переговоров по ДНЯО. К примеру, в 1950–1960-х гг. связь «немецкого вопроса» с возможным появлением «ядерной» ФРГ была даже более сильным «раздражителем» для Москвы, чем контролируемые американцами СЯМ НАТО¹². Впрочем, и присоединение ФРГ к договору после острых внутривластных дискуссий¹³ лишь отчасти ослабило эти опасения, так как Западная Германия по-прежнему ставила свои коммерческие и технологические интересы выше, чем ограничения ДНЯО и требования США (Kühn, 2024: 265).

В 1960–1970-х гг. на фоне происходивших в стране внутривластных изменений в политическом и военном руководстве ФРГ начало расти осознание того, что стремление к «большей» безопасности, понимаемое Западной Германией как размещение большего количества ядерных вооружений на своей территории, одновременно означало и больший риск гарантированного уничтожения всей Германии как главного театра военных действий. Это осознание стимулировало возникновение «Новой восточной политики»

¹⁰ В 1966 г. Разведка США полагала, что ФРГ может создать боезаряд в течение года. См. West German Capabilities and Intentions to Produce and Deploy Nuclear Weapons (1966) *National Intelligence Estimate* 23–66. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/16444-document-11-national-intelligence-estimate-23-66> (accessed 25 March 2025).

¹¹ Примечательно, что ослабление контроля над оборотом ядерных технологий и материалов в интересах своей атомной промышленности противоречило интересам в области нераспространения главного союзника ФРГ – США. Сотрудничество западных немцев с Аргентиной, Бразилией и Ираном вызывало сильное недовольство в Вашингтоне, которое в ФРГ игнорировали (Müller, 2000: 8; Kaiser & Krause, 2023).

¹² Дегтярев Н. & Орлов В. (2020) Совместные ядерные миссии НАТО и вопрос соблюдения обязательств государств-членов Договора о нераспространении ядерного оружия. *Индекс безопасности. ПИР-Центр*, № 8 (12) Available at: <https://pircenter.org/editions/index-bezopasnosti-8-12-2020/> (дата обращения: 27.03.2025).

¹³ Примечательно, что боннские консерваторы активно выступали против подписания (1969 г.), а затем и ратификации (1974 г.) ДНЯО. По их мнению, он фиксировал для ФРГ более тяжелые обязательства, чем Версальский договор 1919 г., который среди прочего накладывал серьезные ограничения на вооруженные силы Веймарской республики. Например: Strauß, 1989: 266; Lutsch, A. (2024) The Federal Republic of Germany and the NPT, 1967–1969. *Wilson Center**, 29 January. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/federal-republic-germany-and-npt-1967-1969> (accessed 27 March 2025).

* Генеральная прокуратура признала деятельность международной неправительственной организации «Международный научный центр им. Вудро Вильсона» (Woodrow Wilson International Center for Scholars) нежелательной на территории Российской Федерации.

и поддержку процесса разрядки в Европе. Тем не менее опасения по поводу «недостаточной» безопасности и ослабления вовлеченности США снова дали о себе знать в конце 1970-х гг., когда Западная Германия инициировала «двойное решение» НАТО – один из катализаторов т.н. кризиса евrorакет – масштабного размещения на территории стран Европы американских и советских ракет средней и меньшей дальности, способных нести ядерные заряды. Эти опасения, в конце концов, удалось преодолеть благодаря согласованию условий объединения Германии, вписанного в контекст преодоления военного противостояния в Европе. Одним из условий объединения страны был отказ от производства, владения и распоряжения ОМУ по Договору «2+4».

В начале 1990-х гг. крупные теоретики международных отношений предполагали, что объединенная Германия будет стремиться в ядерный клуб держав (Mearsheimer, 1990; Waltz, 1993), однако их прогнозы не оправдались. Германия получила крупнейшие «мирные дивиденды» благодаря изменению военно-политического ландшафта в Европе, в том числе расширению НАТО на восток. ФРГ превратилась в активного сторонника контроля над вооружениями и нераспространения ядерного оружия, в частности поддержав бессрочное продление ДНЯО в 1995 г. Одновременно в стране происходило сворачивание гражданской атомной энергетики¹⁴.

В новом подходе ФРГ к вопросам ядерного нераспространения содержалось важное противоречие. Теперь Берлин был вынужден балансировать между стремлением сохранять трансатлантическое единство (или, как минимум, его видимость), символическим выражением которого были американские ядерные бомбы на авиабазе в Бухеле¹⁵, и популярностью антиядерных установок в обществе, проецируемых на внешнюю политику. Особый накал в этом конфликте был достигнут в 2010–2012 гг., когда крупные фракции в бундестаге требовали вывести американское НСЯО с территории Германии¹⁶. Представители левых партий и в последующем ставили этот вопрос на повестку дня¹⁷. Таким образом, если в годы холодной войны ФРГ опасалась за прочность связей с США и стремилась обеспечить их возможно более широкое ядерное присутствие на своей территории, то теперь она сама давала повод усомниться в прочности трансатлантических отношений, ставя под вопрос целесообразность сохранения американских ядерных бомб на национальной территории и участия в СЯМ НАТО. Несмотря на то, что инициативы

¹⁴ Формальное соглашение с отраслью принято в 2001 г. правительством Г. Шредера, в апреле 2023 г. от сети были отключены последние три АЭС.

¹⁵ В 1990–2000-х гг. формат и масштабы СЯМ были резко сокращены. В Европе остается порядка 100 авиабомб B61, из них 10–15 размещены на авиабазе Бухель в немецкой федеральной земле Рейнланд-Пфальц. Подробнее о нынешнем состоянии СЯМ см. Kristensen, et. al., 2023.

¹⁶ Например, *Deutscher Bundestag* (2010) Deutschland muss deutliche Zeichen für eine Welt frei von Atomwaffen setzen. Antrag der Fraktionen CDU/CSU, SPD, FDP und BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. 24. März. Available at: <https://ds.server.bundestag.de/btd/17/011/1701159.pdf> (accessed 27 March 2025).

¹⁷ *Die Süddeutsche Zeitung* (2020) SPD-Fraktionschef fordert Abzug von US-Atomwaffen aus Deutschland. 2. Mai. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/politik/atomwaffen-usa-deutschland-abzug-muetzenich-spd-cdu-1.4895069> (accessed 27 March 2025).

по выводу американского НСЯО были не государственными, а партийными, и не привели к заявленной цели, они тем не менее вызывали тревогу и недовольство в альянсе¹⁸.

Так или иначе, официальная позиция ФРГ осталась консервативной. После начала украинского кризиса в 2014 г. Германия, по оценкам экспертов, поддерживала тенденцию на повышение роли ядерной тематики в ежегодных заявлениях и коммюнике альянса (Bunde, 2024: 98–99)¹⁹. А в 2022 г. правительство ФРГ после нескольких лет раздумий одобрило закупку американских истребителей-бомбардировщиков *F-35* на смену морально устаревшим самолетам-носителям ядерных бомб *Tornado IDS*²⁰, что подтвердило готовность Германии оставаться частью ядерной политики НАТО и, по-видимому, знаменовало завершение немецкой «фронды»²¹.

Возвращение интереса к ядерному оружию

В современной немецкой дискуссии о необходимости развивать собственный или европейский ядерный потенциал можно выделить несколько периодов активизации: в 2016–2017 гг. и с 2022 г.²². Первый был стимулирован жестким подходом администрации президента США Д.Трампа по отношению к европейским союзникам и ее общим скепсисом в отношении НАТО, второй – началом СВО на Украине и ожиданием второго президентского срока Трампа. Комбинация этих факторов отчасти напоминает ситуацию ФРГ в годы холодной войны, для которой были характерны сомнения в американских гарантиях безопасности и ожидание военной опасности с востока. Адекватность оценки такой опасности немецкой стороной тогда и сейчас, очевидно, может быть поставлена под вопрос.

¹⁸ Симптоматичны призывы авторитетных американских экспертов не подрывать единство альянса. Например, Roberts B. (2021) Germany and NATO's Nuclear Deterrent. *Die Bundesakademie für Sicherheitspolitik* 7/2021. Available at: https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/working_paper_2021_7_.pdf (accessed 6 January 2025).

¹⁹ К примеру, в коммюнике НАТО по итогам саммита в 2016 г. вошло положение о том, что размещенные в Европе ядерные авиабомбы являются частью, ядерного сдерживания Альянса (ранее речь шла только о стратегических силах США), а в 2018 г. была подчеркнута важность европейского вклада в СЯМ НАТО См. NATO (2016) Warsaw Summit Communiqué. 9 July. Available at: https://www.nato.int/cps/cn/natohq/official_texts_133169.htm (accessed 27 March 2025); NATO (2018) Brussels Summit Declaration. 11 July. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (accessed 27 March 2025).

²⁰ Ермаков А. (2022) Молниеносная сделка. Германия приобретает F-35 в качестве носителя ядерного оружия. *Российский совет по международным делам*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/molnienosnaya-sdelka-germaniya-priobretayet-f-35-v-kachestve-nositelya-yadernogo-oruzhiya/> (дата обращения: 06.01.2025).

²¹ Партии немецкого политического мейнстрима, отстаивающие антиядерную повестку (СДПГ, Зеленые), проявляют достаточную гибкость. Показательно изменение позиции партии «Союз_90/Зеленые». Она традиционно ассоциировалась с пацифизмом и антиядерными инициативами, но, войдя в правительство в 2021 г., адаптировала свои позиции, в частности отказалась от безоговорочной поддержки Договора о запрещении ядерного оружия (вступил в силу 2021 г.).

²² Подробнее об инициаторах дискуссии и их тезисах см. Volpe & Kühn, 2017; Lutsch, 2023.

Инициаторами первой волны обсуждений в 2016–2017 гг. стал небольшой и разрозненный круг депутатов консервативной партии ХДС, консервативных экспертов-международников и журналистов²³. Тогда же были очерчены основные варианты ядерной политики: поддержание технологической базы для быстрого производства ядерного оружия, создание собственной бомбы, сотрудничество с Францией и Великобританией (Volpe & Kühn, 2017). Последний, наиболее обсуждаемый и реалистичный из трех, предполагал создание франко-британского «ядерного зонтика» для ЕС на случай отказа США от своих обязательств в рамках НАТО. По мнению сторонников этого предложения (среди наиболее активных был депутат ХДС Р. Кизеветтер), для этих сил должно быть создано общее командование, а они сами – размещаться в различных странах ЕС и финансироваться общеевропейскими структурами. Примечательно, что европейские ядерные силы, как полагалось, будут существовать параллельно или даже заменят СЯМ НАТО. Эксперты в аппарате немецкого парламента заключили, что такой формат не нарушает международных обязательств Германии по букве ДНЯО и Договора «2+4», а финансирование может производиться из бюджета Министерства обороны ФРГ²⁴.

Соответствующие высказывания и публикации были ярким инфоповодом, однако не повлекли за собой видимых политических последствий. Выступления отдельных политиков, несмотря на их авторитет, не были официальной позицией немецкого правительства. Но они были важны по другой причине – мысли вслух о немецкой или европейской бомбе стали восприниматься как «нормальный» элемент рассуждений о перспективах оборонной политики Германии и «стратегической автономии» ЕС²⁵.

С 2022 г. обсуждение сценариев «нуклеаризации» Германии вышло на новый уровень.

Во-первых, заметно вырос статус участников (Kunz & Kühn 2024: 116–117). Так, в поддержку различных «ядерных опций» прямо или косвенно высказывались председатель бундестага В. Шойбле²⁶, председатель фракции «Европейская народная партия» (объединяет консервативные партии) в Европарламенте – М. Вебер, бывший советник канцлера Меркель по внешней политике, председатель Мюнхенской конференции по безопасности К. Хойсген, а также лидер ХДС и вероятный канцлер Ф. Мерц.

²³ В частности: Shalal A. (2016) German lawmaker says Europe must consider own nuclear deterrence plan. *Reuters*, 16 November. Available at: <http://www.reuters.com/article/ukgermany-usa-nuclear-idUSKBN13B1GO> (accessed 27 March 2025); Kohler B. Das ganz und gar Undenkbare (2016) *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 27. November. Available at: <http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/nach-donaldtrump-sieg-deutschland-muss-aussenpolitik-aendern-14547858.html> (accessed 27 March 2025); Terhalle M. (2017) If Germany Goes Nuclear, Blame Trump Before Putin. *Foreign Policy*, 3 April. Available at: <https://foreignpolicy.com/2017/04/03/if-germany-goes-nuclear-blame-trump/> (accessed 27 March 2025).

²⁴ *Die Wissenschaftlichen Dienste des Deutschen Bundestages* (2017) Völkerrechtliche Verpflichtungen Deutschlands beim Umgang mit Kernwaffen. Available at: <https://www.bundestag.de/resource/blob/513080/c9a903735d5ea334181c2f946d2cf8a2/wd-2-013-17-pdf-data.pdf> (accessed 6 January 2025).

²⁵ Например, Lübke-meier, 2020.

²⁶ Умер в 2024 г.

Во-вторых, расширился политический спектр сторонников развития автономного от США потенциала ядерного сдерживания. Если раньше это было прерогативой консерваторов, то теперь идею поддерживали представители других крупных партий. Так, в 2023 г. бывший министр иностранных дел ФРГ (1998–2005) и представитель партии «Зеленые/Союз 90» Й. Фишер призвал создать европейские ядерные силы, так как французские и британские ядерные силы неадекватны «российской угрозе» (это тем более примечательно, что ранее «Зеленые» были главными противниками ядерного оружия в немецком политическом мейнстриме)²⁷. В 2024 г. на фоне критики Д. Трампа в отношении европейских союзников о возможности рассмотреть «ядерные опции» для Германии говорили тогдашний вице-канцлер, министр финансов и лидер СвДП К. Линднер, а также крупные представители социал-демократов²⁸.

В-третьих, налицо готовность немецких авторитетных интеллектуалов за пределами круга специалистов по безопасности обсуждать ядерные перспективы Германии, способствуя формированию благоприятного общественного мнения. Тему подхватили влиятельные и широко узнаваемые исследователи, например, историк и политолог Х. Мюнклер и руководитель Института экономических исследований К. Фуэст²⁹.

На текущем этапе приоритет отдается общеевропейскому варианту ядерного сдерживания, костяком которого должны стать французские и, возможно, британские силы. Не исключается привлечение других держав, например, Польши. Франция рассматривается в качестве приоритетного партнера³⁰, тем более что она неоднократно предлагала Германии соответствующий «стратегический диалог». Сотрудничество с Францией может включать участие немецких военнослужащих в учениях французских ВВС «Покер» по отработке применения ядерного оружия, предоставление аэродромов для базирования французских самолетов-носителей, а также возвращение Франции к координации ядерной политики в рамках НАТО (Horowitz

²⁷ *Süddeutsche Zeitung* (2023) Die EU braucht eine eigene atomare Abschreckung, 3. Dezember. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/politik/joschka-fischer-atomwaffen-eu-russland-1.6313443> (accessed 6 January 2025).

²⁸ *Der Spiegel* (2024) Lindner plädiert für Gespräche mit Macron über atomare Abschreckung, 14. Februar. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/atomwaffen-in-europa-christian-lindner-plaedierte-fuer-gespraech-mit-emmanuel-macron-a-e3d36412-151b-4964-a811-d3b96ea4ba27> (accessed 6 January 2025).

²⁹ Мюнклер предлагает создать общеевропейскую бомбу, контроль над которой будет передаваться между крупнейшими странами ЕС, а Фуэст указывает на экономическую «дешевизну» ядерного оружия в сравнении с конвенциональными силами. См. *Deutschlandfunk* (2023) Politologe Herfried Münkler rät Europa zur atomaren Aufrüstung. 29. November. Available at: <https://www.deutschlandfunk.de/politologe-herfried-muenkler-raet-europa-zur-atomaren-aufueistung-100.html> (accessed 6 January 2025); Fuest C. (2024) Wachstumsagenda 2030 – wie kann Deutschland wieder Erfolgsgeschichten schreiben? *ifo-Institut*. 9. Dezember. Available at: <https://www.ifo.de/mediathek/2024-12-09/wachstumsagenda-2030-wie-kann-deutschland-wieder-erfolgsgeschichten-0> (accessed 6 January 2025).

³⁰ Europe Is Quietly Debating a Nuclear Future Without the US (2024) *Politico*, April, 7. Available at: <https://www.politico.com/news/magazine/2024/07/04/europe-us-nuclear-weapons-00166070> (accessed 6 January 2025).

& Wachs, 2023). Обсуждается и возможность финансового участия ФРГ в поддержании французского ядерного потенциала. Ролевой моделью здесь выступают франко-британские Ланкастерские соглашения в сфере обороны 2010 г., которые предполагают сотрудничество в поддержании безопасности и технической готовности ядерных боезарядов³¹.

Важно подчеркнуть, что тема «нуклеаризации» Германии до настоящего момента не получила поддержки правительства³², будучи частью *политического*, а не государственного дискурса. В официальных стратегических документах ФРГ по внешней и оборонной политике, принятых уже после 2022 г., серьезных новаций на этом направлении не прослеживается, если не считать подчеркивание приверженности СЯМ НАТО, участие в которых ранее вызывало внутривластные противоречия³³.

Варианты «нуклеаризации» и их проблемы

Создание Германией собственной бомбы или получение доступа к ядерному оружию через коллективный европейский формат представляются автору маловероятными – по крайней мере в ближайшей и среднесрочной перспективе. Это потребует масштабного финансирования, длительных сроков реализации, устранения внутри- и внешнеполитических проблем. Но самое главное – обоснование этого шага в немецком информационном пространстве (гипотетическая «русская угроза») не соответствует реальному положению вещей. Руководство России непосредственно и через своих представителей неоднократно и однозначно подчеркивало отсутствие намерений развязывать военный конфликт со странами-членами НАТО³⁴. Эта позиция пока не была услышана немецкими «ястребами». С их стороны так и не прозвучало и внятных аргументов о том, как конкретно ядерное оружие может повысить безопасность Германии и чем оно лучше прекращения противостояния в Европе.

³¹ Также см. Kamp K.-H. (2024) Germany's Nuclear Interests. *Center for Global Security Research. Lawrence Livermore National Laboratory*, 22 January. Available at: <https://cgsr.llnl.gov/event-calendar/2024/2024-01-22> (accessed 6 January 2025).

³² *The Telegraph* (2017) Merkel forced to deny Germany planning to lead a European nuclear superpower. 9 February. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/02/09/merkel-forced-deny-germany-planning-lead-european-nuclear-superpower/> (accessed 6 January 2025); *Der Spiegel* (2024) Kanzler Scholz gegen eigenen europäischen Atomschirm. 16. Februar. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/olaf-scholz-gegen-einen-europaeischen-atomschirm-a-b88c1513-c633-4e8d-8882-87a2262f1dbc> (accessed 6 January 2025).

³³ *Die Bundesregierung* (2023) Integrated Security for Germany. National Security Strategy. Available at: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf> (accessed 6 January 2025); *Das Bundesministerium der Verteidigung* (2023) Verteidigungspolitische Richtlinien. Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5701724/eacb54dfc428b6808c9088402de91836/broschuere-verteidigungspolitische-richtlinien-2023-data.pdf> (accessed 6 January 2025).

³⁴ ТАСС (2023) Путин заявил, что РФ не собирается нападать на НАТО, 19 декабря. Available at: <https://tass.ru/politika/19580031> (accessed 6 January 2025); *Сайт Президента России* (2024) Встреча с руководителями международных информагентств, 5 июня. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/74223> (accessed 6 January 2025); РБК (2024) Кремль назвал нелогичным говорить об угрозе для НАТО со стороны России, 14 октября. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/14/10/2024/670ceffe9a7947d092b182f5> (accessed 6 January 2025).

«Немецкая» бомба, если абстрагироваться от ее международно-политических проблем³⁵, столкнется со значительными техническими, экономическими и внутривнутриполитическими трудностями. Вопреки некоторым давним стереотипам, Германии, особенно в условиях нынешних кризисных явлений в экономике, едва ли хватит материальных и кадровых ресурсов для военной ядерной программы. Несколько функционирующих исследовательских реакторов и небольшие запасы высокообогащенного урана вряд ли можно считать серьезным аргументом (Volpe & Kühn, 2017: 11). Использование не по назначению сохраняющихся в стране мощностей по обогащению урана и производству ядерного топлива вызовет глубокий кризис в отношениях с союзниками³⁶. Во внутренней политике колоссальные затраты на национальную ядерную программу потребуются «продать» налогоплательщикам, рискуя своим политическим капиталом. Успех здесь, как показывает поддержка растущих затрат на бундесвер, возможен, но неочевиден ввиду сохранения широкого антиядерного консенсуса (Müller, 2000: 10). Так, согласно социологическим опросам, 70–90% немцев, несмотря на события 2022 г. и более поздние, отвергают разработку «национальной» бомбы (Onderco, 2024: 138–143).

Участие Германии в создании европейского потенциала ядерного сдерживания на основе французского и британского арсеналов является более реалистичным сценарием, хотя и по-прежнему маловероятным. Показательно, что подобные обсуждения в экспертной среде получили название «зомби-дебаты» (Lutsch, 2023)³⁷. Франция по меньшей мере с середины 1990-х гг. предлагала Германии включиться в т.н. стратегический диалог (Перспективы участия..., 2012, 47–58), имея в виду обмен мнениями о возможном превращении французского ядерного оружия в инструмент общеевропейского ядерного сдерживания. Однако ФРГ пока ни разу не откликнулась на эти предложения из-за опасений дрейфа в сторону от Вашингтона и раскола внутри НАТО (Kunz & Kühn, 2024).

Со сменой правительства ФРГ в 2025 г., официальная позиция ФРГ относительно предлагаемого Францией «стратегического диалога», вероятно, изменится. Еще в 2024 г. партия ХДС, позднее победившая на парламентских выборах, включила в партийную программу пункт о стремлении создать общеевропейский ядерный зонтик с участием Германии, Франции и Великобритании в интересах повышения военной самостоятельности европейских стран НАТО³⁸. Показательна динамика позиции председателя ХДС

³⁵ Помимо нарушения ряда фундаментальных международно-правовых обязательств, нельзя исключать, что любая попытка ФРГ создать собственное ядерное оружие приведет к возрождению «немецкого вопроса» в Европе, который уже дважды в истории был решен военным путем (Volpe & Kühn, 2017; Kunz & Kühn 2024: 123–126).

³⁶ Эти мощности принадлежат Германии частично, либо являются иностранной собственностью.

³⁷ Kamp K.-H. (2024) Nuclear Hot Air: The German Debate on Nuclear Weapons. *Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik*. 20. Februar. URL: <https://dgap.org/en/research/publications/nuclear-hot-air-german-debate-nuclear-weapons> (accessed 6 January 2025).

³⁸ *Grundsatzprogramm der CDU Deutschlands* (2024). S. 29, 64. Available at: https://www.grundsatzprogramm-cdu.de/sites/www.grundsatzprogramm-cdu.de/files/downloads/240507_cdu_gsp_2024_beschluss_parteitag_final_1.pdf. (accessed 6 January 2025).

и вероятного канцлера Ф. Мерца. Будучи в оппозиции, он оставлял открытым вопрос о необходимости создания немецкого ядерного оружия³⁹. После победы ХДС/ХСС на выборах Мерц скорректировал свое видение в соответствии с международными обязательствами ФРГ: Германия не может и не должна иметь ядерное оружие; необходимо *обсудить* усиление потенциала ядерного сдерживания на основе сотрудничества с Францией и Великобританией; это сотрудничество должно *дополнять* американские ядерные гарантии⁴⁰. Иными словами, Берлин вряд ли согласится заменить СЯМ НАТО на гипотетический ядерный альянс европейских держав.

Создание коллективного европейского ядерного потенциала затруднено из-за различий в военных и внешнеполитических доктринах, механизмах принятия решений, а также разных подходов, а то и острых разногласий по вопросам безопасности, развития оборонно-промышленного комплекса и трансатлантических отношений (Тимофеев & Хорольская, 2024). Ни Франция, ни Великобритания, по оценкам, не имеют достаточного военно-технического ресурса, чтобы самостоятельно обеспечивать т.н. «расширенное сдерживание»⁴¹ по образцу США (Стратегический обзор, 2024: 79–80). Остается неясным, как предполагается разрешать противоречие между «европеизацией» национальных средств ядерного сдерживания и суверенным правом принятия решения о применении ядерного оружия.

Так или иначе, публичные заявления в поддержку какой-либо из «ядерных опций» отличаются поверхностностью или недосказанностью. За рамками остаются внутриполитические, экономические, технические и оперативные аспекты, не говоря уже о международно-политических последствиях, как с точки зрения реакции за рубежом, так и с точки зрения перспектив режимов нераспространения ядерного оружия и контроля над вооружениями. Усилия по их укреплению до сих пор являлись одной из несущих конструкций внешней политики Германии, а также источником ее субъектности в отношениях с крупными ядерными державами.

Но самая главная проблема сторонников немецкой или европейской бомбы – это упрощенное понимание логики и ограничений сдерживания военных угроз ядерным оружием⁴². С их точки зрения, обладание ядерной бомбой автоматически приравнивается к эффективному сдерживанию, то есть к большей безопасности Германии (Volpe & Kühn, 2017; Kunz & Kühn, 2024). Основополагающие вопросы убедительности и устойчивости сдерживания, того, что именно можно сдерживать ядерным оружием, а также неизбежно возникающая дилемма безопасности, едва ли затрагиваются.

³⁹ *Der Spiegel* (2024) Friedrich Merz fordert Gespräche über europäischen Nuklearschirm. 17. März. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/friedrich-merz-fordert-gespraechе-ueber-europaeischen-nuklearschirm-a-5a2212c9-4142-49ae-b4b7-da3bce5cffe6> (accessed 6 January 2025).

⁴⁰ *Deutschland.de* (2025) Merz: nukleare Abschreckung muss stärker werden. 10. März. Available at: <https://www.deutschland.de/de/news/merz-nukleare-abschreckung-in-europa-muss-staerker-werden> (accessed 18 March 2025).

⁴¹ Т.е. предоставлять ядерные гарантии союзникам на случай, если они подвергнутся нападению.

⁴² О сложностях и парадоксах ядерного сдерживания см. Арбатов, 2021.

Вместе с тем нельзя рассматривать текущие дискуссии о ядерном сдерживании в отрыве от переориентации оборонной политики Германии на подготовку к конфликту высокой интенсивности на востоке Европы и соответствующих решений по перевооружению бундесвера – «смене эпох» (нем. *Zeitenwende*)⁴³. Особую озабоченность вызывают шаги ФРГ по развитию высокоточных ракетных систем и средств ПВО/ПРО, а также планы развертывания на своей территории ударных средств союзников. В 2023–2024 гг. Германия активно содействовала запуску общеевропейских инициатив по созданию ракетных систем меньшей и средней дальности (*European Long-Range Strike Approach*) и координации закупок систем ПВО/ПРО (*European Sky Shield Initiative*). В июле 2024 г. Германия и США анонсировали временное размещение в 2026 г. на немецкой территории американских ракет средней и меньшей дальности: крылатых *Tomahawk*, баллистических *SM 6* и гиперзвуковых *LRHW Dark Eagle*. С военно-технической точки зрения эти системы, даже будучи неядерными, смогут решать стратегические задачи, а с военно-политической – создавать серьезные стимулы к новому витку гонки вооружений. Эксперты выдвигают различные политические обоснования: например, это якобы должно послужить сдерживанию предполагаемой «российской агрессии», оказать давление на Москву с целью вернуть ее в переговоры по контролю над вооружениями и пр. (Schneider, 2024)⁴⁴. Эти проекты пока находятся в зачаточном состоянии⁴⁵, но перевод вопросов ядерного сдерживания из экспертной в политическую плоскость может способствовать форсированному развитию и развертыванию таких систем как реальной и не менее опасной альтернативы ядерному оружию.

Заключение

После окончания холодной войны роль ядерного оружия в обеспечении безопасности и престижа ФРГ значительно сократилась. Оставшиеся в Европе ядерные бомбы США, незначительная доля от некогда развернутого ядерного арсенала, являются символическим напоминанием о солидарности внутри НАТО. Сегодня прямая военная угроза Германии отсутствует, но, как и в годы холодной войны, у нее сохраняются сомнения в прочности

⁴³ Ранее мы более подробно писали об изменениях в военном строительстве ФРГ: Павлов, 2024.

⁴⁴ Network reflections: The return of long-range US missiles to Europe (2024) *European Leadership Network**, 23 October. Available at: <https://europeanleadershipnetwork.org/commentary/network-reflections-the-return-of-long-range-us-missiles-to-europe/> (accessed 17 March 2025).

⁴⁵ Wright T. (2024) Europe's missile renaissance. *International Institute for Strategic Studies*. 25 November. Available at: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2024/11/europes-missile-renaissance/> (accessed 17 March 2025); Wright T., Barrie D. (2024) The return of long-range US missiles to Europe. *International Institute for Strategic Studies*. 7 August. Available at: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2024/08/the-return-of-long-range-us-missiles-to-europe/> (accessed 17 March 2025).

* Генеральная прокуратура признала деятельность международной неправительственной организации *The European Leadership Network* – ELN «Европейская сеть лидеров» нежелательной на территории Российской Федерации.

американского «ядерного зонтика». Ужесточение подхода Вашингтона к европейским союзникам, инициированное администрациями Д. Трампа, дает им необходимое подкрепление. Динамика интереса к развитию автономного от США ядерного потенциала в политических и экспертных кругах ФРГ представляется характерным индикатором глубины этих сомнений.

Текущие немецкие дискуссии о возможностях «нуклеаризации» противоречивы. С одной стороны, эта тема звучит все чаще, а в ее обсуждение вовлекаются не только видные эксперты, но и влиятельные фигуры, представляющие основные политические силы страны, с другой – сама проблема носит умозрительный характер, а формулируемые предложения зачастую являются частными мнениями и не отличаются должной степенью проработки, чтобы претендовать на статус серьезного государственного проекта. Некогда официальный Бонн манипулировал ядерной амбивалентностью и рассматривал возможность практических шагов по созданию бомбы; нынешний официальный Берлин (в марте 2025 г.) едва ли готов вернуться к такой линии поведения.

В настоящее время наиболее реалистичным «ядерным» вариантом для Германии является сотрудничество с Францией и Великобританией. Однако подобное сотрудничество, если и будет налажено при имеющихся противоречиях и трудностях, вряд ли будет означать ядерное вооружение Германии и не сможет заменить совместные ядерные миссии НАТО под эгидой американцев. Исходя из стратегических документов и высказываний ключевых политиков ФРГ, такая задача и не ставится. К подобному сценарию может подтолкнуть только гипотетический разрыв (а не временный кризис) трансатлантической связки в виде отказа США от своих обязательств по Североатлантическому договору, но пока нет оснований высоко оценивать такую вероятность.

Все же нынешние немецкие дискуссии о ядерном оружии нельзя назвать полностью отвлеченными, если рассматривать их как элемент «смены эпох» во внешней и оборонной политике Германии. Они являются отражением новой официальной установки на укрепление военного потенциала, в том числе за счет развития дальнобойных высокоточных систем, ранее отсутствовавших в арсенале бундесвера. В переосмыслении прежних военно-политических констант, каким бы противоречивым ни казался этот процесс, нет ничего невозможного. И растущий интерес к ядерной проблематике показывает, что в Германии к такому переосмыслению готовы.

Список литературы

1. Арбатов А.Г. (2021) Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания. *Полис. Политические исследования*. (8): 88–111. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.08.
2. Арбатов А.Г. (2024) Несущая конструкция глобальной безопасности. *Мировая экономика и международные отношения* 68(7): 5–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-5-24.
3. Арбатов А.Г. и др. (ред.) (2023) *Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция*. М.: ИМЭМО РАН. 432 с.

4. Орлов В.А., Семенов С.Д. (ред.) (2023) *Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире*. Издание 2-е. М.: ПИР-Пресс. 230 с.
5. Павлов А.Е. (2024) «Смена эпох» в оборонной политике ФРГ: основные шаги, ограничения и риски. *Общественные науки и современность* (6): 124–137. DOI:10.31857/S0869049924060096.
6. Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев С.К. (ред.) (2012) *Перспективы участия европейских ядерных держав в ограничении стратегических вооружений*. М.: ИМЭМО РАН. 107 с.
7. Арбатов А.Г. (ред.) (2025) *Стратегический обзор 2024*. ИМЭМО РАН; МГИМО МИД России. М.: МГИМО-Университет. 348 с.
8. Тимофеев П.П., Хорольская М.В. (2024) Дилеммы европейской безопасности: сравнение подходов Германии и Франции к соотношению роли ЕС и НАТО в Европе после 2022 г. *Сравнительная политика*. 15(4): 132–154. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-4-15-8.
9. Епифанова Л.М., Залесский К.А. (ред.) (2009) *Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2009. 383 с.
10. Bunde T. (2024) Nuclear Zeitenwende(n): Germany and NATO nuclear posture. In: Kühn U. (ed.) *Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century*. Routledge, 1st ed. DOI: 10.4324/9781003341161-7.
11. Kühn U. (ed.) (2024) *Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century*. Routledge, 1st ed. 346 p. DOI: 10.4324/9781003341161.
12. Horowitz L., Wachs L. (2023) France's Nuclear Weapons and Europe. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. DOI: 10.18449/2023C15.
13. Kaiser K. & Krause J. (2023) Der diskrete Charme der Ambivalenz – Atomwaffen und Deutschlands Vereinigung. *SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen* 7(4): 354–367. DOI: 10.1515/sirius-2023-4003.
14. Kamp K.-H. (2023) *Deutschlands nukleare Interessen nach dem Ukraine-Krieg*. Nomos Verlag. 113 S. DOI: 10.5771/9783748943006.
15. Kristensen H., et al. (2023) Nuclear weapons sharing, 2023. *Bulletin of the Atomic Scientists* 79(6): 393–406. DOI: 10.1080/00963402.2023.2266944
16. Kühn U. (2024) Germany and the Puzzling End of Nuclear Latency. In: Kühn U. (ed.) *Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century*. Routledge, 1st ed. DOI: 10.4324/9781003341161-16.
17. Kunz B. & Kühn U. (2024) German Musings About a Franco-German or German Bomb. In: Kühn U. (ed.) *Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century*. Routledge, 1st ed. DOI: 10.4324/9781003341161-8.
18. Lübke-meier E. (2020) Europas schaffen mit eigenen Waffen? Chancen und Risiken europäischer Selbstverteidigung. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. 29. September. DOI: 10.18449/2020S17.
19. Lutsch A. (2023) Die nukleare Dimension von Deutschlands F-35-Entscheidung von 2022 in historischer Perspektive. *SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen* 7(4): 368–389. DOI: 10.1515/sirius-2023-4004.
20. Mearsheimer J.J. (1990) Back to the Future. *International Security* 15(1): 5–56.
21. Müller H. (2000) Nuclear Weapons and German Interests: An Attempt at Redefinition. *Peace Research Institute Frankfurt* 55/2000. Available at: https://www.prif.org/fileadmin/Daten/Publikationen/Prif_Reports/2000/prif55.pdf (accessed 14 March 2025).
22. Norris R.S. et al. (1999) Where They Were. *Bulletin of the Atomic Scientists* 55(6): 26–35. DOI: 10.2968/055006011.
23. Onderco M. (2024) German Public Opinion on Nuclear Weapons Before and After Russia's Invasion of Ukraine. In: Kühn U. (ed.) *Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century*. Routledge, 1st ed. DOI: 10.4324/9781003341161-9.
24. Rudolf P. (2020) Deutschland, die Nato und die nukleare Abschreckung. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. DOI: 10.18449/2020S11.

25. Schneider J. (2024) Deutschland und die Zukunft der nuklearen Rüstungskontrolle. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. DOI: 10.18449/2024S25.
26. Strauß F.J. (1989) *Die Erinnerungen*. Berlin: Siedler Verlag. 575 S.
27. Volpe T. & Kühn U. (2017) Germany's Nuclear Education: Why a Few Elites Are Testing a Taboo. *The Washington Quarterly* 40(3): 7–27. DOI: 10.1080/0163660X.2017.1370317.
28. Waltz K.N. (1993) The Emerging Structure of International Politics. *International Security* 18(2): 44–79.

Comparative Politics. Volume 16. No. 1. January–March / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-1-16-7

ON NEW INTEREST IN NUCLEAR DETERRENCE CAPABILITIES IN GERMANY

Alexander E. PAVLOV – Junior Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0009-0009-6549-7111. E-mail: alexander.e.pavloff@yandex.ru
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997.

Received January 29, 2025

Accepted March 25, 2025

Abstract: As nuclear proliferation risks grow, researchers are focusing on countries that were hardly associated with the problem earlier. Geopolitical developments and change in transatlantic relations are forcing European countries to overhaul their military policies. The current agenda includes possible development of a nuclear deterrent capability, autonomous from the United States. Since 2022 the most drastic changes have been taking place in Germany which declared the Zeitenwende (times-turn) in its defence posture. Recently, German politicians and experts have increasingly supported the idea of gaining access to nuclear weapons. During the Cold war, the nuclear factor played a major role in the politics of the FRG, despite its non-nuclear status as West Germany hosted one of the biggest American nuclear arsenals, its territory being considered the main theater of nuclear war. Influential politicians in Bonn believed that the FRG should develop its own nuclear program. The end of the bipolar confrontation made nuclear factor obsolete. Addressing nuclear weapons as a hypothetical means of deterrence anew makes it necessary to examine the substance and practical implications of this topic. The article examines the role and dynamics of the nuclear factor in the foreign policy of the FRG. It has analyzed the current discussion and identified the main problems and contradictions of the proposed nuclear options. The case for nuclear weapons, as it was during the Cold war, is supported by an artificially constructed “Russian threat”, and as such arises from the concerns about American security guarantees in case of a full-scale conflict. Today the prospects for Germany to acquire nuclear weapons, independently or through its European allies, are lacking substance. Still, the author believes that the relative discussions should not be underestimated. Making nuclear issues a “new normal” is a part of Germany’s general policies to build up its military capabilities, including development and deployment of conventional weapons that represent a considerable alternative to nuclear weapons.

Keywords: Germany, Zeitenwende, nuclear weapons, nuclear non-proliferation, European security, European nuclear deterrence

References:

1. Arbatov A.G. (2021) Desyat' aporij nashego vremeni. Teoriya i praktika yadernogo sderzhivaniya [The Ten Aporias of Our Time. The Theory and Practice of Nuclear Deterrence]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]* (8): 88–111. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.08. (In Russian).
2. Arbatov A.G. (2024) Nesushchaya konstrukciya global'noj bezopasnosti [The Supporting Structure of Global Security]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]* 68(7): 5–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-5-24. (In Russian).
3. Bunde T. (2024) Nuclear Zeitenwende(n): Germany and NATO nuclear posture. In: Kühn U. (ed.) *Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century*. Routledge, 1st ed. DOI: 10.4324/9781003341161-7.
4. Kühn U. (ed.) (2024) *Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century*. Routledge, 1st ed. 346 p. DOI: 10.4324/9781003341161.
5. Horovitz L., Wachs L. (2023) France's Nuclear Weapons and Europe. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. DOI: 10.18449/2023C15.
6. Kaiser K. & Krause J. (2023) Der diskrete Charme der Ambivalenz – Atomwaffen und Deutschlands Vereinigung. *SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen* 7(4): 354–367. DOI: 10.1515/sirius-2023-4003.
7. Kamp K.-H. (2023) *Deutschlands nukleare Interessen nach dem Ukraine-Krieg*. Nomos Verlag. 113 S. DOI: 10.5771/9783748943006.
8. Kristensen H., et al. (2023) Nuclear weapons sharing, 2023. *Bulletin of the Atomic Scientists* 79(6): 393–406. DOI: 10.1080/00963402.2023.2266944
9. Kühn U. (2024) Germany and the Puzzling End of Nuclear Latency. In: Kühn U. (ed.) *Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century*. Routledge, 1st ed. DOI: 10.4324/9781003341161-16.
10. Kunz B. & Kühn U. (2024) German Musings About a Franco-German or German Bomb. In: Kühn U. (ed.) *Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century*. Routledge, 1st ed. DOI: 10.4324/9781003341161-8.
11. Lübcke E. (2020) Europa schaffen mit eigenen Waffen? Chancen und Risiken europäischer Selbstverteidigung. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. 29. September. DOI: 10.18449/2020S17.
12. Lutsch A. (2023) Die nukleare Dimension von Deutschlands F-35-Entscheidung von 2022 in historischer Perspektive. *SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen* 7(4): 368–389. DOI: 10.1515/sirius-2023-4004.
13. Mearsheimer J.J. (1990) Back to the Future. *International Security* 15(1): 5–56.
14. Arbatov A.G. et.al. (eds.) (2023) *Mezhdunarodnaya bezopasnost': novyj miroporyadok i tekhnologicheskaya revolyuciya [International Security: The New World Order and Technology Revolution]*. Moscow: IMEMO, VES MIR. 432 p. (In Russian).
15. Müller H. (2000) Nuclear Weapons and German Interests: An Attempt at Redefinition. *Peace Research Institute Frankfurt* 55/2000. Available at: https://www.prif.org/fileadmin/Daten/Publikationen/Prif_Reports/2000/prif55.pdf (accessed 14 March 2025).
16. Norris R.S. et al. (1999) Where They Were. *Bulletin of the Atomic Scientists* 55(6): 26–35. DOI: 10.2968/055006011.
17. Orlov V.A. and Semenov S.D. (eds.) (2023) *Novaya yadernaya devyatka? Ocenka ugroz rasprostraneniya yadernogo oruzhiya v mire [A New Nuclear Nine? Assessing the Threats of Nuclear Proliferation around the World]*. Moscow, PIR-PRESS, 2nd edition. 230 p. (In Russian).

18. Onderco M. (2024) German Public Opinion on Nuclear Weapons Before and After Russia's Invasion of Ukraine. In: Kühn U. (ed.) *Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century*. Routledge, 1st ed. DOI: 10.4324/9781003341161-9.
19. Pavlov A.E. (2024) "Smena epoh" v oboronnoj politike FRG: osnovnye shagi, ogranicheniya i riski [The "Zeitenwende" in German Defence Policy: Major Steps, Limits and Risks]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]* (6): 124–137. DOI: 10.31857/S0869049924060096. (In Russian).
20. Arbatov A.G. et al. (eds.) (2012) *Perspektivy uchastiya evropejskih yadernyh derzhav v ogranichenii strategicheskikh vooruzhenij [The Prospects of Engaging European Nuclear-weapon States in Strategic Arms Control]* Moscow, IMEMO RAN. 107 p. (In Russian).
21. Rudolf P. (2020) Deutschland, die Nato und die nukleare Abschreckung. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. DOI: 10.18449/2020S11.
22. Schneider J. (2024) Deutschland und die Zukunft der nuklearen Rüstungskontrolle. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. DOI: 10.18449/2024S25.
23. Arbatov A.G. (ed.) (2025) *Strategicheskij obzor 2024 [Strategic Review 2024]*. IMEMO; MGIMO. Moscow: MGIMO University. 348 p. (In Russian).
24. Strauß F.J. (1989) *Die Erinnerungen*. Berlin: Siedler Verlag. 575 S.
25. Timofeev P.P. & Khorolskaya M.V. (2024) Dilemmy evropejskoj bezopasnosti: sravnenie podhodov Germanii i Francii k sootnosheniyu roli ES i NATO v Evrope posle 2022 goda [European Security Dilemmas: A Comparison of Germany and France's Approaches to the Relationship of the EU and NATO Roles in Europe after 2022]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia]* 15(4): 132–154. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-4-15-8. (In Russian).
26. Volpe T. & Kühn U. (2017) Germany's Nuclear Education: Why a Few Elites Are Testing a Taboo. *The Washington Quarterly* 40(3): 7–27. DOI: 10.1080/0163660X.2017.1370317.
27. Waltz K.N. (1993) The Emerging Structure of International Politics. *International Security* 18(2): 44–79.
28. Epifanova L.M., Zalessky K.A. (eds.) (2009) *Yadernoe nerasprostranenie: Kratkaya enciklopediya [Nuclear Non-Proliferation: A Brief Encyclopedia] (2009)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); PIR-Center. 383 p. (In Russian).

ОБРАЗ РОССИИ В ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ: ФРАНСУА МИТТЕРАН

Анна ВЕРЕТЕВСКАЯ, Валентина ХАЧАТРЯН
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье представлен анализ образа Российского государства после распада СССР, отраженный в публичных выступлениях президента Французской Республики Франсуа Миттерана. Президентство Миттерана пришлось на завершение эпохи холодной войны: в России тогда только начинала складываться новая политическая система, а Франция столкнулась с ранее неизвестными вызовами, вынуждавшими ее искать свое место в постбиполярном миропорядке, в том числе в рамках сотрудничества с реформированной Россией. Авторами описаны существующие в современной политической науке подходы к определению образа государства и рассмотрены его компоненты. Для определения образа России в официальном дискурсе Ф. Миттерана методом пост-структуралистского дискурс-анализа изучены наиболее значимые официальные выступления французского президента, в которых упоминается Россия и/или ее руководство. В ходе исследования авторами выделены категории, посредством которых формировался образ России в дискурсе Миттерана: история, демократизация, военно-экономическое взаимодействие и геополитика. Взаимодействие с СССР наложило отпечаток на то, как французский президент воспринимал новое государство. Демократизация России стала главным сближающим фактором с формальной точки зрения. В завершение авторы приводят восприятие обобщенного образа России в дискурсе Миттерана: французский президент воспринимал Россию как утратившую былую мощь страну, которую необходимо направить по пути построения «демократии», предотвращая возможное возрождение ее «имперских» амбиций, которые могли бы представлять угрозу для Европы. Руководствуясь положениями теории международных образов Р. Херрманна и М. Фишеркеллера, авторы заключают, что Россия в дискурсе Ф. Миттерана входит в категорию «союзник».

Ключевые слова: образ государства, образ России, Франсуа Миттеран, политический дискурс, Франция, франко-российские отношения, Запад

Анна Вячеславовна Веретевская – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России.

ORCID: 0009-0005-2887-2040. E-mail: Veretevskaya.a@my.mgimo.ru
119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Валентина Арменовна Хачатрян – соискатель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России.

ORCID: 0009-0002-0788-8914. E-mail: Val.khachatryan@gmail.com
119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Поступила в редакцию 09.07.2023

Принята к публикации 25.02.2025

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Россия и Франция отличаются длительной историей политических взаимоотношений, которые традиционно имели существенное значение для внешнеполитического позиционирования обоих государств. Сегодня Франция – это государство, входящее в круг имеющих доминирующие позиции в мировой экономике стран¹, претендующее на политическое лидерство как в своем регионе (Франция – один из столпов европейской интеграции), так и в мире². Россия, в свою очередь, – государство-преемник распавшегося СССР, за три с половиной десятилетия вернувшее позиции экономически сильной³ и политически консолидированной державы с лидерскими амбициями как в региональном⁴, так и мировом масштабе⁵.

События мировой политики в первой половине 2020-х гг. (обострение украинского кризиса, растущая напряженность вокруг Тайваня, конфликт в секторе Газа и пр.) достаточно явно свидетельствуют о переходе мира в фазу изменений, которые во многом будут зависеть от результатов противостояния «старых» лидеров развития (к которым относится Франция) и государств, до недавнего времени находившихся, по терминологии И. Валлерстайна (Wallerstein, 2011: 436), на полупериферии и даже на периферии капиталистической мир-системы. Эти государства – в том числе Россия – сейчас заявляют о своих правах на более «равномерный» международный ландшафт, справедливую организацию мировой экономики и международных отношений. В этом смысле эволюция франко-российского диалога представляет очевидный исследовательский интерес.

Понимание того, как именно один участник мировой политики видит другого в условиях меняющегося баланса сил, важно с теоретической и прикладной точек зрения. Оно позволяет адекватнее оценить те политические шаги, которые государство предпринимает и способно предпринять в направлениях, затрагивающих интересы другого участника. Задача получения реалистичного представления об «образе» России для Франции приобретает сейчас особую актуальность, так как ее реализация позволит лучше понять, какие политические действия на международной арене Франция потенциально готова принимать со стороны России, а какие – нет. Для государства, борющегося за достойное для себя место в меняющемся миропорядке, каковым является Россия, такая информация очень важна.

¹ По объему ВВП Франция занимает седьмое место в мире и третье в Европе. См. *World Bank Group* (2022) GDP. Available at: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?most_recent_value_desc=true (accessed 9 March 2025).

² Франция входит в «ядерный клуб», является постоянным членом Совета Безопасности ООН, входит в «Группу семи», широко представлена в международных организациях различного уровня, включая военный блок НАТО.

³ Восьмое место в мире за 2022 г. по объему ВВП. *World Bank Group* (2022) GDP. Available at: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?most_recent_value_desc=true (accessed 9 March 2025).

⁴ Россия – экономический и политический лидер СНГ, активный участник ряда региональных объединений, включая организацию в области коллективной безопасности – ОДКБ.

⁵ Россия – ядерная держава, постоянный член Совета Безопасности ООН, один из основателей БРИКС – института, объединяющего современных лидеров развития, и др.

Образ государства

Образ государства все чаще становится предметом анализа в современной политической науке. Современные попытки исследования образа государства обыкновенно включают в себя его деконструкцию и изучение выделенных компонентов, факторов его формирования и эволюции и пределов его влияния на политический процесс (Анисимова, 2021; Баранова, 2013; Замятин, 2003; Кумышева, 2019).

В. Феклюнина пишет, что комплексный образ государства следует дифференцировать, выделив несколько «срезов»: 1. собственный образ (*self-image*), 2. воспринимаемый образ (*perceived image*) и 3. проектируемый образ (*projected image*) (Feklyunina, 2010). Работающая преимущественно в рамках политико-психологического подхода Е.Б. Шестопап предлагает свой вариант дифференциации, разграничивая простое, спорадически возникшее «отражение страны в массовом и индивидуальном сознании», с одной стороны, и «специально сконструированное и растиражированное отражение» государства, с другой (Шестопап, 2008: 12). Второе явление Е.Б. Шестопап предлагает называть отдельным термином – имидж. Т.Э. Гринберг считает «образ» широким понятием, а «имидж» – одной из его возможных разновидностей и предлагает рассматривать «имидж» как «рабочий конструкт» в формировании необходимого образа (Гринберг, 2009). Этот последний подход представляется авторам наиболее продуктивным при анализе образов государств в дискурсе официальных лиц.

Для целей исследования вслед за А.В. Федякиным авторы определяют образ государства как «динамичное *форматирование* объективно существующих, целенаправленно формируемых и субъективно воспринимаемых сущностных характеристик политически организованного, территориально оформленного и подчиненного верховной власти общества» (Федякин, 2005: 6).

Согласно концепции международных образов, основная когнитивная функция образа государства – предлагать категории, позволяющие лицам, принимающим решения, осознавать международную обстановку и свою позицию и интересы в ней (Alexander, Levin & Henry, 2005). Образ – это не отражение реальности, а ее интерпретация, которая благодаря своей субъективной природе позволяет определить намерения субъекта в политическом процессе через те категории, которые его формируют. Соответственно, проанализировав образы, которыми оперирует лицо, принимающее политические решения, можно предположить, каков «коридор» его политического выбора (Alexander, Levin & Henry, 2005: 28). Образ государства является инструментом когнитивного упрощения, помогая структурировать процесс принятия внешнеполитических решений.

Р. Херрманн и М. Фишеркеллер выделили несколько типов образа государства: «враг», «союзник», «дегенерат», «зависимая страна/колония», «империя» (Herrmann & Fischerkeller, 1995). Позже к этой классификации была

добавлена категория «варвар» (Herrmann & Fischerkeller, 1997). То, к какому типу (из этой или любой подобной типологии) в сознании лица, принимающего решение, принадлежит конкретное государство, конечно, не определяет полностью характера действий в его отношении, однако задает своеобразные «рамки» принятия решений.

Изучение официального дискурса – то есть дискурса лиц, принимающих решения в государстве, – один из наиболее доступных способов стороннему наблюдателю выяснить особенности восприятия в изучаемом государстве действий другого субъекта международных отношений.

Образ России во Франции: выбор объекта исследования

Официальный дискурс современной Франции отличается разнообразием. Однако, поскольку в конституции Пятой республики широкий спектр внешнеполитических полномочий закреплен за президентом, при выборе объекта исследования было принято решение сосредоточиться на президентском дискурсе.

Действующий лидер Французской Республики Э. Макрон достаточно часто касается России в своих официальных выступлениях. Риторика Э. Макрона в отношении России с начала СВО в целом укладывается в рамки масштабированной антироссийской кампании и соответствует общим ориентирам антироссийски настроенных западных государств. Причина этого понятна: Франция – государство Запада политически и экономически. Вместе с тем возможности Франции обеспечить себе политически комфортное и экономически продуктивное место внутри «западного блока» на самом деле ограничены. Несмотря на стремление Франции быть мировой державой, рычагов воздействия на гегемона западного мира – США – у страны в постбиполярную эпоху недостаточно. Так, З. Бжезинский снисходительно охарактеризовал Францию как *«постимперскую европейскую державу среднего ранга»* за ее неудачные попытки достигнуть главенства в Европе и снизить роль США в регионе (Brzezinski, 1997: 63). Безопасность Франции и Европы по-прежнему сильно зависит от США. В отношениях с Россией это заставляет руководство Французского государства, по известной французской традиции, «прикрывая дверь», все же «оставлять открытым окно». Если руководствоваться идеями Дж. Найа, на «ширину» этого «окна» влияют не только сиюминутные политические мотивы, но и длительно формирующийся культурно-политический контекст (Nye, 2004: 192). Рассуждая об источниках «мягкой силы», Най подчеркивал, что отношение к политике меняется почти так же быстро, как и она сама, однако есть факторы, обладающие устойчивым *продолжительным* влиянием на представления о других государствах и, как следствие, на политические взаимоотношения между ними. К этим факторам относятся ценности и культура – то, что остается и закрепляется в исторической памяти.

Историческая память во Франции в отношении России включает не только трудные для Франции моменты. Были периоды в истории, когда ожидания Франции от франко-российского сотрудничества были оптимистичными. Очевидным примером здесь может послужить период президентства Ф. Миттерана, охватывающий конец холодной войны и начало постбиполярной эпохи и совпадающий с самым началом становления нового политического режима в России. Как преемница распавшегося СССР, Россия не представляла угрозы для западоцентричного миропорядка: наоборот, будучи сконцентрированной на консолидации обновленной политической системы, активно искала политической и экономической поддержки Запада.

Для Франции в период с 1989 по 1991 гг. распад СССР стал знаковым событием, которое происходило на фоне объединения Германии (давнего конкурента за лидерство в Европе) и отражавшем стремление США к мировой гегемонии конфликта в Персидском заливе (Обичкина, 2004: 66). Для Франции окончание холодной войны означало, что стране придется искать свое место в постбиполярном мире и защищать свои претензии на сохранение статуса мировой державы. Единственной возможностью противостоять гегемонии США в фактически однополярной мировой системе Миттеран считал усиление Европы (это отразилось в известной концепции «Европа-держава») (Обичкина, 2004: 69). В те времена, по определению З. Бжезинского, для Франции Европа могла стать *«способом вернуть бывшее величие»* (Бжезинский, 1997: 61). Такое видение сильной Европы как способа существования независимой и активной, находящейся «между Америкой и Азией» Франции, в частности, отражено в книге министра иностранных дел при Ф. Миттеране Ю. Ведрина (Védrine, 1996).

Для Франции выгоднее была бы демократизация стран Восточной Европы под эгидой ЕЭС, а не НАТО. Однако, учитывая, что объединившаяся Германия потенциально могла стать более ценным партнером для США в Европе, Ф. Миттеран активно включился в налаживание американо-французских контактов и стремился полноценно реинтегрировать Францию в военные структуры НАТО, критикуя более самостоятельную политику Ш. де Голля на этом направлении (Михайлов, 2022: 73).

Ф. Миттерану не удалось добиться того, чтобы основную роль в урегулировании конфликтов в Европе в 1990-е гг. (например, в Югославии) сыграл Западноевропейский союз: США и НАТО утвердились в качестве силы, имеющей определяющее значение в вопросах европейской безопасности. Следствием этого стали фактическое признание Францией американского превосходства и постепенный пересмотр отношений с военной организацией НАТО с 1994 года.

В свете отсутствия существенного успеха в борьбе за лидерство на Западе, инициатива в налаживании диалога с начавшей демократический транзит Россией создавала возможность демонстрации международного влияния. Франко-российский диалог, соответственно, должен был получить новый позитивный импульс, а Россия – обрести новый положительный образ

в сознании французского политического руководства. Дискурс Ф. Миттерана предоставляет редкую возможность понять, как выглядела «хорошая» Россия для французского президента.

В исследовании выделены составляющие образа России в официальном дискурсе Ф. Миттерана. Полученные результаты могут способствовать более адекватной оценке возможностей (и пределов) развития российско-французских отношений в краткосрочной, среднесрочной и, возможно, долгосрочной перспективе.

Методология исследования и методика анализа

Исследование выполнено преимущественно в рамках постструктурализма. Опираясь на работы Ч. Пирса (Peirce, 1894), Ф. де Соссюра (Saussure, 1974), Э. Кассирера (Cassirer, 1953), Р. Барта (Barthes, 1972), М. Фуко (Foucault, 1966), Т. ван Дейка (Van Dijk, 2008), П. Бурдьё, Ж. Дерриды (Derrida, 1976), Ж. Бодрийяра (Baudrillard, 1981), У. Эко (Eco, 1976), А.М. Пятигорского (Пятигорский, 2004) и др., авторы рассматривали образ как «узловое» ядро сети социальных конструкторов, объединяющее в себе ментальные представления и политическую практику.

При определении образа государства использованы концепции Е.Б. Шестопал и Т.Э. Гринберг, а также А.В. Федякина. Для выделения составляющих образа России в дискурсе Ф. Миттерана авторы опирались на типологию Р. Херрманна и М. Фишеркеллера. Под политическим дискурсом авторы понимают «любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» (Шейгал, 2000: 21).

Материалом для исследования стали публичные высказывания Франсуа Миттерана, опубликованные на официальном сайте президента Франции (*Elysée.fr*) и на информационном сайте, посвященном государственной политике (*Vie-publique.fr*). Итоговая выборка составляет 11 документов и охватывает период с 1991 г. по 1995 г. Среди материалов – официальные заявления, выдержки с пресс-конференций, интервью и письма Ф. Миттерана, отправленные Б. Ельцину. Для понимания исторического контекста использовано также новогоднее обращение Ф. Миттерана 1989 г.

В качестве ключевого метода исследования выбран постструктуралистский дискурс-анализ Э. Лакло и Ш. Муфф (Филлипс & Йоргенсен, 2008: 352). Согласно методическим рекомендациям этих авторов, на первом этапе анализа из общего дискурсивного массива выделены элементы дискурса, которые касаются предмета исследования. Ими являются ключевые слова: «русский/российский»⁶ с ограничениями «советский» и «постсоветский»; «Россия» и синонимы («Российская Федерация», «Российское государство» и пр.); «президент России» и синонимы («лидер России», «президент Ельцин»,

⁶ Во французском языке это одно и то же слово – «russe».

«Б.Н. Ельцин», «Борис Ельцин» и пр.); «российское общество» и условно синонимичные конструкции, включающие «российских граждан», «русских», «русский народ» и проч.

На втором этапе исследования были выделены «узловые точки» – согласно Э. Лакло и Ш. Муфф, то «общее, что разделяет дискурсы». В случае с дискурсом Миттерана о России таких смысловых «точек» оказалось четыре: история, демократизация, военно-экономическое взаимодействие (сотрудничество/противостояние) и геополитическое позиционирование (в отношении НАТО и ЕС). Выделенные узловые точки по своей сути соответствуют категориям Р. Херрманна и М. Фишеркеллера, формирующим целостный образ государства. Согласно теории международных образов, разработанной этими авторами, есть три измерения образа государства в глазах политического лидера, которые определяют его политику в отношении этого государства: 1. Представляет ли актор угрозу или возможности для сотрудничества? 2. Является ли актор слабее/сильнее/сопоставимым по мощи? 3. Каков вес актора на международной арене?

Применительно к данной работе, составляющие могут быть отражены следующим образом:

- 1) Видит ли Ф. Миттеран Россию сильным/слабым/сопоставимым по мощи государством?
- 2) Представляет ли Россия угрозу для Франции или возможности для сотрудничества?
- 3) Насколько Россия, в представлении Миттерана, имеет влияние в мире?

Третий, завершающий, этап предполагал выделение идентичностей, присутствующих в дискурсе, и определение их характера. Собственно искомый образ России и есть одна из этих идентичностей.

В работе авторы опирались на принципы историзма. Для понимания исторического контекста формирования дискурса Ф. Миттерана была привлечена соответствующая исследовательская литература (Васютинский, 1992; Егоров, 2002; Зueva, 2004; Обичкина, 2004; Михайлов, 2022).

Категории, формирующие образ России в дискурсе Миттерана

История

Из проанализированных речей видно, что на формирование образа России у Ф. Миттерана повлияло его восприятие образа СССР. В начале 1980-х гг. контакты Франции с Советским Союзом практически прекратились. Они были возобновлены после того, как М.С. Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС и советская власть взяла курс на перестройку. Вместе с преобразованиями внутри СССР в более позитивную сторону начало меняться восприятие его образа во Франции. Так, в новогоднем выступлении

1989 года, после падения Берлинской стены и на фоне «Осени народов», Ф. Миттеран озвучил идею создания «Европейской конфедерации», которая бы объединила страны Европы, включая СССР⁷.

Церемония встречи Б. Ельцина в качестве президента Российской Федерации с Ф. Миттераном состоялась 5 февраля 1992 г. во Франции. Особенностью выступления Ф. Миттерана является отсылка к истории двусторонних отношений: визит Петра Первого в Версаль, переписка Вольтера с Екатериной Второй и пр. Для лидеров Франции в целом характерно упоминание исторических и культурных связей с Россией в начале выступления, что является показателем исторической близости двух стран.

Ф. Миттеран воспринимал советский период как отклонение от естественного пути России, которая является частью «общего европейского дома»: *«Возвращение России как таковой, как вы знаете, глубоко меняет европейский ландшафт»*⁸. Далее Ф. Миттеран конкретизирует: *«Россия освободилась от прошлого, полного горя и боли, и за пределами советской империи она отныне отвергает любые формы угнетения»*⁹. В другом выступлении Ф. Миттеран вновь подчеркивает, что Россия – это европейская страна: *«... мы ведем переговоры между собой как между объединенными сопоставимыми целями европейскими странами...»*¹⁰. Результатом визита Б.Н. Ельцина стало подписание 7 февраля 1992 г. Договора о сотрудничестве в политической, экономической и военной областях.

Для Ф. Миттерана новая Россия – противоположность СССР, это больше не доминирующий полюс, а утратившее былую мощь государство, сильно зависящее от экономической и технологической помощи Запада: *«Россия – прежде всего великая страна. Она была могущественной империей при Сталине и уже во времена Петра Великого, и практически все приобретения эпохи Петра Великого – это [сегодня – прим.ав.] утраченные позиции. Неизбежно в душах русских людей возникает своего рода сожаление о прошлом, своего рода ностальгия и желание иметь такое же значение в жизни мира, как когда-то, и любой демагог может воспользоваться этой ситуацией»*¹¹. Россия уже

⁷ INA (1989) Voeux du président de la République. Available at: <https://www.ina.fr/ina-eclaire-actu/video/cab90000172/voeux-du-president-de-la-republique> (accessed 10 March 2025).

⁸ Elysée (1992) Allocution de M. François Mitterrand, Président de la République, lors de la cérémonie d'accueil de M. Boris Eltsine, Président de la Fédération de Russie, Orly, le 5 février 1992. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1992/02/05/allocution-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-lors-de-la-ceremonie-daccueil-de-m-boris-eltsine-president-de-la-federation-de-russie-orly-le-5-fevrier-1992> (accessed 7 March 2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Vie-publique (1992) Allocution de M. François Mitterrand, Président de la République, sur les relations franco-russes et la modification politique et économique du paysage européen, Versailles, le 5 février 1992. Available at: <https://www.vie-publique.fr/discours/129556-allocution-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-sur-le> (accessed 7 March 2025).

¹¹ Elysée (1994) Interview de M. François Mitterrand, Président de la République, accordée à la télévision bulgare, sur l'intégration européenne de la Bulgarie, sur la sécurité des Balkans et le rôle de l'OTAN et sur l'attitude de l'Occident à l'égard de la Russie et de la montée du nationalisme, Paris le 15 janvier 1994. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1994/01/15/interview-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-accordee-a-la-television-bulgare-sur-lintegration-europeenne-de-la-bulgarie-sur-la-securite-des-balkans-et-le-role-de-lotan-et-sur-latitude-de-loccident-a-legard-de-la-russie-et-de> (accessed 7 March 2025).

не представлялась как препятствие для углубления евроинтеграции и дальнейшего включения стран Восточной Европы в европейскую политику. Однако Франция заинтересована в укреплении экономических отношений с Россией, поскольку это послужило бы упрочению французского лидерства в Европе. Главной задачей в этих условиях было направить Россию по выгодному для Франции пути. Так, согласно упомянутому выше договору, России должна была быть выделена беспрецедентная экономическая помощь для того, чтобы обеспечить стране «путь к демократии». Из дальнейших выступлений президента Франции в 1992 году следует, что Ф. Миттеран не воспринимает Россию так же, как СССР: *«Отношения, безусловно, нового типа, поскольку до этого мы спорили с президентом или официальными лицами Советского Союза»*¹².

Демократизация

Формально главным критерием положительного восприятия образа России является то, насколько она соответствует французскому пониманию «демократической страны». Приход к власти М.С. Горбачева и дальнейшее начало перестройки дали импульс сближению Франции с СССР. Именно критерий демократичности позволяет французскому лидеру классифицировать страну как «своего», а не «другого». В целом, в официальных выступлениях Ф. Миттерана, где упоминается Россия, слово «демократия» и его производные встречаются более 13 раз.

Значимость демократизации в структуре образа России подтверждается нейтральной позицией, которую Ф. Миттеран избрал по отношению к членам ГКЧП во время августовского путча 1991 г. В проанализированных речах Ф. Миттерана до распада СССР прекращение существования этого государства не фигурирует как желаемая цель. Президент, как и многие другие представители западных элит, не ожидал, что распад произойдет в обозримом будущем и не был готов говорить о такой возможности. Не рассчитывая на столь радикальное развитие событий, Ф. Миттеран, однако, надеялся, что сохранение территориальной целостности СССР не станет препятствием для продолжения демократических преобразований. Президент Франции, вероятно, полагал, что демократические преобразования в России уже сложно будет остановить: *«Я считаю, что резкие перемены, произошедшие в Советском Союзе, могут притормозить демократическое движение, но не думаю, что они могут его остановить»*¹³.

¹² Elysee (1992) Conférence de presse conjointe de MM. François Mitterrand, président de la République, et Arnold Ruutel, Président de la République d'Estonie, sur la souveraineté du peuple estonien, son droit à revendiquer le retrait des troupes russes de son territoire, Tallinn le 15 mai 1992. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1992/05/15/conference-de-presse-conjointe-de-mm-francois-mitterrand-president-de-la-republique-et-arnold-ruutel-president-de-la-republique-destonie-sur-la-souverainete-du-peuple-estonien-son-droit-a-revendiquer-le-retrait-des-troupes-russes-de-son-territoire> (accessed 7 March 2025).

¹³ Elysée (1991) Interview accordée par M. François Mitterrand, Président de la République à TF1, Antenne 2, FR3 et La Cinq, le 19 août 1991, sur la destitution de M. Gorbatchev et le coup d'Etat en URSS. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1991/08/19/interview-accordee-par-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-a-tf1-antenne-2-fr3-et-la-cinq-le-19-aout-1991-sur-la-destitution-de-m-gorbatchev-et-le-coup-detat-en-urss> (accessed 7 March 2025).

Уверенность Миттерана в том, что демократические преобразования не остановятся, подкреплялась информацией от Г. Янаева, формального руководителя ГКЧП. В записке, переданной послом СССР во Франции президенту, Г. Янаев заявил о продолжении реформ, начатых М.С. Горбачевым, а также о готовности продолжать соблюдать международные договоренности.

Позиция Ф. Миттерана во время августовского путча в России впоследствии стала объектом критики со стороны оппозиции. После очевидного провала путчистов Ф. Миттеран 21 августа 1991 г. выступил уже с жестким заявлением, называя путч *«нереальным, поверхностным»*, лишенным *«политической и народной поддержки»*¹⁴. *«Провал путча показывает... что после М. Горбачева появилась мощная политическая сила, выступающая за модернизацию и демократизацию»*¹⁵.

Президент Франции заявил, что сделал все от него зависевшее — отправил сообщения М.С. Горбачеву, поддержал Б.Н. Ельцина, о котором он высказался следующим образом: *«Господин Ельцин раскрыл свои личные качества: глубокое мужество, стойкость, большую энергичность»*¹⁶. Это изменение подхода можно объяснить особенностью политики самого Ф. Миттерана, которому многие годы удавалось лавировать между «правыми» и «левыми» силами, выбирая наиболее выгодную сторону в конкретный момент. За два дня он перешел от явной готовности сотрудничать с новой властью в России к позиции, согласно которой *«никогда не верил в победу путчистов»* и был обеспокоен безопасностью М.С. Горбачева, отношения с которым он охарактеризовал, как *«настоящую, долгую и глубокую дружбу»*. Через полгода, 7 февраля 1992 года, во время совместной пресс-конференции с Б.Н. Ельциным, Ф. Миттеран снова подчеркнул важность провала путча для продолжения демократических преобразований в России: *«...благодаря значительным усилиям, предпринятым президентом Ельциным, и мужеству, проявленному им в трудные времена, когда достижения демократизации могли быть утрачены и необходимая эволюция [движение России в сторону демократии – прим. ав.] могла быть обращена вспять»*¹⁷. Высказывание Ф. Миттерана о России во

¹⁴ Elysée (1991) Lettre de M. François Mitterrand, Président de la République, adressée à M. Boris Eltsine, président de Russie, après l'échec du coup d'Etat en URSS, Paris, le 21 août 1991. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1991/08/21/lettre-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-adressee-a-m-boris-eltsine-president-de-russie-apres-lechec-du-coup-detat-en-urss-paris-le-21-aout-1991> (accessed 7 March 2025).

¹⁵ Elysée (1991) Interview accordée par M. François Mitterrand, Président de la République, à TF1, Antenne 2, FR3 et La Cinq le 21 août 1991, sur l'échec du coup d'Etat en URSS et la position française. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1991/08/21/interview-accordee-par-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-a-tf1-antenne-2-fr3-et-la-cinq-le-21-aout-1991-sur-lechec-du-coup-detat-en-urss-et-la-position-francaise> (accessed 7 March 2025).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Elysée (1992) Conférence de presse conjointe de MM. François Mitterrand, Président de la République, et Boris Eltsine, Président de la Fédération de Russie, sur les relations entre la France et la Russie, la sécurité et le contrôle nucléaires, ainsi que la réduction des armements, Paris, le 7 février 1992. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1992/02/07/conference-de-presse-conjointe-de-mm-francois-mitterrand-president-de-la-republique-et-boris-eltsine-president-de-la-federation-de-russie-sur-les-relations-entre-la-france-et-la-russie-la-securite-et-le-controle-nucleaires-ainsi-que-la-reduction-d> (accessed 7 March 2025).

время визита в Таллин 15 мая 1992 года отражает зависимость политики Франции в отношении России от политического режима, который там установлен: *«Вчера государство было другим – имперским – и основанным на доминировании, сегодня оно таким не является. Последствия тоже меняются. Мы намерены поддерживать очень дружеские отношения, тем более что мы уверены, что там [в России – прим.ав.] будет демократия»*¹⁸. Спустя год, 16 марта 1993 г., Ф. Миттеран открыто высказывает сомнения в том, будет ли Россия демократической страной, но выражает надежду на продолжение реформ в связи с их важностью для Европы: *«Конечно, я не вмешиваюсь во внутреннюю политику, но вопрос о том, встала ли Россия окончательно на путь демократических реформ или нет, в любом случае касается всей Европы и многих других государств. Именно такую борьбу намерен вести президент Ельцин»* и *«Франция, естественно, стремится к тому, чтобы в России утвердилась демократия, что будет возможно только в том случае, если в конечном итоге восторжествуют соответствующие экономические и политические реформы»*¹⁹.

Таким образом, демократичность политического режима являлась маркером «безопасности» и «европейской принадлежности» России, которые в дискурсе Ф. Миттерана по сути синонимичны.

Военно-экономическое взаимодействие

Ф. Миттеран в своих выступлениях не раз давал оценку военно-экономическому состоянию России после распада СССР. Так, во время совместной пресс-конференции с президентом Эстонии А. Рюйтелем Ф. Миттеран подчеркнул слабость России: *«Я действительно считаю, что никто не может позволить себе роскошь конфликта, и меньше всех это может позволить себе Россия»*²⁰. Эту же мысль он повторил 15 мая 1992 г. во время обсуждения независимости Латвии и проблемы вывода российских войск: *«Ни одна из стран,*

¹⁸ Elysée (1992) Conférence de presse conjointe de MM. François Mitterrand, président de la République, et Arnold Ruutel, Président de la République d'Estonie, sur la souveraineté du peuple estonien, son droit à revendiquer le retrait des troupes russes de son territoire, Tallinn le 15 mai 1992. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1992/05/15/conference-de-presse-conjointe-de-mm-francois-mitterrand-president-de-la-republique-et-arnold-ruutel-president-de-la-republique-destonie-sur-la-souverainete-du-peuple-estonien-son-droit-a-revendiquer-le-retrait-des-troupes-russes-de-son-territoire> (accessed 8 March 2025).

¹⁹ Elysée (1993) Conférence de presse conjointe de MM. François Mitterrand, Président de la République, et Boris Eltsine, président de la Fédération de Russie, sur la proposition française d'une réunion anticipée du groupe des Sept pour une aide financière à la Russie et la plan de paix pour l'ex-Yougoslavie, Moscou le 16 mars 1993. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1993/03/16/conference-de-presse-conjointe-de-mm-francois-mitterrand-president-de-la-republique-et-boris-eltsine-president-de-la-federation-de-russie-sur-la-proposition-francaise-dune-reunion-anticipee-du-groupe-des-sept-pour-une-aide-financiere-a-la-russie-et> (accessed 8 March 2025).

²⁰ Elysée (1992) Conférence de presse conjointe de MM. François Mitterrand, président de la République, et Arnold Ruutel, Président de la République d'Estonie, sur la souveraineté du peuple estonien, son droit à revendiquer le retrait des troupes russes de son territoire, Tallinn le 15 mai 1992. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1992/05/15/conference-de-presse-conjointe-de-mm-francois-mitterrand-president-de-la-republique-et-arnold-ruutel-president-de-la-republique-destonie-sur-la-souverainete-du-peuple-estonien-son-droit-a-revendiquer-le-retrait-des-troupes-russes-de-son-territoire> (accessed 8 March 2025).

о которых я говорю, включая Россию, не находится в таком политическом, экономическом и психологическом состоянии, которое позволило бы участвовать в конфликте»²¹.

С момента неудавшегося августовского путча Ф. Миттеран воспринимал Россию с настороженностью. Несмотря на то, что в результате распада СССР во Франции исчезли опасения по поводу возможной угрозы (очевидно, мнимой) со стороны Восточной Европы, Россия все еще оставалась ядерной державой: *«Почему Советский Союз был опасным? Это потому, что СССР обладал значительными ядерными силами»*²². Ф. Миттеран был вынужден пересмотреть свой подход к вопросам ядерной безопасности ввиду исчезновения СССР и возникновения угрозы распространения ядерного оружия. Как следствие, 3 августа 1992 г. Франция присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия (после того, как договор подписали Беларусь, Казахстан и Украина).

В ходе совместной пресс-конференции, на которой поднимался вопрос ядерного разоружения, Ф. Миттеран подчеркнул новое качество отношений с Россией: *«Мы ведем переговоры между собой как между объединенными сопоставимыми целями европейскими странами, чье поведение априори является дружественным, а не воинственным»*²³.

Таким образом, Россия воспринималась как слабая в военном и экономическом плане страна, не представляющая в данный период времени прямую угрозу. Однако сохранение у России ядерного оружия побуждало Францию считаться с российскими интересами и выстраивать отношения с учетом этого фактора.

Геополитическое позиционирование

Не менее важным в восприятии образа России оказался фактор НАТО. Несмотря на то, что Франция при президентстве де Голля в 1966 г. покинула объединенное военное командование НАТО, она по-прежнему

²¹ Elysée (1992) Conférence de presse conjointe de MM. François Mitterrand, Président de la République, et Anatolis Gorbunovs, président du conseil suprême de la République de Lettonie, sur les relations franco-lettones, la souveraineté retrouvée de la Lettonie et le problème du retrait des troupes russes, Riga le 15 mai 1992. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1992/05/15/conference-de-presse-conjointe-de-mm-francois-mitterrand-president-de-la-republique-et-anatolis-gorbunovs-president-du-conseil-supreme-de-la-republique-de-lettonie-sur-les-relations-franco-lettones-la-souverainete-retrouvee-de-la-lettonie-et-le-pro> (accessed 8 March 2025).

²² Elysée (1991) Interview accordée par M. François Mitterrand, Président de la République à TF1, Antenne 2, FR3 et La Cinq, le 19 août 1991, sur la destitution de M. Gorbatchev et le coup d'Etat en URSS. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1991/08/19/interview-accordee-par-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-a-tf1-antenne-2-fr3-et-la-cinq-le-19-aout-1991-sur-la-destitution-de-m-gorbatchev-et-le-coup-detat-en-urss> (accessed 8 March 2025).

²³ Elysée (1992) Conférence de presse conjointe de MM. François Mitterrand, Président de la République, et Boris Eltsine, Président de la Fédération de Russie, sur les relations entre la France et la Russie, la sécurité et le contrôle nucléaires, ainsi que la réduction des armements, Paris, le 7 février 1992. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1992/02/07/conference-de-presse-conjointe-de-mm-francois-mitterrand-president-de-la-republique-et-boris-eltsine-president-de-la-federation-de-russie-sur-les-relations-entre-la-france-et-la-russie-la-securite-et-le-controle-nucleaires-ainsi-que-la-reduction-d> (accessed 10 March 2025).

поддерживала военно-политическое и техническое сотрудничество с этой организацией. З. Бжезинский утверждал, что именно НАТО обеспечило Франции достаточное чувство безопасности для примирения с Германией (Brzezinski, 1998: 13). Он отмечал попытки Ф. Миттерана и премьер-министра Великобритании М. Тэтчер отложить объединение Германии или даже препятствовать этому процессу. Однако вопреки идее З. Бжезинского, что расширение НАТО и ЕС связаны и способствуют сближению США и Европы, для Ф. Миттерана приоритетом было уменьшение роли США в Европе.

В интервью на болгарском телевидении 15 января 1994 г., говоря о просьбе некоторых стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) присоединиться к НАТО, Ф. Миттеран заявил: *«Вы прекрасно знаете, что Россия видела в этом [более тесном взаимодействии стран ЦВЕ и Западной Европы – прим.ав.], причем еще с 1917 года, своего рода воображаемое окружение, своего рода угрозу»*²⁴. Он также заверил, что НАТО не направлена против России. Необходимо отметить, что термин «миф окружения», или «комплекс окружения», был введен западными исследователями для дискредитации воспринимаемой СССР внешней угрозы его существованию. Саму концепцию «окружения» они определяли как «политический комплекс и пропагандистский термин» (Vagts, 1956). В своих выступлениях Ф. Миттеран пытался минимизировать опасения России, ссылаясь на историю. Впрочем, исторический опыт России давал основания для беспокойства. Конечно, в 1917 г. о блоковом противостоянии еще речи не шло, однако Франция участвовала в интервенции в Россию в 1918–1919 гг. После распада СССР резкая критика Россией расширения НАТО стала объясняться тем же мифом об «окружении».

В заявлении Ф. Миттерана 5 декабря 1994 г. во время конференции ОБСЕ был затронут вопрос сопротивления России расширению НАТО на восток. Это выступление хорошо иллюстрирует, как воспринималась Россия в тот период: *«Нет никакого прямого намерения агрессии против России, скорее это естественное стремление к безопасности или проявление осторожности ряда стран, несколько десятилетий живших под властью Советского Союза и боящихся оказаться вновь в такой ситуации»*²⁵.

Ф. Миттеран не был полностью уверен в том, что будущее Российской Федерации – это демократия западного типа. При этом президент Франции ясно осознавал озабоченность России: *«...мы вовсе не хотим выглядеть так,*

²⁴ *Elysée* (1994) Interview de M. François Mitterrand, Président de la République, accordée à la télévision bulgare, sur l'intégration européenne de la Bulgarie, sur la sécurité des Balkans et le rôle de l'OTAN et sur l'attitude de l'Occident à l'égard de la Russie et de la montée du nationalisme, Paris le 15 janvier 1994. Available at: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1994/01/15/interview-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-accordee-a-la-television-bulgare-sur-lintegration-europeenne-de-la-bulgarie-sur-la-securite-des-balkans-et-le-role-de-lotan-et-sur-latitude-de-loccident-a-legard-de-la-russie-et-de> (accessed 10 March 2025).

²⁵ *Vie-publique* (1994) Discours de M. François Mitterrand, Président de la République, sur le rôle de la Conférence sur la sécurité et la coopération en Europe, son échec dans le conflit yougoslave et sur le refus russe de voir l'OTAN s'ouvrir à l'Europe de l'Est, Budapest le 5 décembre 1994. Available at: <https://www.vie-publique.fr/discours/128150-discours-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-sur-le-r> (accessed 8 March 2025).

как будто ищем новую ссору или повод для разногласий в Европе, особенно с Россией, которая этого не заслуживает, и этой стране будет очень трудно избежать ощущения, что она окружена». Но президент тут же задает риторический вопрос: «Как отказать некоторым странам Центральной Европы, пострадавшим в прошлом от иностранной оккупации [имеется в виду вхождение в социалистический блок – прим.ав.], в защите от повторения этой ситуации?»²⁶.

Таким образом, по мнению Ф. Миттерана, в вопросе расширения НАТО большее значение имело беспокойство кандидатов в члены НАТО, а не «ложное», «искаженное» и даже «мифологизированное» восприятие Россией происходящего расширения как восстановления блокового противостояния. Из-за слабости России, на которую Ф. Миттеран уже указывал в связи с необходимостью вывода российских войск из Прибалтики, ему казалось возможным пренебречь интересами России в вопросе обеспечения ее безопасности от возможных угроз со стороны Запада, предложив дополнительное соглашение между НАТО и Россией, чтобы снизить ее беспокойство.

Комплексный образ России

Сформированный на основании четырех выделенных авторами в дискурсе Ф. Миттерана категорий образ России состоял из следующих смысловых элементов:

1) Россия – слабое во внешнеполитическом и военном плане (в сравнении с СССР) государство, не представлявшее на тот момент реальной угрозы, взаимодействие с которым требовало осторожности из-за сохранения ядерных вооружений и исторического наследия (как государства с «имперскими» амбициями);

2) Россия не представляет угрозы для Франции и других европейских государств до тех пор, пока в стране идут демократические преобразования. Демократичность России постоянно обозначалась как залог отсутствия опасности с ее стороны для Европы. При этом демократические преобразования чаще всего упоминались в сочетании с внешнеполитическим ослаблением России и практически никогда – в контексте укрепления легитимности нового Российского государства. По сути, демократичность России становилась символом ее принадлежности к Европе, что для Ф. Миттерана представляло важное условие для сотрудничества, которое становится возможным только в обстоятельствах внешнеполитической «покорности» России и принятия ее второстепенной роли в мировой политике;

²⁶ *Vie-publique* (1994) Discours de M. François Mitterrand, Président de la République, sur le rôle de la Conférence sur la sécurité et la coopération en Europe, son échec dans le conflit yougoslave et sur le refus russe de voir l'OTAN s'ouvrir à l'Europe de l'Est, Budapest le 5 décembre 1994. Available at: <https://www.vie-publique.fr/discours/128150-discours-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-sur-le-r> (accessed 8 March 2025).

3) Россия – государство, которое должно вести себя в соответствии с международными нормами, однако не может позволить себе их определять.

В типологии Р. Херрманна и М. Фишеркеллера образ, попадающий в категорию «союзник», определяется тем, что для субъекта возможность сотрудничества перевешивает его страх перед мощью объекта и его культурным величием. Из высказываний Ф. Миттерана следует, что президент Франции воспринимает Россию как страну, которая в данный момент истории ослабла, но тем не менее является значимым по мощи государством благодаря ядерному фактору. Россия для Франции в данный период представляла возможности для сотрудничества. Ф. Миттеран неоднократно высказывался о желании строить дружеские отношения, что проявлялось, например, в содействии Франции проведению реформ в России. Значимость России в мире сильно уменьшилась в сравнении с СССР, однако Ф. Миттеран осознавал, что Россия все еще воспринимает страны бывшего СССР и распавшейся Организации Варшавского договора как свою «сферу влияния». Это, по мнению президента Франции, проявлялось в непринятии Россией идеи расширения НАТО на восток. В целом, можно заключить, что Ф. Миттеран осторожно воспринимал современную ему Россию как союзника, условия отношений с которым требуют, однако, внимательной проработки. Возможности их выстраивания должны были быть обусловлены активным проведением демократических реформ в России, которые на том этапе были ценны для Ф. Миттерана преимущественно как способ ослабить российские внешнеполитические амбиции, а не как залог равноправного партнерства.

Распад СССР озаменовал конец угрозы распространения коммунизма, но, что гораздо более важно, судя по количеству упоминаний этой темы, с распадом СССР Россия в глазах Ф. Миттерана потеряла статус великой державы. Он неоднократно подчеркивал ее военно-экономическую и политическую слабость. Возникновение Российской Федерации воспринималось президентом как «возвращение России» на правильный, «удачный» (прежде всего – в смысле европейской и французской заинтересованности во внешнеполитическом ослаблении России) путь развития.

История России и ее внешней политики всегда оставалась значимым источником недоверия для Ф. Миттерана. Он не был до конца убежден в том, что демократический процесс в России навсегда сделает политику страны предсказуемой. Ф. Миттеран рассматривал вероятность того, что Россия однажды захочет возродить статус великой державы и соответствующие политические амбиции, для характеристики которых Ф. Миттеран часто использовал термины «имперский», «империя». Такой прогноз он делал, в частности, исходя из неизменно жесткой позиции России по поводу расширения НАТО на восток. Когда Ф. Миттеран говорил о защите Россией своих границ, он завершал апелляцией к ее «имперскости» и/или обращением к разделению мира на «сферы влияния, как в недавнем прошлом».

Ф. Миттеран часто подчеркивал важность диалога с Россией, поясняя, что он тем выгоднее для европейцев, чем слабее Россия в политическом плане. Впрочем, добиваться полной политической маргинализации России Ф. Миттеран не считал для Франции необходимым.

Подводя итоги, Россия в дискурсе Ф. Миттерана – это государство, не представляющее прямой опасности для Франции и других европейских государств, но потенциально способное стать ее источником, как это, по мнению президента, происходило неоднократно в истории. Это государство могло бы стать «европейским» (в плане союзнических отношений и сотрудничества, а не политической интеграции), однако ценой этого должен был стать отказ России от ее так называемых «имперских» амбиций, под которыми Ф. Миттеран, как показал проведенный анализ, фактически понимал российские национальные интересы.

В восприятии Ф. Миттерана идеальная Россия – слабая в военно-политическом плане демократическая страна, являющаяся частью европейского политического пространства, однако лишенная возможности выбора места, которое она может в нем занимать.

Сделанные выводы говорят о том, что оставленное французами «открытым окном» для развития отношений с Россией никогда не было «открытым широко». Даже в период наиболее благоприятных условий для двустороннего взаимодействия, когда президент Франции был готов рассмотреть Россию в качестве союзника, осознание Россией права на собственные внешнеполитические интересы интерпретировалось как угроза Франции. Так, Ф. Миттерана беспокоило, что к власти в России придет человек, вдохновленный великим прошлым страны. Демократичность режима как таковая в восприятии Ф. Миттерана самостоятельного значения для качества франко-российского диалога не имела. К равноправному сотрудничеству с Россией, вне зависимости от ее политического режима, Франция, вероятно, никогда не была готова.

Список литературы:

1. Анисимова С.Ш. (2021) Внешнеполитический имидж государства как атрибут современных международных отношений. *Sciences of Europe* 67 (3): 42–45. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-67-3-42-45.
2. Баранова Е.В. (2013) О времени и о себе: создание образа страны в процессе преподавания дисциплины обществоведческого цикла. *Проблемы управления* 2: 59–62.
3. Васютинский В.Н. (1992) *Президент Французской Республики Франсуа Миттеран* (1981–1991 гг.). М., 364 с.
4. Гринберг Т.Э. (2008) Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели. *Медиаскоп* 2: 74–82.
5. Егоров Ю.В. (2002) Франсуа Миттеран. *Россия в контексте мировой истории*. СПб.: Наука: 50–70.
6. Замятин Д.Н. (2003) *Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов*. СПб.: Алетейя, 331 с.

7. Зуева К.П. (2004) Внешняя политика Франции в эпоху «неоголлизма». *Мировая экономика и международные отношения* 1: 70–79. DOI: 10.20542/0131-2227-2004-1-70-79.
8. Кумышева Р.М. (2019) Содержание и структура имиджа страны с теоретических и методологических позиций. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки* 1 (830): 196–208.
9. Михайлов Д.Ю. (2022) Голлизм и атлантизм — основные внешнеполитические парадигмы Пятой республики. *Вестник МГИМО-Университета* 15(1): 60–91. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-60-91.
10. Обичкина Е.О. (2004) *Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире: монография*. М.: МГИМО, 487 с.
11. Пятигорский А.М. (2004) *Непрекращающийся разговор*. СПб.: Азбука-классика, 432 с.
12. Федякин А.В. (2005) *Образ России: национальные интересы и приоритеты*. М.: Соц.-полит. мысль, 249 с.
13. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. (2008) Дискурс-анализ. Теория и метод. Пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Гуманитарный Центр, 352 с.
14. Шестопал Е.Б. (2008) *Образы государств, наций и лидеров*. М.: Аспект Пресс, 288 с.
15. Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В., Морозикова И.В. (2019) Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов. *Сравнительная политика* 10 (3): 74–94. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031.
16. Шейгал Е.И. (2000) *Семиотика политического дискурса: монография*. Волгоград: Перемена, 368 с.
17. Alexander M.G., Levin S. and Henry P.J. (2015) Image Theory, Social Identity, and Social Dominance: Structural Characteristics and Individual Motives Underlying International Images. *Political Psychology* 26 (1): 27–45. DOI:10.1111/j.1467-9221.2005.00408.x
18. Barthes R. (1972) *Mythologies*. 2nd edn. London: Paladin, 164 p.
19. Baudrillard J (1981) *Simulacres et Simulation*. Paris: Galilée, 164 p.
20. Brzezinski Z. (1997) *The Grand Chessboard: American Primacy And Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books, 223 p.
21. Brzezinski Z. (1998) NATO: The Dilemmas of Expansion. *The National Interest* 53: 13–17.
22. Cassirer E. (1953) *Language and Myth*. New York: Dover Publications, 128 p.
23. Derrida J. (1976) *Of Grammatology*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 354 p.
24. Eco U. (1976). *A Theory of Semiotics*. Bloomington: Indiana University Press, 368 p.
25. Feklyunina V. (2010) *National Images in Relations: Putin's Russia and the West*. PhD thesis, University of Glasgow, Glasgow, UK, 250 p.
26. Foucault M (1966) *Les Mots et les Choses: Une archéologie des sciences humaines*. Paris: Gallimard, 404 p.
27. Herrmann R.K., Fischerkeller M.P. (1995) Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive-strategic research after the cold war. *International Organization* 49 (3): 415–450.
28. Herrmann R.K., Voss J.F., Schooler T.Y.E., Ciarrochi J. (1997) Images in international relations: An experimental test of cognitive schemata. *International Studies Quarterly* 41(3): 403–433.
29. Nye J.S., Jr. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 192 p.
30. Peirce C.S. (1894) 'What is a Sign?', in *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, ed. by Hartshorne, C. and Weiss, P. Cambridge, MA: Harvard University Press, 962 p.
31. Saussure F. de (1974) *Course in General Linguistics*. Translated by Baskin, W. London: Fontana/Collins, 240 p.
32. Vagts A. (1956) Capitalist Encirclement; A Russian Obsession – Genuine or Feigned? *The Journal of Politics* 18 (3): 499–519.
33. Van Dijk T.A. (2008) *Discourse and Power*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 308 p.
34. Védérine H (1996) *Les mondes de François Mitterand. 1981–1995*. P.: Fayard, 758 p.
35. Wallerstein I. (2011) *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. University of California Press, 436 p.

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE DISCOURSE OF FRENCH PRESIDENTS: FRANÇOIS MITTERRAND

Dr. Anna V. VERETEVSKAYA – Associate Professor, Comparative Politics Department, MGIMO University.

ORCID: 0009-0005-2887-2040. E-mail: Veretevskaya.a@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Valentina A. KHACHATRYAN – Applicant, Comparative Politics Department, MGIMO University.
ORCID: 0009-0002-0788-8914. E-mail: Val.khachatryan@gmail.com
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received 9 July, 2023

Accepted 25 February, 2025

Abstract: The article analyses the image of Russia after the collapse of the USSR in the public speeches by François Mitterrand, President of the French Republic. Mitterrand's presidency coincided with the end of the Cold War, when a new political system had just emerged in Russia. France was struggling for a new place in the post-bipolar world order and reshaping relations with a reformed Russia, cooperation with the reformed Russian state. The authors present existing definitions of the state image and analyze its components. The image of Russia in Mitterrand's public speeches is studied with post-structural discourse analysis method. The authors identified key categories shaping Russia's image in Mitterrand's discourse: history, democratization, military and economic interactions, and geopolitics. France's historical engagement with the USSR influenced the French president's perception of a reformed Russian state. Russia's democratization emerged as the primary factor fostering closer ties. As a result of the study, the authors present a generalized image of Russia in Mitterrand's discourse: the perception of Russia as a state that lost its former power and needed guidance in democratic development. According to the typology of international images developed by R. Herrmann and M. Fischerkeller, the authors classify Russia's image in François Mitterrand's perception during the analyzed period as an "ally". In other words, the authors conclude with the perception of a generalized image of Russia in Mitterrand's discourse: unless Russia resurrected its "imperial" ambitions (which Mitterrand believed to be a potential threat to Europe and thus feared them), France could accept the state as an ally.

Keywords: state image, image of Russia, François Mitterrand, political discourse, France, French-Russian relations, the West

References:

1. Alexander M.G., Levin S. (2015). Image Theory, Social Identity, and Social Dominance: Structural Characteristics and Individual Motives Underlying International Images. *Political Psychology* 26 (1): 27–45. DOI:10.1111/j.1467-9221.2005.00408.x
2. Anisimova S.Sh. (2021) Vneshnepoliticheskiy imidzh gosudarstva kak atribut sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy [Foreign Policy Image of the State as an Attribute of Modern International Relations]. *Sciences of Europe* 67 (3): 42–45. DOI: 10.24412/3162-2364-2021-67-3-42-45. (In Russian).

3. Baranova E.V. (2013) O vremeni i o sebe: sozдание obraza strany v processe prepodavaniya discipliny obshchestvovedcheskogo cikla [About Our Time and Ourselves: Development of Country Image Through Education Process]. *Problemy upravleniya [Governance issues]* 2: 59–62. (In Russian).
4. Barthes R. (1972) *Mythologies*. 2nd edn. London: Paladin, 164 p.
5. Baudrillard J. (1981) *Simulacres et Simulation*. Paris: Galilée, 164 p.
6. Brzezinski Z. (1997) *The Grand Chessboard: American Primacy And Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books, 223 p.
7. Brzezinski Z. (1998) NATO: The Dilemmas of Expansion. *The National Interest* 53: 13–17.
8. Cassirer E. (1953) *Language and Myth*. New York: Dover Publications, 128 p.
9. Derrida J. (1976) *Of Grammatology*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 354 p.
10. Eco U. (1976) *A Theory of Semiotics*. Bloomington: Indiana University Press, 368 p.
11. Egorov Yu.V. (2002) Fransua Mitteran. *Rossiya v kontekste mirovoy istorii [François Mitterand. Russia in the Context of World History]*. SPb.: Nauka: 50–70. (In Russian).
12. Feklyunina V. (2010) *National Images in Relations: Putin's Russia and the West*. PhD thesis, University of Glasgow, Glasgow, UK, 250 p.
13. Fedjakin A.V. (2005) *Obraz Rossii: natsional'nye interesy i priority [The Image of Russia: National Interests and Priorities]*. M.: Sots.-polit. mysl', 249 p. (In Russian).
14. Filipp L., Yorgensen M.V. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse Analysis. Theory and Method]*. Kh.: Gumanitarnyy Tsentr, 352 p. (In Russian).
15. Foucault M. (1966) *Les Mots et les Choses: Une archéologie des sciences humaines*. Paris: Gallimard, 404 p.
16. Grinberg T.E. (2008) Obraz strany ili imidzh gosudarstva: poisk konstruktivnoy modeli [From the Country's Concept to Its Image: a Search for a Constructive Model]. *Mediascope* 2: 74–82. (In Russian).
17. Herrmann R. K., Fischerkeller M.P. (1995) Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive-strategic research after the cold war. *International Organization* 49 3: 415–450.
18. Herrmann R.K., Voss J.F., Schooler T.Y.E., Ciarrochi J. (1997) Images in international relations: An experimental test of cognitive schemata. *International Studies Quarterly* 41(3): 403–433.
19. Kumysheva R.M. (2019) Soderzhanie i struktura imidzha strany s teoreticheskikh i metodologicheskikh pozicij [Content and Structure of the Country Image in Accordance with Theoretical and Methodological Positions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Studies]* 1 (830): 196–208. (In Russian).
20. Mihajlov D.YU. (2022) Gollizm i atlantizm – osnovnye vneshnepoliticheskie paradigmy Pyatoy respubliki [Gaullism and Atlanticism are Main Foreign Policy Paradigms of the Fifth Republic]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 15(1): 60–91. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-60-91. (In Russian).
21. Nye J.S., Jr. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 192 p.
22. Obichkina E.O. (2004) Franciya v poiskah vneshnepoliticheskikh orientirov v postbipolyarnom mire : monografiya [France Looking for Foreign Policy Directions in the Post-Bipolar World]. M.: MGIMO, 487 p. (In Russian).
23. Peirce C.S. (1894) 'What is a Sign?', in *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, ed. by Hartshorne, C. and Weiss, P. Cambridge, MA: Harvard University Press, 962 p.
24. Pyatigorsky A.M. (2004) *Neprekrashchayushchisya razgovor [Unstopping Conversation]*. SPb.: Azbuka-klassika, 432 p. (In Russian).
25. Saussure F. de (1974) *Course in General Linguistics*. Translated by Baskin, W. London: Fontana/Collins, 240 p.
26. Shestopal E.B. (2008) *Obrazy gosudarstv, natsiy i liderov [Images of States, Nations and Leaders]*. M.: Aspekt Press, 288 p. (In Russian).

27. Shestopal E.B., Smulkina N.V., Morozikova I.V. (2019) Sravnitelny analiz obrazov svoey strany u zhitel'ey rossiyskikh regionov [Comparative Analysis of One's Own Country Images in Russian Regions]. *Comparative Politics Russia*. 10(3):74–94. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031. (In Russian).
28. Sheigal E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa: monografiya* [Semiotics of Political Discourse: Monography]. Volgograd: Peremena, 368 p. (In Russian).
29. Vagts A. (1956) Capitalist Encirclement; A Russian Obsession – Genuine or Feigned? *The Journal of Politics* 18 (3): 499–519.
30. Van Dijk T.A. (2008) *Discourse and Power*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 308 p.
31. Vasyutinsky V.N. (1992) *Prezident Frantsuzskoy Respubliki Fransua Mitteran (1981–1991 gg.)* [President of the French Republic François Mitterand]. M., 364 p. (In Russian).
32. Védérine H. (1996) *Les mondes de François Mitterand. 1981–1995*. P. : Fayard, 758 p.
33. Wallerstein I. (2011) *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. University of California Press, 436 p.
34. Zamyatin D.N. *Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography: Space and Language of the Geographical Images]. SPb.: Aleteya. 2003. (In Russian).
35. Zueva K.P. (2004) Vneshnyaya politika Frantsii v epokhu "neogollizma" [France's Foreign Policy in the Age "Neo-Gollism"]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 1: 70–79. DOI: 10.20542/0131-2227-2004-1-70-79. (In Russian).

КАК СИ ЦЗИНЬПИН ИЗМЕНИЛ КИТАЙ

Рецензия на книгу: Зуенко И.Ю. (2024) Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: АСТ, 304 с.

Илья ЧУБАРОВ
ИКСА РАН

Аннотация: Последнее десятилетие отмечено значительными переменами практически во всех сферах жизни Китая: от правил игры во внутренней политике и динамики отношений между государством и бизнесом до особенностей архитектуры и урбанизации. Далеко не все из них можно назвать простым следствием быстрого развития в предыдущие годы. За часто кажущимся неподвижным фасадом «красного монолита» Си Цзиньпин продолжает искать наиболее подходящую модель развития страны. Для международной ситуации не менее важны китайско-американские отношения, а также ситуация вокруг Тайваня. Личности китайского лидера и анализу происходящих у нашего крупнейшего соседа процессов посвящено научно-популярное издание сотрудника ИМИ МГИМО МИД России И.Ю. Зуенко.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, социализм с китайской спецификой, рыночные реформы, борьба с коррупцией

Иван Зуенко – один из ведущих российских китаеведов постсоветского поколения, яркий представитель дальневосточной школы, в настоящее время работающий в Москве. Он хорошо известен в кругах историков и международных коллег как автор глубоких аналитических статей и экспертных комментариев по китайской тематике, нескольких специализированных монографий и докладов (Денисов & Зуенко, 2022; Зуенко & Савченко, 2023), а также популярных телеграм-каналов «Китай. 80-е и не только» и «Китайский футбол»¹. В 2024 г. в издательстве АСТ вышла его первая книга, предназначенная для широкой публики.

¹ *Китай. 80-е и не только* (n.d.) Available at: t.me/china80s (дата обращения: 07.02.2024); *Китайский футбол* (n.d.) Available at: t.me/chinafootball (дата обращения: 07.02.2024).

Илья Георгиевич Чубаров – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0002-4672-6566. E-mail: ilya.chubarov@vk.com
117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Поступила в редакцию: 09.12.2024

Принята к публикации: 09.02.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Она открывается размышлениями о том, что же такое «Китай в эпоху Си Цзиньпина» – очередная «ступенька» идущих с конца 1970-х гг. рыночных реформ или нечто иное, новое? Взгляд автора состоит в том, что в 2012 г. начался полноценный новый этап развития Китая, однако его отличия от предыдущего пока что не слишком отрефлексированы в зарубежном сознании. Обоснованность именно такой периодизации И. Зуенко аргументирует накопленной массой объективных различий, позволяющих говорить о переходе китайской системы в новое качество, а также принятой в исторической науке «привязкой» к фигуре конкретного правителя. При этом автор соглашается, что такая терминология совпадает с линией китайской пропаганды, которая делит современную историю КНР на «до Си» и «новую эпоху» (新时代) под его руководством. Именно этому и посвящена книга – не описанию статичной картинке, а анализу динамики и первопричин произошедших в последние десять лет изменений.

Основная часть (21 очерк) разделена на три тематических блока. В очерках 1–4 рассказывается о личных и политических качествах Си Цзиньпина как государственного деятеля. И. Зуенко последовательно «перебирает» все поворотные моменты биографии главы КНР, точно подсвечивая те, которые позволяют наилучшим образом понять его характер и природу лидерских качеств. Детские и школьные годы среди пекинской элиты, многолетняя ссылка на «трудовое перевоспитание» в деревню в период Культурной революции, обернувшаяся настоящей «школой жизни», длительная партийная карьера в регионах, возвращение в Пекин и жесткая борьба с другими кандидатами на высший пост разворачиваются на бурном историческом фоне Китая первой четверти XXI в.² Автор выделяет и характерные составляющие политической линии Си Цзиньпина как главы коммунистической партии и государства – консолидацию политического класса, укрепление идеологического фундамента; рассматривает причины возникновения и отмены специфических внутривластных практик (например, системы коллективного руководства). Артикулировано содержание находящихся «на слуху» китайских лозунгов, таких как «Один пояс, один путь», «новая нормальность», две «сто-летние цели», построение общества сяокан («средней зажиточности»).

В очерках 5–18 комплексно разбираются четырнадцать сфер китайской жизни – от демографии и городской архитектуры до футбола и кинематографа. В каждом из них автор стремится сжато охарактеризовать ситуацию на начало 2010-х гг., а затем показать, что и почему произошло в каждой сфере при Си Цзиньпине, в какой логике следует воспринимать эти изменения. В качестве «действующего лица» при этом выступает не только государство, но и китайское общество в целом, что позволяет представить читателю гораздо более выпуклую картину. На нескольких из очерков остановимся подробнее.

² Желаящим глубже изучить биографию Си Цзиньпина можно порекомендовать три книги китаеведа Ю.В. Тавровского: Тавровский, 2015; Тавровский, 2018; Тавровский, 2024.

Пятый очерк посвящен борьбе с коррупцией. Автор характеризует ее как наиболее яркую кампанию эпохи Си Цзиньпина, который пришел к власти в период усиления общественного недовольства показной роскошью жизни чиновничества, в том числе в регионах. Первоначально казалось, что главная цель антикоррупционных дел – политическая, связанная с устранением опасных конкурентов. Однако довольно быстро стало понятно, что поставлена более амбициозная задача по восстановлению доверия жителей к партийной элите. Для этого с 2013 г. были введены новые жесткие правила контроля бюджетных представительских расходов, а страну потрясла серия громких публичных антикоррупционных расследований имущества и связей чиновников высшего эшелона – Чжоу Юнкана, Лин Цихуа и Сюй Цайхоу. Характерными чертами нового этапа борьбы с коррупцией являются медийность, отказ от принципа «не выносить сор из избы», а также широкое использование морально-нравственных аргументов, включая обвинения в неподобающем образе личной жизни. При этом самые громкие коррупционные дела ведет не прокуратура, а Центральная комиссия по проверке дисциплины. Ее руководитель Ван Цишань в 2012–2017 гг. по уровню влияния уступал лишь главе государства. Разоблачается популярный стереотип о повсеместной распространённости в Китае смертной казни коррупционеров – в реальности «высшая мера» в подавляющем большинстве случаев по прошествии двух лет заменяется на пожизненное заключение. Всего же за десять лет антикоррупционных разбирательств коснулись 2,3 млн чиновников, и это число продолжает расти (вспомним недавние громкие дела министра иностранных дел Цинь Гана и министра обороны Ли Шанфу).

В седьмом очерке речь идет о борьбе с неравенством. Как известно, позиционирование Китая как социалистического государства в глазах наблюдателей часто вступает в противоречие с реалиями «на земле». Автор поясняет, что после попыток построения эгалитаристской утопии при Мао Цзэдуне рост неравенства спровоцировал Дэн Сяопин. Руководствуясь его знаменитым лозунгом *«пускай сначала разбогатеет часть жителей»*, в 1980-х гг. партия и правительство допустили неизбежное в рыночной системе появление богатых и даже сверхбогатых слоев при условии поступательного движения всего общества. Социальные контрасты наиболее ярко обозначились к началу 2010-х гг., поэтому Си Цзиньпин сделал борьбу с нищетой одним из своих приоритетов. О победе над бедностью было торжественно объявлено в 2021 г., к столетию КПК, после чего был анонсирован новый этап – построение общества всеобщего благоденствия, или совместного обогащения (共同富裕). Если кампания по борьбе с нищетой касалась в первую очередь сельской глубинки и поселков, то новая, по идее, должна серьезно затронуть жизнь городского среднего класса. Государство принялось «наводить порядок», начав со сверхприбылей интернет-платформ и завышенных зарплат в финансовом секторе, неучтенных доходов различных блогеров, затратной для родителей сферы платного дополнительного образования и других неоднозначных (для социалистической страны) сфер

экономики. Несмотря на провозглашенные идеологические изменения, главным приоритетом продолжает оставаться рост уровня жизни, что существенно ограничивает власти в их взаимоотношениях с частным сектором.

Весьма интересному и идеологически важному сюжету посвящен десятый очерк. В нем речь идет о взаимодействии «китайского» и «инострannого» в культурной сфере, включая политику «китаизации», которая с приходом Си Цзиньпина вышла на новый уровень. Автор начинает с рассказа об истории отношения китайцев к иностранцам, не обходя стороной как проявления ксенофобии, так и знакомое нашему обществу преклонение перед всем зарубежным. Со знанием дела описывается ситуация в многонациональной общине проживающих в КНР выходцев из других стран, в том числе из России: многие «лаоваи» (иностранцы) работают далеко не на престижных «белых» работах, а в «серой зоне» сферы услуг, включая преподавание английского языка, внешнюю торговлю, переводы, съемки. Вторая половина очерка посвящена крайне чувствительному для китайских властей этнорелигиозному вопросу, связанному с проблемой регионального сепаратизма, а также государственной политике в отношении различных религиозных течений.

Особую актуальность имеют очерки 13 и 14, касающиеся цифровизации, онлайн-цензуры и цифрового контроля. Это одна из тех сфер, в которых Китай при Си Цзиньпине уверенно задает тренды, затем в той или иной степени подхватываемые другими странами. В первую очередь речь идет о массовом внедрении «платформенной» модели работы в сфере доставки, которая буквально за несколько лет полностью поменяла потребительское поведение в сфере общественного питания и интернет-торговли. Широкую известность за пределами Китая получили шеринговые платформы поминутной аренды велосипедов. Не менее впечатляет развитие сферы цифровых платежей и «супер-приложения» на базе мессенджера *WeChat*. Громадный опыт накоплен Китаем и в создании систем фильтрации онлайн-контента с целью минимизации появления в публичном поле информации и высказываний, резко противоречащих общественной морали и нравственности, идущих вразрез с важнейшими политическими установками правящей партии, допускающих насмешки и критику в адрес лично Си Цзиньпина и его ближайших соратников. Автор разоблачает широко распространенный за рубежом миф о внедрении в КНР тотальной системы «социального рейтинга» каждого гражданина, при этом очерчивая сферы, где подобные разработки все-таки могут найти точечное применение.

Все эти успехи были бы невозможны без развития образования и большого числа компаний в сфере информационных технологий и жесточайшей конкуренции между ними, а также непростых отношений с государством. Ключевая фигура здесь – основатель компании «Алибаба» известный миллиардер и интернет-знаменитость Джек Ма (Ма Юнь), почти пропавший из публичного поля после жесткой критики в отношении позиции китайских

финансовых регуляторов. Важно отметить, что, несмотря на некоторые уже-сточения правил игры, сама по себе значимость вклада частных IT-компаний в экономический рост и модернизацию страны под сомнение не ставится.

С особым чувством И. Зуенко рассказывает о перипетиях китайского футбола (очерк 18). Он один из немногих за пределами КНР специалистов, хорошо знающий игроков и команды этой страны, регулярно комментирующий матчи с их участием для российских новостных порталов и телеканалов. Автор обращает внимание на то, что в этом виде спорта, несмотря на все усилия государства и частного сектора, стране не удалось продемонстрировать очередного «китайского чуда» и добиться хоть каких-то значимых побед. В очерке прослеживается, как под влиянием (или, по крайней мере, с одобрения) Си Цзиньпина в 2016 г. в китайский футбол пришли «большие деньги», благодаря чему состав клубов пополнили мировые звезды и тренеры. Тем не менее заметных успехов это не принесло. Более того, на фоне пристального внимания общественности вскрылась тотальная коррупция во всей околофутбольной среде, в том числе среди спортивных чиновников, бывших игроков и тренеров. С 2021 г. начался этап «оздоровления», связанный с сокращением расходов на статусных иностранных игроков, ограничением влияния частных спонсоров и попытками создать свои футбольные школы.

Три последних очерка (19–21) посвящены отдельным сюжетам, объединенным своей специфичностью и серьезным конфликтным потенциалом. Речь идет об отношениях Китая с США, с Тайванем и противозидемических мерах в 2020–2022 гг. Так, в очерке 21 автор приводит подробный обзор появления и развития знаменитой концепции *«одна страна, две системы»*. На примере динамики ситуации в Гонконге он обрисовывает сложности, возникшие при согласовании имеющихся у специального автономного района особых полномочий и общенационального идеологического и политического ландшафта. Итоги протестов 2019 г., по мнению автора, нивелировали в глазах жителей Тайваня потенциальную привлекательность модели «внутригосударственной автономии» в составе КНР по образцу Гонконга и Макао. При этом И. Зуенко отслеживает и внутривполитическую динамику на острове, связанную с противостоянием двух основных партий. «Гоминьдан» объединяет вокруг себя избирателей с китайской идентичностью и выступает за более конструктивное взаимодействие с Пекином. Демократическая прогрессивная партия акцентирует уникальность тайваньской идентичности и имеет прозападную ориентацию. Автор отмечает, что современные особенности международного положения Тайваня связаны с договоренностями, достигнутыми США и КНР в 1970-е гг. в ходе нормализации отношений, ставшей возможной после ухудшения советско-китайских связей.

В заключении И. Зуенко подводит краткий итог проведенного им анализа «десятилетки Си Цзиньпина». Отмечается, что многие из изменений, связываемых с именем председателя, имеют более длительные исторические корни. Китайская модель, которая основывается на сочетании многоукладной

экономики и партократического режима, существенно обновилась, доказала способность решать назревшие общественные проблемы. Жесткое регулирование экономики, национализм и стремление к социальной справедливости выглядят привлекательно в глазах многих иностранцев, других же отталкивает усиление авторитаризма, цензуры и вмешательства в личную жизнь граждан. И. Зуенко приходит к следующему выводу: у Си Цзиньпина не было альтернативы «закручиванию гаек» и консолидации власти, и его историческая роль в том, что он смог это реализовать. Автор не исключает, что Си Цзиньпин может оставаться во главе Китая и после окончания «третьего срока» (2027 год) – по примеру Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, которые руководили государством до 80–85 лет. Справедливо указывается на высокую вероятность политического кризиса в случае отсутствия заранее определенного преемника. При этом, если исходить из существующей практики, на высшие должности в настоящее время может претендовать только относительно малоизвестный соратник действующего лидера Дин Сюэсян, однако никаких признаков «транзита власти» не наблюдается.

Очерки И. Зуенко нельзя назвать страноведческими в классическом понимании; он и не ставил перед собой такую задачу. Тем не менее их прочтение дает комплексную, многогранную картину того, «чем дышит» наш крупнейший сосед. Несмотря на то, что «эпоха Си Цзиньпина» еще не завершена, автору удалось подметить многие ее характерные особенности, которые, весьма вероятно, будут определять дальнейшую динамику. При этом книга подкупает своей универсальностью: ее можно смело советовать в дорогу и впервые направляющемуся в Китай туристу, и тому, кто считает себя знатоком этой страны. Для бизнесменов двадцать один очерк – как минимум, двадцать одна тема для светской беседы с китайским партнером за ужином после переговоров. Для студентов-востоковедов – двадцать одна нескучная лекция о стране изучения. Для остальных – динамичное познавательное чтение, дающее пищу для размышлений и сравнений. Радует, что издательство согласилось на включение в текст оригинального иероглифического написания обсуждаемых явлений, что крайне важно для владеющих китайским языком читателей.

Как и положено жанру, «Китай в эпоху Си Цзиньпина» опирается на солидный научный фундамент. И. Зуенко строит свои рассуждения не только на собственных исследованиях; он также привлекает наиболее обоснованные оценки ведущих отечественных и зарубежных специалистов. Это обеспечивает высокий уровень достоверности – издание свободно от разнообразных мифов, циркулирующих в информационном пространстве. При этом книга, изобилующая фактами, написана живым и ясным языком, а в очерках чувствуется авторский подход к обсуждаемым проблемам.

В завершение хотелось бы остановиться на следующем. Автор пишет о стране, которая вышла «на проектные мощности» и находится сейчас на пике своего могущества (стр. 12–13). Это очень важное замечание. И иностранцы, и сами китайцы за последние 30–40 лет несколько «привыкли» к социально-экономическим «чудесам»; к тому, что Китай всегда опережает

воображение, ставит рекорды и шокирует скептиков успехами. Безусловная заслуга КПК и Си Цзиньпина в том, что на такой крутой восходящей траектории удалось сохранить управляемость и консолидировать ресурсы. Хотя потенциал роста еще велик, в дальнейшем выдерживать те же темпы будет сложнее. Кризис, вызванный противозидемическими мерами, продемонстрировал, что китайское государство при всех своих меритократических основах, помноженных на усиленную цифровизацию, может запаздывать с нужными решениями.

Завершающийся на наших глазах переход Китая из состояния «вечного движения» в режим стабильной сверхдержавы требует от российских специалистов дальнейшего внимательного наблюдения и глубокого осмысления. Искренне надеемся, что Иван Зуенко порадует читателей их плодами еще не раз.

Список литературы

1. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. (2022) *От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологии внешней политики КНР*. М.: МГИМО-Университет, 24 с.
2. Зуенко И.Ю., Савченко А.Е. (2023) *Центр-региональные отношения в Советском Союзе/России и Китае в период реформ (1980-1990-е годы)*. М.: МГИМО-Университет, 362 с.
3. Тавровский Ю.В. (2015) *Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты*. М.: Эксмо, 272 с.
4. Тавровский Ю.В. (2018) *Си Цзиньпин: Новая эпоха*. М.: Эксмо, 384 с.
5. Тавровский Ю.В. (2024) *Си Цзиньпин – вождь Китая*. М.: Эксмо, 288 с.

Comparative Politics. Volume 16. No. 1. January–March / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-1-16-8

HOW XI JINPING CHANGED CHINA

Book review: Zuenko I.Yu. (2024) *Kitai v epokhu Si Tszin'pina [China in the Era of Xi Jinping]*. Moscow: AST, 304 p.

Dr. Ilya G. CHUBAROV – Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia, RAS.

ORCID: 0000-0002-4672-6566. E-mail: ilya.chubarov@vk.com
32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, Russia, 117997.

Received December 9, 2024

Accepted February 9, 2025

Abstract: Significant shifts in almost all aspects of Chinese life have taken place in the last decade. Ranging from the domestic politics and the relationship between the government and private businesses to architectural styles and urban planning, not all of these changes can be attributed to China's rapid growth in previous years. Behind the seemingly unchanging façade of the communist ideology, Xi Jinping continues to search for a suitable model of development for China. Sino-American relations and the situation surrounding Taiwan are also crucial issues,

particularly in the context of international relations. A popular scientific publication by Dr. I.Yu. Zuenko, researcher at the MGIMO Institute for International Studies, explores the personality of China's leader and analyzes the development trends of Russia's largest neighbor.

Keywords: China, Xi Jinping, socialism with Chinese characteristics, market reforms, anti-corruption campaign

References:

1. Denisov I., Zuenko I. (2022) *Ot miagkoi sily k diskursivnoi sile: novye ideologemy vneshnei politiki KNR [From Soft Power to Discursive Power: New Ideologies of China's Foreign Policy]*. Moscow: MGIMO-University, 24 p. (In Russian).
2. Tavrovskij Ju.V. (2015) *Xi Jinping: Po stupenjam kitajskoj mechty [Xi Jinping: Climbing the Ladder of the Chinese Dream]*. Moscow: Eksmo, 272 p. (In Russian).
3. Tavrovskij Ju.V. (2018) *Xi Jinping: Novaja jepoha [Xi Jinping: The New Epoch]*. Moscow: Eksmo, 384 p. (In Russian).
4. Tavrovskij Ju.V. (2024) *Xi Jinping – vozhd' Kitaja [Xi Jinping – The Leader of China]*. Moscow: Eksmo, 288 p. (In Russian).
5. Zuenko I.Yu., Savchenko A.E. (2023) *Tsentr-regional'nye otnosheniia v Sovetskom Soiuze/Rossii i Kitae v period reform (1980-1990-e gody) [Center-Regional Relations in the Soviet Union/Russia and China during the Reform Period (1980s-1990s)]*. Moscow: MGIMO-University, 362 p. (In Russian).